

АНГЕЛ КАРАЛИЙЧЕВ

**БОЛГАРСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

2

Иллюстрации Румена Скорчева

АНГЕЛ КАРАЛИЙЧЕВ

**БОЛГАРСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

Том 2

Государственное издательство

София, 1984

© Ангел Каралийчев, 1979
© Художник Румен Скорчев, 1979
© Перевод. Ольга Басова, 1979
с/о Jusautor, София, 1984

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

В доме одной богатой женщины жили две девочки. Старшая была ее дочь, а меньшая — батрачка. Мать не знала, как и угодить своей дочке: белым хлебом ее кормила, в лучшие наряды наряжала, бусы, браслеты, шитые золотом туфельки покупала. А батрачка только вздыхала, бедняжка. Она ела черный хлеб, носила старые платья и круглый год ходила босиком, так что репы и колючки ранили ей ноги. А вместо бус носила на шее низку мелких ракушек, которые она сама насобираала в бурьяне. Хозяйская дочка спала до полудня, а проснувшись, начинала сердито жужжать, как назойливая муха. Батрачка вставала на рассвете и сразу же принималась за дело: подметала, убирала в доме, а потом брала ведра и бежала за водой к колодцу, над которым шумели старые тополя. Колодец был глубокий, а вода в нем прозрачная и чистая. В полночь к нему сходились двенадцать месяцев. Встав в круг, черпали пригоршнями воду, умывались, а потом усажива-

лись на травке под старыми тополями и вели неторопливый разговор до самых петухов. А заслышав первых петухов, месяцы вставали и отправлялись далеко-далеко, за тридевять земель.

Как-то раз хозяйка разбудила девочку-батрачку посреди ночи.

— Беги к колодцу, принеси свежей водицы, пить хочется до смерти!

Девочка выбежала со двора. Улицы села были пустыни. Только под тополями, возле колодца, сидели незнакомые люди — одиннадцать мужчин и одна женщина — и о чем-то негромко разговаривали. Голоса у них были тихие, как шелест листьев. Девочка набрала воды и хотела было уйти. Но тут женщина — старая, вся в морщинах — поднялась и спросила:

— Девочка, почему ты так поздно за водой пришла?

— Хозяйка послала.

— Сушеный кизил любишь?

— Я все люблю.

— Возьми, детка! — сказала старуха и протянула девочке горсть сушеного кизила.

— Спасибо, — сказала девочка. — А кто вы такие?

— Мы, девочка, месяцы. Я — бабушка Марта, а это мои братья. Каждую ночь мы приходим к колодцу умываться. Кто пройдет — благословляем. Вот и тебя благословим, только я хочу тебя кое о чем спросить.

— Спрашивайте, — ответила девочка.

— Скажи мне, какой месяц самый добрый и какой самый злой?

Задумалась девочка, а потом и говорит:

— Все вы добрые. Каждый по-своему хорош. В зимние месяцы глубокий снег лежит. Он оберегает ростки пшеницы от стужи. Тогда воробьи-озорники залетают в дома через открытые двери. В марте цветут подснежники, в остальные весенние месяцы птички щебечут, пшеница в рост идет, летом мы урожай собираем, а к осени груши, яблоки, виноград поспевают.

Тогда бабушка Марта подняла руку и от всего сердца благословила девочку.

— Будь здорова, девочка! Пусть каждое твое слово оборачивается золотой монетой, а от улыбки пусть розы расцветают.

Девочка поблагодарила бабушку Марту и побежала домой. Только через порог переступила, а хозяйка уже кричит:

— Где ты, негодница, так долго пропадала?

— С месяцами разговаривала.

Не успела она слово вымолвить, как на пол скатилась золотая монета.

Хозяйка нагнулась, подняла монету и застыла от удивления. Стала она спрашивать батрачку, та ей все рассказала. Девочка говорила, золотые монеты так и сыпались одна за другой. Целую миску набрала хозяйка.

На следующую ночь решила хозяйка послать свою дочь к колодцу.

Разбудила ее в полночь, выкупала, волосы расчесала, на шею бусы надела, в шитые золотом туфельки обула и за ворота проводила. Пошла хозяйская дочь с кувшином в руках к колодцу. Видит: под тополями сидят двенадцать месяцев, разговаривают тихонько, будто пчелы гудят. Наклонилась девочка над колодцем, чтобы воды набрать, а потом повернулась к месяцам и говорит:

— Что это вы уселись нос к носу и шепчетесь, как старые сплетницы. Разговаривайте погромче. Я хочу слышать, о чем вы говорите.

Бабушка Марта нахмурилась и сказала:

— Такая уж у нас привычка. А ты чья, девочка?

— Не твое дело, бабка.

— А почему в полночь пришла за водой?

— Мать выпроводила.

— А сушеный кизил ты любишь? — спросила старуха.

— Давай сюда!

Набрала бабушка Марта горсть сушеного кизила из сумы и подала хозяйской дочке. А та схватила кизил, швырнула его бабушке Марте в лицо и давай хохотать! Да так громко, что сонный воробушек испугался и упал из гнезда. Бабушка Марта рассердилась, но виду не подала. Помолчала немного, а потом и спрашивает:

— Скажи мне, девочка, правду, какой месяц самый добрый и какой самый злой?

— Все плохие. В зимние месяцы на улице — холод, носа не высунешь, бабка Марта мокрым снегом донимает, летом жара, мухи кусаются, а осенью листья начнут облетать — весь сад замусорят.

— Ах так? — сказала бабушка Марта. — Ну, а теперь послушай наше благословение: пусть каждое твое слово оборачивается ящерицами да змеями, а от улыбки пусть крапива расцветает.

Схватила девочка кувшин и со всех ног побежала домой. У ворот ее встретила мать. Обняла дочку и говорит:

— Ну, рассказывай, милая, рассказывай, голубушка, а я буду собирать в подол золотые монеты.

— Что рассказывать-то? — сердито огрызнулась хозяйская дочка. Не успела она слово молвить, как матери в подол посыпались змеи и ящерицы.

Рассердилась хозяйка, схватила палку и ну бить батрачку.

— Почему ты, негодница, не рассказала моей дочери, что надо сказать месяцам, чтобы они ее благословили, как тебя?

Убежала батрачка из дома. Бежала, бежала, устала, села на камень и заплакала. Проходил мимо добрый молодец, увидел девушку и начал спрашивать, о чем она так горько плачет. Приглянулась ему девушка, и он взял ее в жены. А хозяйская дочка продолжала изрыгать змей и ящериц.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧ

Как-то раз, летней порой, ранней зорей поднялся Марко-Королевич, оделся, обулся, шапку соболью на брови надвинул, саблей опоясался, вскинул на плечо палицу и сказал своей молодой жене:

— Любезная моя Ангелина, оседлай моего коня Шарколию, отправляюсь я в далекий путь.

А старуха-мать посмотрела на него и спрашивает:

— Куда же это ты собрался, сынок?

— В Солунь-город, матушка. Давненько не видался с побратимом своим Секулой. Истосковалось по нем сердце мое.

— Зачем же ты опоясал саблю и взвалил на плечо палицу? Не с врагами биться едешь, а с названным братцем повидаться. Оставь дома саблю, Марко, тяжело тебе будет с ней в пути.

Послушался Марко, повесил на стену саблю острую, бросил в угол палицу тяжелую и пошел в горенку, где спал его малютка-сын. Наклонился над ним Марко и поцеловал его в лоб.

А тем временем его молодая жена, — ведь она была умна и догадлива, — седлая коня, незаметно положила под седло саблю острую, а палицу тяжелую запрятала в суму переметную.

Вскочил Марко-Королевич на своего крылатого коня и помчался по широкой солуньской дороге. Пересек он битольскую равнину, на которой паслись стада тонкорунных овец, и въехал в густой дубовый лес. Поглядел Марко на деревья и увидел: пожелтела их листва в разгар лета, поникла, словно прихватило ее осенней изморозью. Никогда еще не бывало такого дива.

Спрашивает Марко-Королевич у леса:

— Скажи мне, темный лес, отчего ты завял? Огнем ли, инеем ли опалило листву твою?

Ни с кем никогда не говорил лес, а вот Марко-Королевичу ответил:

— Не угадал ты, добрый молодец: не жег меня огонь, не морозил иней. А сегодня по утрам прошли здесь злодеи-поработители — черные арапы с кривыми ятаганами. И вели они на трех цепях твоих братьев-славян.

На первой цепи были молодичи с белыми платочками на волосах, с красными ожерельями на шеях. Шли они, понурились, и лили слезы о своих малых детушках, оставшихся сиротками.

На второй цепи были румяные девушки. И у них глаза покраснели от слез. Ведь схватили их у ткацких станков, когда они ткали себе приданое.

На третьей цепи были самые удалые молодцы твоей родной земли. Молча шли они, сжав кулаки, босиком по пыльной дороге. Это их мука затаенная опалила листву на деревьях моих. Вот отчего, добрый молодец, я без времени поблек и увял.

Ударил Марко-Королевич коня и крикнул:

— Поторопись, мой верный Шарколия, мы должны их настичь. Если догоним пленников, я подкую тебя серебряными подковами да золотыми гвоздями.

И полетел быстроногий конь легкокрылой птицей, переплыл буйные воды Вардара, перескочил глубокие доли, примял зеленые травы лугов.

Там, где кончается равнина, у высоких стен Солуньской крепости, настиг Марко-Королевич пленников. Еле плелись они, усталые, ослабевшие от жары. Глядели на небо и наказывали пролетающим птицам:

— Когда прилетите в наш край родной, передайте от нас низкий поклон нашим дорогим матерям, отцам и малым детям. Скажите им, что не забыть нам их, покуда живы мы.

Горючие слезы орошали пыльный путь, а черные арапы стегали пленников своими плетями.

Сжалось сердце у Марко-Королевича, когда увидел он своих брать-

ев-славян связанными, и крикнул он тогда громким голосом:

— Эй вы, черные арапы, мучители проклятые! Развяжите пленников и отпустите их на свободу. Я дам вам за них выкуп: каждому по золотому, а начальнику вашему — десять золотых!

Обернулись арапы, оглядели храбреца и отвечают:

— Поезжай своей дорогой, неверный, а не то найдется и для тебя цепь!

Закипела молодецкая кровь у Марко-Королевича! Свесился он с коня, схватил камень — да не какой-нибудь, а целую скалу — и бросил его в сторону арапов с такой силою, что перелетел камень через Солуньскую крепость и упал в Эгейское море. Схватился Марко за пояс, но не нашел там своей острой сабельки. Хотел взяться за палицу, но и ее не оказалось. Тяжело вздохнул добрый молодец:

— Эх, матушка, зачем ты меня надоумила пуститься в путь без сабли острой, без палицы тяжелой? Как помочь моим братьям несчастным?

Услыхал те слова Шарколия и заржал:

— Не печалься, Марко, храбрый витязь! Приподними седло да пошарь в переметных суммах — увидишь, что припрятала там твоя догадливая жenuшка.

Приподнял Марко-Королевич кожаное седло и увидел свою саблю острую. Пошарил в переметных суммах и нашел там свою палицу тяжелую. Засверкали у него глаза от радости, и метнул он в черных арапов тяжелую палицу. Но кони их хитры были: опустились они на колени, и палица просвистела над головами всадников.

Схватился тогда Марко-Королевич за саблю. Засвистела она, словно лютая змея. И вскричал Марко-добрый молодец:

— Берегитесь, черные души арапские!

Выхватили арапы свои кривые ятаганы, засверкали белыми зубами и повернули коней в сторону Марко.

Бросился на них Марко-Королевич, замахал своей саблей богатырской, и пошла она косить арапов, как скашивает коса отяжелевшую от соков траву. Смел их Марко с лица земли, как ветер сметает опавшие листья. А связанные пленники остались живыми и невредимыми.

Соскочил Марко-Королевич со своего коня и развязал все три цепи. Всем освобожденным дал он по золотому, чтобы купили они себе сапожки на солуньском базаре.

Освобожденные пленники поцеловали руку своего спасителя, а потом пошли на солуньский базар, закупили там всякой всячины и отправились в свои родные края.

А Марко-Королевич поехал к высокому терему побратима Секулы. По дороге он завернул в кузницу самого искусного кузнеца и велел ему подковать Шарколию серебряными подковами да золотыми гвоздями.

МОЛОДЕЦ СО ЗВЕЗДОЙ ВО ЛБУ И ЕГО РОГАТЫЙ КОНЬ

Жил когда-то на свете добрый и работающий человек. Была у него жена красивая, как майский цвет, а вот детей не было, и он сильно горевал об этом.

Всякий день под его гостеприимную кровлю заходили путники из дальних краев. Хозяин радушно принимал гостей и оставлял ночевать, а хозяйка хлопотала у печи, чтобы угостить их на славу.

Но однажды вечером в гостеприимном жилище не оказалось ни одного гостя. Хозяину стало не по себе. Вышел он из дома и принялся смотреть, не покажется ли какой-нибудь запоздалый путник, но потемневшая дорога оставалась безлюдной. Долго стоял он и ждал. Вдруг из мрака вышел старик с бородой до пояса, приблизился к нему и говорит:

- Добрый вечер, сынок!
- Добро пожаловать, дедушка! — ответил хозяин. — Если ты не

торопишься, заходи к нам переночевать, а завтра утром продолжишь свой путь.

— Вот спасибо! — обрадовался старик и вошел вслед за добрым человеком в его дом. Хозяйка от души поприветствовала гостя, потом засучила рукава и приготовила вкусный ужин. После ужина старик спросил хозяев, хорошо ли они живут, все ли у них есть и не нужно ли им чего.

— Живем мы в достатке, в доме у нас всего вдоволь. Одного нам не хватает — птенчика, который бы ворковал в люльке.

— Не горюйте об этом, — сказал старик, — и птенчик у вас будет. А сейчас давайте-ка ложиться спать, время позднее.

Утром седобородый старик поднялся рано и тронулся в путь. Хозяин проводил его до околицы. Когда стали прощаться, старик вынул из своей котомки румяное яблоко и стальную саблю, протянул их гостеприимному человеку и сказал:

— Когда придешь домой, раздели это яблоко пополам. Одну половинку съешьте вы с женой, а другую разрежь еще на две части и дай съесть двум своим яловым кобылам. Через девять месяцев у вас родится чудесный мальчик со звездой во лбу, который станет самым могучим богатырем на всей земле. Кобылы же родят по жеребенку; одна — обыкновенного, а другая — рогатого. Ходи за рогатым коньком и береги его пуще глаз своих, потому что на нем будет ездить твой сын. Возьми и эту саблю. Храни ее, а когда сын вырастет, отдай ему, но скажи, что только он сам может вынимать ее из ножен. Если же эту саблю обнажит чужая рука, то твой сын в тот же миг умрет. Ну, а теперь прощай!

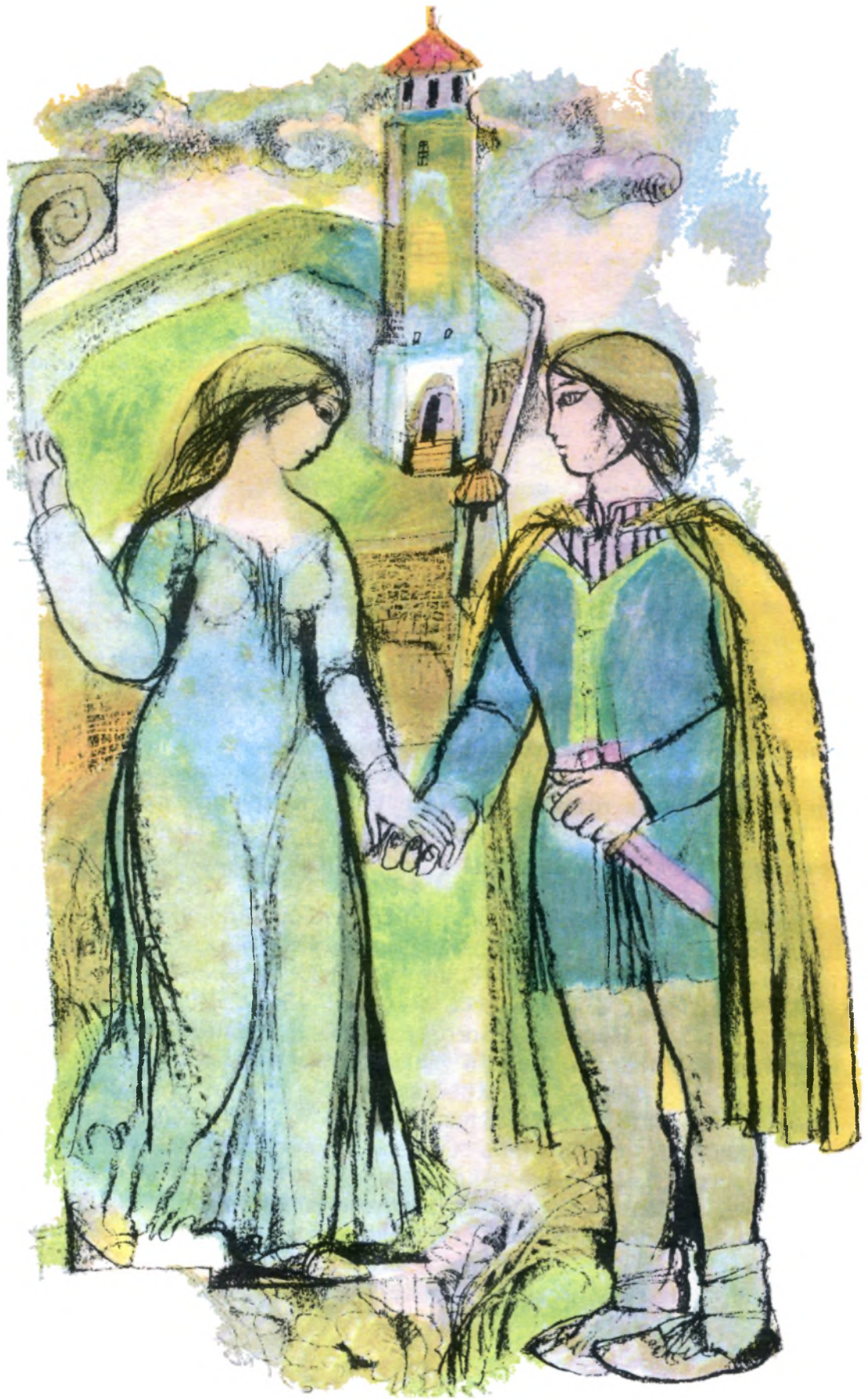
Вернулся гостеприимный человек домой и сделал все так, как наказывал ему старик. Пришло время — и на белый свет появились мальчик со звездой во лбу и рогатый конек.

Когда мальчику исполнилось пятнадцать лет, он начал ходить на охоту в горы и леса и всякий раз возвращался с богатой добычей — с живыми сернами и оленями, а один раз приволок домой даже медведя. К тому времени по селу разнесся слух, что в городе появился человек невиданной силы: он мог разломить сразу две лошадиные подковы. Юноше захотелось поехать в город и увидеть этого силача.

— Что ж, поезжай, сынок, — сказал отец, — но сначала выбери одного из двух молодых жеребчиков, которые стоят в конюшне.

Юноша вошел в конюшню, остановился перед тем конем, у которого не было рогов, схватил его за хвост, повертел над головой и выбросил вон из стойла. Потом подошел к рогатому коню, схватил его за хвост и попытался поднять, но конь не шелохнулся, словно прикованный к месту.

— Вот этот конь по мне! — сказал юноша, вскочил на него и стал

прощаться с родителями.

Когда отец увидел, что сын выбрал рогатого коня, он очень обрадовался и вспомнил про саблю. Вынес ее из дома, подал сыну и передал наказ седобородого старца.

Юноша поцеловал руки отцу и матери и тронулся в путь. Ехал, ехал и наконец доехал до города, где жил прославленный силач. Застал он его в кузнице.

— Хочешь, померимся силами? — предложил молодец со звездой во лбу.

— Что ж, давай, — согласился силач. Схватил две новые подковы, стиснул их двумя руками и разломал, словно сдобные калачи.

Тогда молодец, не сходя с коня, протянул руку и взял три подковы. Сложил их вместе и разломил без всякой натуги.

Поклонился ему до земли прославленный силач и сказал:

— Признаю, что ты сильнее меня.

А молодец ударил коня и поехал прочь — искать других богатырей, чтобы помериться с ними силами. Долго он ездил по белу свету, спрашивал и расспрашивал всех встречных, не слыхивали ли они о каких-нибудь могучих богатырях. Наконец сказали ему, что далеко в горах живет черный человек, которого никто не может победить, и молодец со звездой во лбу отправился к нему.

Как только рогатый конь перескочил через ограду дома, где жил черный человек, тот выбежал во двор, вскочил на вороного жеребца и закружился, как вихрь.

— Чего тебе нужно здесь? — вскричал он.

Но молодец выхватил саблю, взмахнул ею, и она засвистела, как ветер. Шарахнулся назад черный всадник, впился глазами в саблю и рогатого коня, а потом соскочил на землю и преклонил колени перед молодецм.

— Признаю тебя богатырем над богатырями, — сказал он, — и готов все для тебя сделать.

Поднялся с колен черный человек и тут же превратился в пригожего белолицего юношу.

Молодец вложил саблю в ножны, слез с коня и вошел вместе с хозяином в белый дом, где слуги приготовили им богатое угощение. Ели, пили, веселились богатыри и, наконец, побратались. Черный человек, который теперь белым стал, начал похвастаться, какие диковинные вещи он может делать.

— Я на три аршина сквозь землю вижу, — сказал он, — и как только увидел тебя, сразу разгадал, что ты самый сильный человек на свете. А еще могу превращаться в медведя, козу, либо осла, могу на руках ходить и ногами срывать с деревьев яблоки и груши.

— Это все пустое. А что еще ты умеешь?
— Когда приложу ухо к земле, слышу все, что люди говорят на тыщи верст вокруг.

— Это хорошо. Может нам пригодиться! — сказал молодец. — А теперь, побратим, пришло время нам проститься.

— Будь здоров, побратим, в добрый час! Когда же мы снова свидимся и как мне узнать, что ты жив-здоров и ничего худого с тобой не приключилось?

— А вот как, — ответил молодец. — Видишь эту розу? Моя мать посадила ее в тот день, когда я родился. Стебелек вырос, и на нем распустились два цветка. Они увянут только тогда, когда я умру. Ты возьми себе один цветок, а у меня останется другой. Каждый день поглядывай на него. Когда увидишь, что цветок завял, знай, что меня нет в живых.

Проговорив эти слова, молодец вскочил на коня и улетел, как сокол. Долго носился он по лесам, горам и зеленым долам и везде спрашивал, не встречали ли люди богатыря над богатырями, с которым он мог бы помериться силами, но никто не мог указать ему такого.

Подъехал он как-то раз к глубокому озеру. И только хотел было напоить в нем своего коня, как вдруг из хижины, что на другом берегу стояла, выскочил высоченный человек с огромным брюхом и давай кричать:

— Эй, ты! Убери коня, чтобы не смел он мою воду лакать, а то я поел соленой рыбки и теперь мне страсть как пить хочется! Целую неделю ждал, пока реки наполнят озеро, чтобы напиться вдосталь, а ты лошадь сюда на водопой привел!

С этими словами великан наклонился и одним духом выпил все озеро.

Увидев это, молодец очень удивился, сошел с коня и завел беседу с великаном. Скоро они разговорились, подружились и, наконец, побратались. На расставанье молодец дал своему названому брату второй цветок, рассказал об его чудесном свойстве, попрощался и уехал.

Ездил он, ездил по свету и наконец рогатый конь привез его в одно глубокое ущелье. Посреди ущелья стояла высокая башня, крытая золотой черепицей.

— Здесь, наверное, живет какой-нибудь знатный человек, — подумал юноша и постучался в запертые ворота.

Постучал один раз, второй, третий, потом заглянул через ограду и увидел, что по мраморной лестнице спускается вниз писаная красавица, одетая в шелк и парчу, а на пальцах у нее сверкают перстни с драгоценными камнями. Подбежала она к воротам и открыла их. А когда подняла глаза и увидела молодца, слезы так и покатались по ее щекам.

— Почему ты плачешь, красавица? — спросил гость.

— Как же мне не плакать, добрый молодец, ведь меня держит в

плону злой разбойник. Я царская дочь. У меня был жених, такой же молодой и пригожий, как ты, но в день свадьбы разбойник ворвался во дворец, убил моего жениха, а меня сюда привез. С тех пор не знаю я радости. А сейчас я слезы лью о себе и о тебе, потому что погибнешь ты на заре своей жизни. Разбойнику ничего не стоит одолеть тысячу таких м лодцов.

— Не горюй, красавица, — сказал молодец, — увидишь, как я расправлюсь с ним.

А разбойник в это время возвращался с охоты и еще издали приметил, что какой-то всадник разговаривает с его пленницей. От гнева у него из глаз искры посыпались, и начал он погонять своего коня. Но как только они съехались с молодцем, тот замахнулся своей саблей и рассек под ним коня на две половины. Свалился разбойник на землю. Замахнулся молодец во второй раз и поразил злодея на месте. А красавица все это время стояла с кинжалом в руке. Решила она заколоть себя, если разбойник одолеет молодца. Увидев, что мучитель ее бездыханный лежит, бросилась царская дочь навстречу победителю и со слезами на глазах обняла его. Отвел молодец коня в конюшню и остался жить в башне с красавицей-царевною.

Мало ли, много ли времени прошло, только проведал царь-отец, что разбойника нет в живых и решил выдать свою дочь замуж за князя. Отправил он за ней своих людей, но она не захотела вернуться к отцу и так ответила его посланным:

— Скажите моему батюшке, что я уже замужем и слышать не хочу ни о каком князе.

Рассердился царь и стал думать, как бы ему погубить молодца со звездой во лбу, но никто из его приближенных не осмеливался вызвать на бой такого богатыря. Наконец во дворец пришла колдунья — хитрая, как лисица.

— Я берусь погубить этого молодца и вернуть тебе дочь, — сказала она царю. — Только скажи, чем ты меня наградишь за это?

— Дам тебе целый мешок золота! — пообещал царь.

Переделалась колдунья нищенкой и отправилась к башне, где жил молодец. Как раз в это время он был на охоте. Постучала колдунья в ворота. На стук вышла красавица-царевна.

— Пожалей меня, доченька! — взмолилась хитрая колдунья. — Нет у меня в доме ни кусочка хлеба. Дай мне чего-нибудь поесть.

У царевны было жалостливое сердце. Вынесла она целую корзину с хлебом, плодами и печеным мясом, протянула ее нищенке и наказала:

— Когда тебе опять нечего будет есть, бабушка, приходи сюда. Я часто остаюсь дома одна, и накормлю тебя, и напою, а ты меня беседой позабавишь.

На другой день колдунья выждала, когда молодец уйдет на охоту, и опять явилась к царевне. Так и стала к ней каждый день наведываться. Подружились они с царской дочерью. Начала колдунья ее расспрашивать, хорошо ли она живет с мужем.

— Очень хорошо, — отвечала царевна. — У мужа моего нет никаких тайн от меня.

— Ни за что не поверю я, чтоб у мужа от жены ни одной тайны не было, — прошамкала ведьма. — Небось, и твой муж утаил от тебя что-нибудь. Спроси-ка его, в чем скрыта тайна его жизни, посмотрим, скажет ли он тебе.

— Конечно, скажет! — воскликнула царская дочь.

— Спроси и увидишь, что он тебе этого не откроет.

Вечером царевна собрала мужу поужинать, а сама в уголке села и губы надула.

— Отчего ты такая скучная? — спрашивает ее молодец.

А жена ему в ответ:

— Признайся, нет ли у тебя каких тайн от меня?

— Ты сама знаешь, что нет.

— А почему же ты не сказал мне до сих пор, где скрыта тайна твоей жизни?

— Потому что со мной тогда может случиться беда.

— Прошу тебя, скажи мне! — расплакалась царевна.

Молодец встревожился, обнял жену и говорит:

— Ну не плачь. Так и быть, открою тебе тайну моей жизни. Она скрыта в сабле, которая висит у меня на поясе. Пока я сам вынимаю саблю из ножен, буду жив и невредим, но если кто-нибудь другой ее вынет, в тот же миг умру. Это и есть тайна моей жизни. Только ты никому не говори о ней, потому что тогда меня легко могут погубить.

Но царская дочь не умела тайны хранить, и на другой же день колдунья обо всем узнала. Вечером она попрощалась с царевной, а выйдя за ворота, мякнула три раза, превратилась в кошку и юркнула через подворотню обратно. Потом прокралась в башню и спряталась там под кроватью. Ночью молодец снял саблю, повесил ее над головой и лег спать, а колдунья вылезла из-под кровати, снова обернулась женщиной, схватила саблю, вытащила ее из ножен и выбросила через окно в озеро. В тот же миг молодец перестал дышать. Заплакала, заголосила царевна, как увидела наутро, что муж бездыханный лежит. А колдунья тем временем отправилась во дворец известить царя о смерти молодца. Как только проведал об этом злой царь, вооружил он полк солдат и отправился за дочерью. Подъехали они к башне. Вдруг навстречу им выбежал рогатый конь, поднялся на дыбы и давай лупить передними ногами царских солдат по головам. Бьется против целого полка и никого не пускает в башню.

Как раз в это время названные братья молодца заметили, что цветики, которые он им подарил, увяли.

„Нашего побратима нет в живых!“ — подумал каждый из них и стал готовиться в путь. Собрались они вместе и решили узнать, что случилось.

Тот, который мог слышать все, что люди говорят, приложил ухо к земле и услышал, как колдунья рассказывает царю:

— Только вытащила я саблю из ножен, он сразу и перестал дышать.

— А куда же ты девала ту саблю?

— Забросила ее в глубокое озеро за башней.

— Вот в чем дело, — сказал первый побратим. — Старая ведьма погубила богатыря из богатырей. Поспешим же ему на выручку.

Уселись побратимы на двух больших горных орлов и понеслись к башне. Орлы перелетели через горы и опустились на берегу озера. Великан-побратим наклонился и одним духом выпил всю воду из него. Когда воды не стало, на дне озера блеснула обнаженная сабля. Первый побратим взял ее и побежал по мраморной лестнице в опочивальню, где лежал молодец. Отыскал там ножны и как только вложил в них саблю, молодец зашевелился, протер глаза, тут же вскочил на ноги, схватил саблю и побежал на помощь коню.

А в это время рогатый конь продолжал храбро биться с царским войском. Как только засвистела сабля богатырская над головами солдат, так они и рассыпались во все стороны, словно перепуганные цыплята. Но молодец не стал их преследовать, а взял в плен только царя и колдунью и наказал их по заслугам.

БРАТЕЦ И СЕСТРИЦА

Жили некогда муж с женой. Жили дружно и радовались на своих двух деток — мальчика и девочку. Мальчика звали Иванчо, а девочку Марийка. Детки были хорошие, послушные, и отец с матерью очень их любили. Но случилась беда: заболела мать и умерла. Отец овдовел, а детки остались сиротками. Думал, думал отец, что ему делать и наконец решил жениться во второй раз. Привел он в дом злую женщину с желтыми холодными глазами. Как только увидела она детишек, притаившихся у очага, лицо ее так и вспыхнуло ненавистью.

Вечером мачеха спросила мужа:

- Какой завтра день?
- Георгиев день, праздник весны.
- К этому дню надо купить ягненочка.
- А у меня денег нет, — ответил муж.
- Тогда продай своих детей. И без них обойдемся.

— Что ты говоришь? — испугался отец.

— Говорю то, что ты слышишь, — ответила желтоглазая женщина, — если ты не продашь их, я уйду из твоего дома. А сейчас возьми кусок мыла, гребень, котелок с водой и ковшик из выдолбленной тыквы, отнеси все это в хлев и запри там детей на ночь. Вели им хорошенько помыться, чтобы завтра ты вывел их на базар чистыми.

Отцу стало жалко деток, слезы закапали у него из глаз, да делать было нечего. Уж очень он боялся своей злой желтоглазой жены. Отвел он детей в хлев, отнес им мыло, котелок с водой, гребень и ковшик, наказал хорошенько вымыться и ушел, заперев дверь. А мальчик слышал все то, что говорила мачеха, девочка же ни о чем не догадывалась. Вечером, когда они вымылись и улеглись на солому, Иванчо тронул сестрицу за плечо и прошептал:

— Давай убежим отсюда!

— Зачем нам бежать?

— Потому что утром отец отведет нас на базар и продаст.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышал, когда они говорили об этом. Поэтому нас и заперли в хлев.

— Ой, что же нам делать, Иванчо?

— Давай выкопаем яму под стеной и через нее выберемся отсюда.

Дети принялись за дело, и скоро яма была готова. Взяли они котелок, гребень и ковшик, выбрались из хлева и побежали в лес. Когда рассвело, они были уже далеко в горах.

Утром мачеха пошла в хлев посмотреть, что ребятишки делают, и увидела, что там никого нет. Тогда она крикнула мужу:

— Твои дети убежали! Догони их во что бы то ни стало!

Муж схватил шапку и побежал в лес по следам двух беглецов. Перебрался через гору, спустился на полянку и к полудню настиг ребятишек. Мальчик обернулся назад, увидел отца и крикнул сестрице:

— Отец догоняет нас! Скорей бросай котелок!

Девочка бросила котелок, и по всей поляне заблестели тысячи котелков. Отец стал натекаться на котелки, спотыкаться и падать. С трудом перебрался он через поляну, но дети тем временем ушли далеко вперед. Отец еще быстрее побежал и опять стал настигать их.

— Сестрица, бросай ковшик! — крикнул мальчик.

Сестрица бросила ковшик, и по всей поляне зажелтели тысячи ковшей из выдолбленных тыкв. Очутившись среди них, отец начал спотыкаться и падать. Наконец пробрался между тыквами и снова нагнал детей.

— Теперь бросай гребень! — крикнул Иванчо.

Марийка бросила гребень, и поляна поросла колючим лесом гребней зубцами вверх. Дурной отец напоролся на зубцы, упал на землю и уже

не мог подняться. А дети побежали дальше, в далекие края, чтобы никто не мог их найти.

Долго шли они, взявшись за руки, и наконец дошли до одного колодца. Марийка увидела около колодца волчьи следы и догадалась, что это волчий колодец. А Иванчо наклонился над срубом и сказал:

— Сестрица, у меня горло пересохло от жажды, я хочу напиться.

— Не пей, братец, — остановила его Марийка, — тот, кто напьется из этого колодца, делается волком.

Иванчо испугался и не стал пить.

Пошли они дальше. Дошли до другого колодца. Около него Марийка увидела следы медведя и поняла, что это медвежий колодец.

— Я хочу напиться! — взмолился Иванчо.

— Не пей, братец, станешь медведем.

Прошли еще немного. Видят — опять колодец, а над ним ива склонилась.

— Напьюсь-ка из этого колодца, а то я изнываю от жажды! — заплакал Иванчо.

— Что ж, пей, братец! — согласилась Марийка, — но сначала посади меня на эту иву.

Иванчо посадил сестрицу на дерево и наклонился, чтобы попить воды, но как только сделал первый глоток, тут же превратился в рогатого олененка и убежал в лес, а сестра осталась на дереве. Затаилась горемычная среди ветвей и переночевала там. А на другой день рано поутру пришел к колодцу напоить своего лихого скакуна сын воеводы. Соскочил он на землю и потянул коня за уздечку к воде, но конь стал упираться и не захотел пить. Заглянул воеводич в колодец и увидел там человеческую тень. Поднял он глаза кверху и что же видит: на ветвях ивы сидит пригожая девочка.

— Слезь с дерева, девочка! — крикнул воеводич. — Ты пугаешь моего коня, он не может напиться.

— Кто меня посадил на дерево, тот и снимет, — ответила девочка.

И как ни просил, как ни молил ее воеводич, Марийка не спустилась на землю.

Тогда позвал он трех дровосеков и приказал им срубить иву. Дровосеки засучили рукава и взялись за работу. Рубили они, рубили до самого вечера. Еще чуть-чуть и свалилось бы дерево, но стало уже смеркаться, и один из дровосеков предложил товарищам:

— Отправимся-ка по домам, а завтра придем сюда рано утром и срубим иву.

Ушли они. А ночью олененок прибежал проведать сестру и увидел, что ива еле держится. Стал он тогда подбирать щепки и прилеплять каждую на свое место. До рассвета налепил все щепки, и дерево опять

стало целым. Пришли наутро дровосеки и не могут понять, что за чудо случилось с деревом. Снова начали рубить, но и на этот раз не успели дорубить до конца. Когда стемнело, они отправились домой спать, а ночью прибежал олененок и опять наклепил щепки. Пришли дровосеки на третий день и видят, что дерево по-прежнему стоит нетронутое. На четвертый и на пятый день случилось то же самое. Дивился сын воеводы и не мог понять, в чем же тут дело. Тогда послал он глашатая объявить по всему воеводству, что тот, кто сумеет снять девочку с дерева, получит большую награду.

Но никто не объявился. Наконец пришла одна старушка и сказала:

— Я берусь снять девочку с дерева, а ты, сынок, готовь мне награду.

— Хорошо, ты ее получишь, — ответил воеводич.

Старушка впрягла в маленькую тележку петуха и кота, поставила на нее квашню, котелок, треножник да сито, наполненное до краев мукой, и погнала петуха с кошкой к иве. Подъехав к дереву, она распрягла тележку, развела огонь, а потом повернула треножник вверх ногами, повесила на него котел вверх дном и залила огонь водой. Девочка смотрела, смотрела на нее с дерева и, наконец, спросила:

— Что это ты делаешь, бабушка?

— Да вот хочу лепешек испечь для воеводского сына.

— Так что же ты, бабушка, треножник ставишь вверх ногами, а котел вешаешь вверх дном? — засмеялась девочка.

— А как же нужно, милая? — спросила хитрая старушка. — Ну-ка слезь с дерева и покажи, а то мне самой невдомек.

— А если я слезу, ты меня посадишь потом обратно на дерево?

— Посажу, девонька!

Спустилась девочка на землю, снова развела огонь, поставила треножник как полагается, просеяла муку и нагрела воду. Потом замесила тесто, наделала из него лепешек и зарыла их в горячую золу, чтобы испеклись.

— Ну, а теперь подними меня обратно на дерево, — говорит она старушке.

— погоди, дочка, сначала отведай лепешечек, — отвечает та. — А пока они испекутся, приляг у костра и поспи.

Девочка послушалась и легла. А когда она заснула, старушка положила ее в тележку и погнала петуха с котом к воеводским хоромам.

Обрадовался сын воеводы, увидев в тележке девочку. Тут же созвал он самых лучших портных и велел им сшить для гостыи наряды из тончайшего шелка, шитые серебром и золотом, и на другой же день сыграл с ней свадьбу. Вечером, когда молодые легли спать, из леса прибежал к ним в опочивальню олененок. Начал он гладить копытцем ноги сестрицы и ее мужа да приговаривать:

— Это ножки сестричины, а это — зятевы!

Далеко разнесся слух о том, что Марийка стала женой воеводича, узнала об этом и злая мачеха. Пришла она в воеводские хоромы и попросила, чтобы Марийка взяла ее к себе в батрачки. Марийка сжалилась и оставила мачеху у себя в доме.

Молодые жили счастливо, а олененок все около них вертелся. Однажды Марийка сказала мужу:

— Сегодня очень жарко. Позволь мне сходить на реку искупаться.

— Иди, — согласился сын воеводы, — но с кем ты пойдешь?

— С батрачкой, что живет у нас, ведь она моя вторая мать.

— Хорошо, ступайте.

Пришли Марийка с мачехой на реку, разделись и вошли в воду; а мачеха только того и ждала, чтобы погубить ненавистную падчерицу. Столкнула она ее в омут и утопила. А сама одела Марийкино платье и пошла в воеводские хоромы. Вернулся воеводич вечером с охоты, видит, сидит у окна и его дожидается желтоглазая женщина с темным лицом.

— Отчего ты так почернела и подурнела, Марийка? — спросил он ее.

— Потому что за день меня солнце напекло.

Ничего не сказал воеводич и лег в постель. Только начал он засыпать, как вдруг прибегает олененок и давай приговаривать:

— Это ножки зятевы, а другие, черные, мачехины, утопила она мою сестрицу в глубоком омуте.

Воеводич проснулся, открыл глаза и спрашивает:

— Почему олененок так говорит?

— Потому что завидует нашей счастливой жизни и хочет нас разлучить, — отвечает мачеха. — Завтра же заколи его!

— Ладно, заколю! — согласился воеводич.

На другой день позвал он мясника и велел заколоть олененка. Олененок испугался и начал просить:

— Зятюшка, скажи, чтобы меня не кололи сейчас!

— А когда же?

— Когда вернусь с водопою. Сейчас я схожу на реку, напьюсь холодной водицы и вернусь. Тогда и прикажи меня заколоть.

— Будь по-твоему, — согласился воеводич, — иди на реку, да только поскорее возвращайся.

Побежал олененок к реке.

— Погляжу-ка я, что он там будет делать, — сказал себе воеводич, незаметно пошел за ним и притаился в кустах, росших у омута. Олененок подошел к берегу и стал звать сестру:

— Сестрица моя дорогая, где ты?

— Тут я, в глубоком омуте, — отозвалась из-под воды Марийка.

— Ты зачем пришел сюда, братец?

— Пришел проститься с тобой, потому что зятюшка позвал мясника и хочет меня заколоть.

— За что, миленький?

— Уговорила его батрачка, которая тебя утопила.

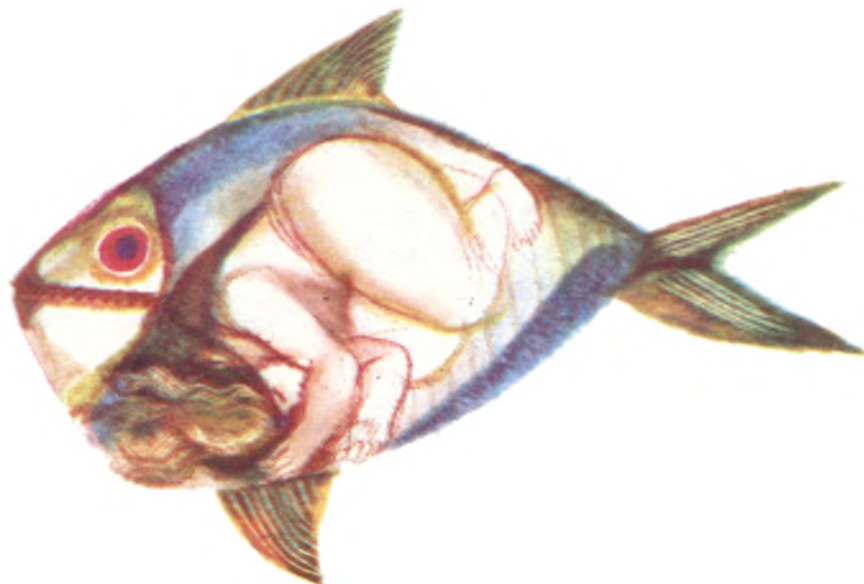
— Прощай, братец! — ответил голос из-под воды. — Видно, обоим нам суждено погибнуть от злой мачехи-колдуньи.

— А что ты там под водой делаешь? — спрашивает олененок.

— Проглотила меня большая рыба, и я сижу у нее в животе. Если бы муж мой сам сплел сеть из серебряных нитей да поймал эту рыбу, то он спас бы меня, но некому сказать ему об этом, — вздохнула сестрица.

Воеводич все это слышал. Вернулся он домой, приказал не трогать олененка, а сам сел плести сеть из серебряных нитей. Два дня плел, а на третий день спустился к реке, забросил сеть в омут и поймал большую рыбу. Распорол ей живот и увидел там свою красавицу-жену. Как только услышала Марийка мужнин голос, открыла глаза и ожила. Сын воеводы нарядил ее еще лучше прежнего и привел домой.

Как увидела мачеха утопленницу, страшно перепугалась, выскочила из окна и так разбилась, что на всю жизнь хромой осталась. А сын воеводы, его молодая жена и рогатый олененок зажили весело и счастливо.

ЗОЛОТАЯ ДЕВОЧКА

Овдовел один человек и женился во второй раз. От первой жены у него осталась дочка, которую мачеха очень невзлюбила. Однажды она сказала мужу:

- Не хочу, чтобы эта девчонка жила у меня в доме.
- Куда же я ее дену? Разве не видишь, что она еще совсем несмышленьш? — говорит отец.

А мачеха в ответ:

- Веди ее куда хочешь, хоть на край света, лишь бы с глаз долой. Сегодня раздоры, завтра раздоры — наконец отец согласился увести девочку из дома.

— Только испеки ей на дорогу круглую лепешку, — сказал он жене.

Мачеха испекла круглую просяную лепешку. Отец засунул ее в котомку, взял девочку за руку и повел ее в дремучий лес. Когда поднялись они на пригорок, отец вынул из котомки лепешку, пустил ее вниз по склону и крикнул:

— Беги, дочка, лови лепешку!

Девочка побежала с пригорка за лепешкой и схватила ее уже внизу среди кустарника. А отец тем временем спрятался за деревьями и скрылся в чаще.

— Батюшка, я поймала лепешку! — стала звать его девочка. — Батюшка, где ты?

Снова поднялась бедняжка на пригорок, посмотрела в одну сторону, в другую — вокруг ни единой живой души. Заплакала она и пошла искать тропинку, но так ничего и не нашла. Целый день проплутала. А когда солнце потонуло за лесом и начало темнеть, девочка испугалась и зарыдала во весь голос.

В самой чаще леса в деревянном домишке жила одна бабушка-знахарка. Услышав человеческий голос, она вышла из домика и крикнула в темноту:

— Кто там плачет? Мальчик или девочка? Если девочка — иди ко мне, а если мальчик — уходи отсюда!

— Я девочка, бабушка, — ответила сиротка.

— Ну так иди сюда скорее!

Девочка подошла и спросила:

— А почему, бабушка, ты не хочешь взять к себе мальчика?

— Потому что мне нужна работница в доме, а мальчики не умеют хозяйничать.

Девочка вошла в домик. Бабушка накормила ее и положила спать. Утром девочка встала рано и, пока бабушка спала, прибрала все в домике, вымела пол, наносила воды. Бабушка проснулась, увидела, что сделала гостья, улыбнулась, но ничего не сказала. Оделась и собралась идти по грибы. А перед уходом наказала проворной девочке:

— В погребе у меня живут змеи и ящерицы. Завари из отрубей кашу и покорми их. Не бойся к ним подходить, они у меня не кусаются.

Девочка заварила кашу из отрубей, накормила старушкиных питомцев, и так как работы у нее не было, стала нанизывать на ниточку бусинки, смастерила ожерелья и надела их на всех змеек и ящериц. К полудню бабушка возвратилась домой, а змеи и ящерицы выползли ее встречать и давай хвалиться:

— Вон как нас девочка нарядила! А как сладко нас девочка накормила!

— И бабушка нарядит девочку за это! — сказала знахарка и снова улыбнулась.

Около бабушкиного домика текла волшебная речка. Через каждый час она меняла свой цвет. После обеда бабушка привела девочку на берег реки, прилегла на траву и сказала:

— Я подремлю, а ты спой мне, чтобы я поскорее заснула.

Девочка присела в изголовье у бабушки и запела. Песенка ее была тихой, как жужжание пчелки. Перед тем как заснуть, бабушка проговорила сонным голосом:

— Гляди на речку. Сначала потечет в ней синяя вода, потом красная, потом черная. А после черной потечет желтая вода. Вот тогда тебе надо меня разбудить.

Девочка стала смотреть на реку. Река через каждый час меняла свой цвет: сначала текла синяя вода, потом красная, потом черная. Наконец, потекла желтая вода, и девочка разбудила бабушку. Бабушка вскочила, схватила девочку за волосы, окунула ее в реку и крикнула:

— Хватай то, что попадется в руки!

Девочка схватила что-то под водой, а когда старушка вытащила ее, то она увидела, что держит в руках какой-то ларчик.

— Что в нем лежит? — спросила девочка.

— Когда придешь домой, отопрешь его вот этим ключиком и увидишь, — ответила бабушка и протянула девочке ключик. Потом вывела ее из леса, показала дорогу домой и попрощалась с ней.

Когда девочка вошла в дом, все вокруг засияло, потому что желтая вода была золотой и девочка стала золотой после того, как выкупалась в ней. Увидела ее мачеха и губы закусила от зависти.

— Что это у тебя за ларчик? — спросил отец.

Девочка отперла ларец и подняла крышку. Все так и ахнули: он был доверху наполнен червонцами.

— Рассказывай скорей, где ты была! — не стерпела мачеха.

Золотая девочка рассказала обо всем, что с ней случилось.

— Веди-ка и мою дочь в тот же самый лес! — крикнула мачеха мужу (у нее своя дочка была).

— Сначала испеки лепешку, — ответил муж.

Мачеха испекла большую пшеничную лепешку. Отец повел падчерицу в лес, взобрался с ней на пригорок и пустил с него лепешку вниз, а когда девочка побежала следом за ней, повернул домой.

Целый день проплутала мачехина дочь по лесу, а когда стемнело, громко заплакала.

— Кто там плачет? — спросила из темноты та же самая бабушка.

— Если мальчик — уходи отсюда, а если девочка — иди ко мне!

— Я девочка! — ответила мачехина дочь и вошла в домик.

Бабушка накормила ее и уложила спать. Утром, когда пригрело солнце, бабушка поднялась и видит, что гостья все еще спит. Нахмурилась она, но ничего не сказала. Разбудила девочку и наказала ей:

— Я пойду по грибы, ты же приберись в доме, а потом завари кашу из отрубей, снеси ее в погреб и накорми моих змеек и ящериц. Не бойся, они не кусаются.

Девочка встала, взяла в руки метлу и начала мести, а пол водой не побрызгала. Пыль поднялась по всему дому. Потом она заварила отруби, да не остудив их, отнесла змеям и ящерицам, и они обожгли себе язычки. Когда в полдень бабушка вернулась из леса, они начали ей жаловаться:

— Девочка обожгла нас горячими отрубями! Нам больно, бабушка!

— И бабушка тем же отплатит девочке! — проговорила знахарка и вошла в домик.

После обеда она привела девочку к волшебной реке и сказала:

— Я подремлю, а ты смотри на реку: коли потечет синяя вода — не тревожь меня, потечет красная — и тут не буди, пойдет желтая — и тогда не зови, а разбудишь меня, когда потечет черная вода! Ну, а теперь спой-ка мне песенку, чтобы я поскорее заснула!

Но девочка запела так плохо и так громко, что бабушка сказала ей:

— Перестань! Ты только мешаешь мне уснуть своим пением.

Девочка замолчала. Бабушка задремала, а река зашумела и начала менять свой цвет. Когда потекла черная вода, девочка разбудила бабушку. Старушка вскочила, схватила мачехину дочь за волосы, окунула ее в воду и крикнула:

— Хватай то, что попадется в руки!

Девочка нащупала под водой ларчик и крепко прижала его к себе. Бабушка вытащила девочку на берег и дала ей ключик, чтобы та отперла ларец, когда вернется домой. Потом старушка вывела мачехину дочь из леса и показала ей дорогу домой. Дело было к вечеру, и мать поджидала ее на краю села. Увидав, что дочка стала черной и безобразной, мачеха позеленела от злости, но подумала:

„Может, она хоть ларец принесла, наполненный золотом!“

Пришли они домой, отперли ларчик и что же увидели: в нем были змеи, ящерицы да раки. Все кинулись в разные стороны, а золотая девочка выскочила на улицу.

— Беги скорей, сними с нее золотое платье, нарядим в него мою дочь! — крикнула мачеха мужу.

Бросился отец следом за дочерью. Побежала она от него, а он за ней. Как увидела золотая девочка, что отец ее догоняет, раскинула руки и вспорхнула, словно птичка. Полетела над домами, над садами, над горными вершинами и поднялась высоко в небо. Обернулась золотым месяцем и осветила землю.

Отец так и остался на месте с разинутым ртом. Такого чуда он еще не видывал.

С тех пор золотая девочка появляется по ночам на небе, освещает всю землю и ищет глазами свой родной край.

ПАРЕНЕК— С — ВЕРШОК

В соломенной лачужке, на крыше которой свил себе гнездо аист, жили старик со старухой. Были у них два вола — один слепой, а другой хромой, была у них и нива — три года не паханная. Одного у них не было — ребеночка, это-то их и печалило.

Однажды утром старик говорит старухе:

— Пойду-ка я вспашу ниву и посею на ней просо. Когда оно созреет, птички слетятся его клевать, а я наброшу на них свою рыбацкую сеть и поймаю с десяток. Потом сделаю им клетку и отнесу продавать на базар. Как полагаешь, старуха, хорошо я надумал?

— Надумал-то ты хорошо, да нам сегодня пообедать нечем. Ступай-ка сперва налови немножко рыбки, а уж потом пойдешь на поле.

Спустился старик к реке и забросил сеть в глубокую заводь. Вытянул обратно, а в ней полным-полно рыбок-златоперок. Закинул во второй раз,

вытащил и что же видит: в сети копошится человек ростом с вершок. Поглядел он на старика и крикнул:

— Доброе утро, батюшка!

— Ты кто? — удивился старик.

— Я твой сын. Все под камушком стоял да ждал, когда кто-нибудь меня оттуда вытащит и принесет в твою лачужку. Ждал, ждал, уж и усы у меня выросли, а так никого и не дождался. Вышел я прогуляться по дну реки, тут и попался в твою сеть. Ну, веди меня домой, а то я дороги не знаю.

Старик нагнулся, вызволил из сети усатого паренька, посадил его в корзинку с рыбой и принес домой. Увидела бабушка паренька и очень обрадовалась.

— Ох, сыночек мой! — вскричала она. — Погляди-ка, старик, у него уж и усы отросли. Давай назовем его Паренек-с-вершок.

Старик согласился, погладил сына по головке и ушел на пашню. В полдень Паренек-с-вершок взял горшок с похлебкой и понес отцу. Завидел его старик и остановил волов. Потом уселся в борозде и стал полдничать. А Паренек-с-вершок отправился бродить по полю. Подошел к волу, ухватился за его хвост и вскарабкался к нему на спину. Затем подполз к уху, влез в него и давай кричать:

— А ну, пошли!

Вол тронулся, а за ним и второй потянулся. Принялся Паренек-с-вершок пахать вместо отца. Протянул одну борозду — она у него прямая, как свеча, получилась, протянул вторую; знай себе пашет да насвистывает.

— Батюшка, — кричит он старику, — ты приляг под грушей, а я тем временем вспашу ниву. Если кто-нибудь пройдет и захочет меня купить, ты не раздумывай, бери деньги, а я потом опять к тебе вернусь.

Старик лег под деревом и задремал. Вот проходит мимо один богатый торговец и глазам своим не верит: пахарь спит под грушей, а волы сами пашут.

— Эй, мужичок! — окликнул он старика. — Что это за диво такое?

— Какое диво?

— Не могу я в толк взять, как это волы сами пашут?!

— Протри глаза и увидишь, что волы не сами пашут, а мой сын их водит.

— Где же он? — еще пуще удивился торговец.

— Вон там, у вола в ухе.

Торговец подошел к волам, начал их разглядывать и заметил усатого человечка. Стал он просить старика:

— Продай мне его!

— А сколько дашь?

— Сотню золотых.

— Давай деньги!

Торговец отсчитал деньги и взял себе Паренька-с-вершок. Сунул его в карман и отправился в путь. По дороге Паренек-с-вершок прогрыз в кармане дыру, незаметно спустился на землю и шмыгнул в кусты. Торговец ничего и не заметил. А Паренек-с-вершок перебежал через лесок и добрался до какого-то моста. Тут и ночь наступила. Улегся Паренек-с-вершок под мостом и уже закрыл было глаза, как вдруг слышит: идут трое разбойников и ведут меж собой такой разговор:

— Этой ночью, — говорит один из них, — уведем вола у того крестьянина, что живет на краю села. Вы как, согласны?

— Согласны! — отвечают двое других.

— Возьмите и меня с собой, братцы! — откликнулся из-под моста Паренек-с-вершок.

— А ты кто такой? — грозно спросили воры и уставились глазами в темноту. Разглядели, наконец, маленького человечка, всплеснули руками и закричали:

— Как раз тебя-то нам не хватает! Мы ведь с ног сбились, разыскивая такого малыша, как ты. Так вот слушай! Через замочную скважину ты пролезешь в хлев во дворе того дома, что стоит на краю села, отопрешь дверь и выведешь одного вола, а мы будем поджидать снаружи.

Сказано — сделано. Подошли разбойники к дому на краю села, помогли Пареньку-с-вершок пролезть через замочную скважину и притихли в темноте. А Паренек-с-вершок как закричит изнутри что было силы:

— Братья-разбойники, какого вола выводить — белого или черного?

— Тише ты, усатый чертенок! — заворчали разбойники. — Выводи черного!

Паренек-с-вершок вывел черного вола. Воры погнали его в лес, закололи, содрали с него шкуру и разделили между собой. Пареньку достался воловий желудок. Когда разбойники ушли, Паренек-с-вершок спустился к ручью, хорошенько вымыл желудок вола, залез в него и заснул в тепле. В ту же ночь к ручью прибрел голодный волк. Увидел он воловьих потроха и подскочил от радости. Раскрыл пасть и проглотил их. Проснулся Паренек-с-вершок, протер глаза и сразу догадался, что сидит в брюхе у волка. Осмотрелся он и начал прохаживаться взад и вперед, а потом подобрался к волчьей пасти и поглядел сквозь клыки. А уже полдень наступил. Рядом, в тени ореховых деревьев, расположилось стадо овец, а пастух и собаки спали в сторонке. Волк подкрался к молоденькому барашку и уже хотел было его удушить, да Паренек-с-вершок вдруг как закричит:

— Вставай, пастух, а то волк утащит у тебя барашка!

Пастух вскочил и разбудил собак. Собаки бросились на волка, и тот едва от них ноги унес. Прибежал в лес, засел в кустах и стал подстергать

зайца, но как только тот показался, Паренек-с-вершок опять как закричит:

— Беги отсюда, косой, а то пропадет твоя шкурка!

Убежал заяц. А волк рассердился и зарычал:

— Кто это расхаживает по моему брюху и спугивает мою дичь?

— Это я, Паренек-с-вершок.

— Что тебе нужно от меня?

— Хочу, чтобы ты отнес меня домой к отцу, к матери.

— А где они живут?

— Вон там, в селе под горой.

Волк поджал хвост и стал спускаться с горы. Пришел он в село, перескочил через плетень и вошел во двор к родителям Паренька.

А Паренек-с-вершок высунул голову из волчьей пасти и крикнул:

— Батюшка, матушка, идите сюда, проучите волка дубиной, да смотрите, по брюху не бейте, а то косточки мои переломаете!

Старик схватил увесистую дубину и выскочил во двор. А за ним выбежала старуха с коромыслом. Били они, били волка, пока не прикончили. Распоролы ему брюхо и вытащили оттуда Паренька-с-вершок.

— Как поживаете, почтенные родители? — спрашивает Паренек-с-вершок, а сам усы подкручивает.

— Живем помаленьку, — отвечают старики. — Тебя поджидаем.

— Вам-то хорошо, а мне не очень, — говорит Паренек-с-вершок.

— Идет зима, а у меня нет теплой одежки.

— Твоему горю помочь нетрудно, — сказал старик и содрал шкуру с волка.

А старушка взяла иголку с ниткой и сшила сыночку теплый тулупчик.

ПРАВДОЛЮБ И КРИВДОЛЮБ

Поспорили как-то два брата: что лучше на свете — правда или кривда. Старший отстаивал правду, говорил, что тот, кто идет по праведному пути, способен творить чудеса. Меньшой отстаивал кривду. Спорили они, спорили и решили пойти по свету, спрашивать людей, что лучше — правда или кривда. Если люди скажут, что правда лучше кривды, то старший брат выколлет младшему глаза. А если скажут, что кривда лучше, то младший выколлет глаза старшему.

Сказано — сделано. Шли они, шли, встретился им поп. А этот поп был сам черт, надевший рясу.

— Батюшка, — остановил его старший брат. — Мы хотим тебя кое о чем спросить, только ты говори истину.

— Спрашивайте!

— Что лучше на свете — правда или кривда?

— Эх, сынок, — ответил поп, — стоит ли об этом спрашивать? Искон веку так уж повелось на земле, что тот, кто за правду ратует, может и с голоду умереть, и в тюрьме оказаться, и на виселицу попасть. А кто кривдой живет, сыт бывает, деньги лопатой загребают.

— Слышишь, брат, что говорит поп? — обрадовался меньшей брат.

— Ну-ка, подставляй глаза!

— Подожди немного, — сказал старший брат. — Давай спросим и других людей, посмотрим, что они скажут.

Пошли они дальше. В это время черт проворно снял поповскую рясу, переделался в монашескую одежду и опять идет навстречу братьям.

— Как раз ты нам и нужен, — крикнул старший брат монаху. — Думаю, твоими устами будет говорить сама истина. Скажи, монах, что лучше на этом свете — правда или кривда?

Монах засмеялся:

— Стоит ли об этом спрашивать? Кривда, братья мои, лучше. На ней нынче свет стоит. От самого маленького человека до самого большого — все кривдой живут.

И ушел.

Старший брат посмотрел испуганно ему вслед, а меньшей и говорит:

— Ну, давай выколю тебе глаза!

— Выколи. Не хочу больше смотреть на этот свет, который перевернулся вверх ногами.

Не дрогнула рука у младшего брата — выколол он старшему глаза. А потом пошел домой и стал распоряжаться отцовским добром. Слепой же брат пошел собирать милостыню. Долгое время ходил он от села к селу и плакал об утраченной правде. Однажды остановился на ночлег в лесу. Расположился было под деревом, да вспомнил, что в этих местах водятся волки и медведи, и залез на дерево. Устроился поудобнее среди ветвей и задремал. В полночь внизу, под деревом, послышались какие-то голоса. Прислушался слепой и понял, что на поляне собралось видимо-невидимо каких-то людей и все наперебой своими подвигами похваляются.

— Тихо! — крикнул один из них зычным голосом (видно, это был их атаман). — Говорите по очереди. Сначала пусть самый старый черт расскажет, где он был, кого видел.

Услышав эти слова, слепой вздрогнул.

— Как бы не учуяла меня нечисть, — подумал он и затаил дыхание.

А самый старый черт начал свой рассказ:

— Превратился я сегодня в блоху и забрался через замочную скважину в покои царевны. Царская дочка сидела перед зеркалом и прихорашивалась, чтобы жениху понравиться. Я прыгнул ей на плечо и укусил

за нос. Царевна принялась чесать укушенный нос, нос покраснел, как морковка. Как раз в это время в дверь постучались и вошел жених. Увидев царевнин нос, он удивился и, всплеснув руками, закричал: „Какой у вас красный нос, царевна! Прямо не нос, а морковка!“ „Как ты смеешь оскорблять мой нос? — закричала царевна. — Вон! Немедленно вон из моего дворца!“ Растерянный жених побежал вниз по лестнице, а царевна бросила ему вдогонку обручальное кольцо. Так мне удалось расстроить их помолвку, — закончил свой рассказ самый старый черт.

— Хорошо сделал! — послышался голос главного черта. — Завтра позолочу твой левый рог. Теперь пусть рассказывает второй черт!

— Я, — сказал второй, — вчера разрушил старый деревянный мост. Из-за этого телега, полная снопов, свалилась в реку. Утонули буйволы, утонул и хозяин. Семь малолетних сирот остались без хлеба. Крестьяне решили делать новый мост, но мой первый друг — деревенский богач — продал им гнилой лес. Как только проедет по новому мосту тяжелая телега, он провалится!

— И ты неплохо придумал! — похвалил его главный черт. — А где наш самый младший брат?

— Здесь я! — послышался писклявый голосок.

— Ну, а ты чем похваляешься? — спросил главный черт.

— Я тоже не сидел без дела. Два брата поспорили, что на свете лучше — правда или кривда. Спорили, спорили и побились об заклад. И решили пойти к людям, чтоб они их рассудили. А я предстал перед ними в образе попа, а потом монаха и сказал, что кривда лучше правды. Тогда меньшей брат, кривдолюб, выколол глаза старшему, потому что таков был у них уговор.

— Ты оказался хитрее всех, — похвалил его главный черт. — Сделаю тебя своим заместителем. Только знаешь, в долине, за холмом есть колодец с чудотворной водой. Если слепой пойдет туда и промоет глаза — он мигом станет зрячим, а если наберет пригоршню этой воды и сбрызнет ею балки моста — никакая сила не сможет разрушить мост.

Слепой сидел на дереве и молча мотал все на ус. Утром, когда запели птицы и черти попрятались кто куда, он спустился вниз и пошел в долину, что за холмом. Долго плутал он, пока нашел колодец. Промыл глаза чудотворной водой и тут же прозрел. Набрал он воды в тыкву-горлянку, висевшую на поясе, и поспешил к реке. Там он застал крестьян, которые не знали, что и делать: главная балка нового моста прогнулась под его тяжестью, как дуга, того и гляди, не выдержит, треснет, и весь мост рухнет в воду.

— Я могу сделать так, что балка эта станет крепче железной. Только вы должны за это помочь мне, потому что я очень беден, — сказал им правдолюб.

— Мы дадим тебе шапку золотых червонцев, — хором пообещали крестьяне.

— Ладно, достраивайте мост! — сказал правдолюб и уселся на берегу. Вечером сбрызнул он балку моста чудотворной водой.

Крестьяне как увидели, что главная балка нового моста выпрямилась, наполнили ему шапку золотыми и проводили с честью.

Воротился правдолюб домой и зажил припеваючи, благо денег у него было хоть отбавляй. А младший брат лопался от зависти. Разузнал он у старшего брата, как ему удалось вернуть себе зрение и откуда у него столько денег. Ничего не утаил старший брат, рассказал ему все начисто.

— Выколи мне поскорее глаза! — закричал младший брат. — Я тоже хочу разбогатеть!

— Не могу я этого сделать, — покачал головой старший брат, — я знаю, как тяжело слепым быть.

Тогда младший брат сам выколол себе глаза и ушел в лес. Наощупь нашел он дерево, под которым собирались черти, взобрался на него и спрятался меж ветвей.

В полночь черти опять собрались. Только на этот раз главный черт был в ярости — его глаза метали молнии, а голос гремел так, что лес стонал.

— Кто из вас на прошлой неделе выдал тайну про чудотворную воду? — заревел он. — Кто исцелил слепого? Кто помог крестьянам достроить мост? Отвечайте, или я с вас семь шкур спущу!

И главный черт принялся стегать всех подряд воловьею жилой.

Черти пищали, подскакивали, пыхтели и кричали:

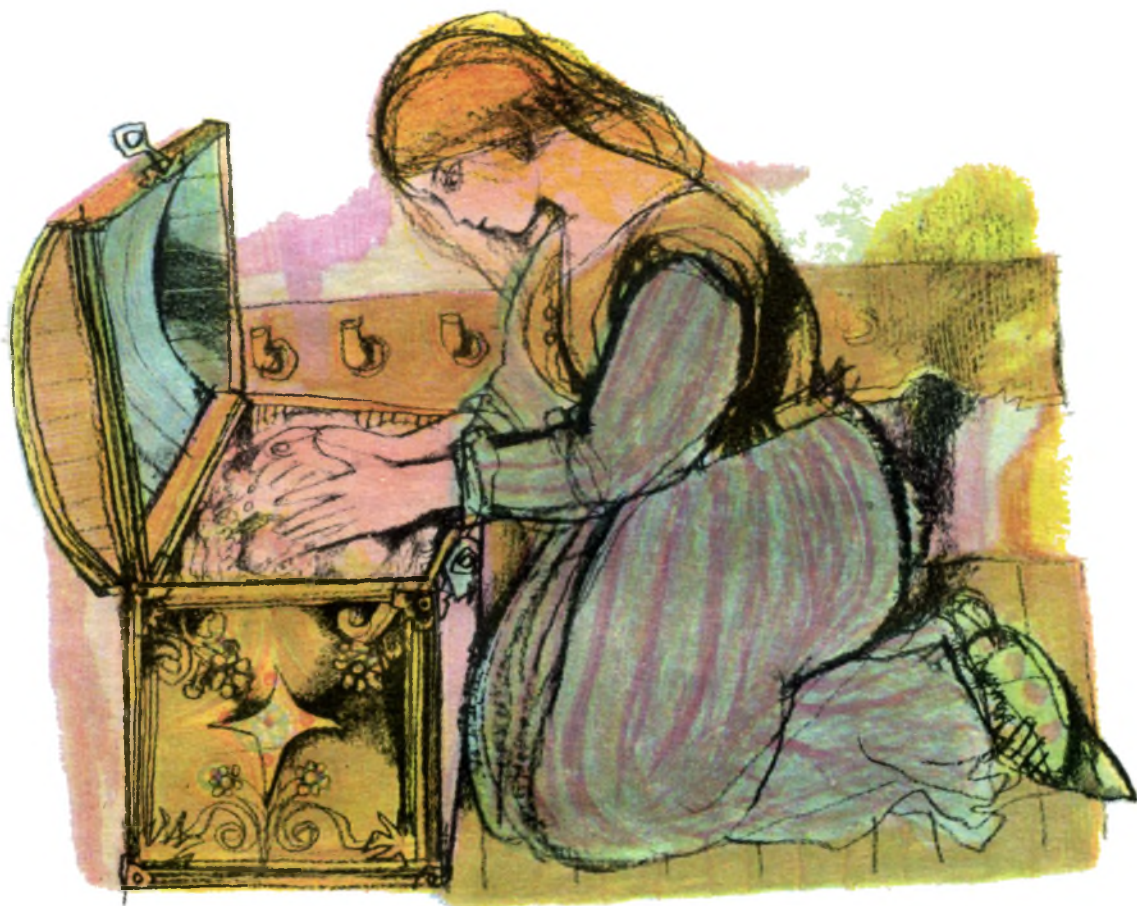
— Ой-ой-ой, это не мы!

— А кто же?

— Это он, — воскликнул самый младший черт, — тот, кто спрятался меж ветвей! Он все подслушал!

Обрадовались черти, что нашли виновника, полезли на дерево, стащили кривдолюб и разорвали его на части.

МАРА ПЕПЕЛЯШКА

Жили на свете муж с женой, и была у них дочь по имени Мара. Отец ходил работать в поле, а мать с дочерью сидели дома у очага и пряли. Вот как-то раз Мара стала проситься у матери:

— Матушка, позволь мне пойти с подружками на посиделки.

— Иди, дочка, — отпустила ее мать, — только помни, что на посиделках ты должна испрядь девять куделей. Если ты их не испрядешь, я превращусь в корову.

— Хорошо, матушка, дай сюда кудели!

Мара взяла кудели и пошла на посиделки. Всю ночь она работала не покладая рук, а допрясть так и не успела. Пришлось ей возвращаться домой с восемью веретенами и одной куделью неначатой. Подошла она к двери и постучала, а из-за двери вместо материнского голоса послышалось коровье мычание:

— Мм-у-у!

— Матушка, отвори! — закричала девушка, но мать не могла отворить дверь, потому что уже превратилась в корову.

В это время вернулся с базара отец. Взломал дверь и вошел в дом. Увидел он корову и очень удивился, но не догадался, в чем тут дело.

Прошло некоторое время, и отец привел в дом вторую жену. Как увидела мачеха, что Мара от темна до темна все около коровы вертится, рассердилась и говорит мужу:

— Выгони эту корову! Не желаю видеть ее в своем доме!

— Куда же мне ее деть?

— Отведи ее в лес и оставь там волкам на съедение.

Отец Мары отвел корову в лес и оставил там в самой глуши, а веревку, на которой вел, отвязал и принес домой. Девушка увидела веревку и спрятала ее в сундук, куда мать складывала когда-то свою одежду.

Мачеха заставляла Мару прясть с утра до позднего вечера. Девушка садилась у очага и все пряла, пряла. Из-за того, что лицо и платишко Мары всегда были покрыты пеплом, люди стали звать ее Мара Пепеляшка.

Однажды в городе забили барабаны: по случаю женитьбы царского сына всех приглашали на свадебный пир.

Мачеха нарядилась и отправилась во дворец, а Мара села около сундука своей матери и горько заплакала, потому что ей тоже очень хотелось пойти на свадьбу, да одеть было нечего. Вдруг слышит Мара голос, будто откуда-то сверху:

— Не плачь, дочка, лучше отвори сундук!

Подняла она голову, посмотрела по сторонам, но никого не увидела. А когда открыла сундук, то глазам своим не поверила: там вместо веревки лежало расшитое золотом платье, золотые туфельки и ожерелье из драгоценных камней. Скинула Мара Пепеляшка свои лохмотья, нарядилась, обула золотые туфельки и отправилась на свадьбу. Вошла она во дворец — и словно солнце все вокруг осветило. Как взглянул на Мару царский сын, так и не сводил с нее глаз весь вечер. Забыл про свою невесту и пошел с Марой в хороводе плясать. До вечера плясал и все на Мару поглядывал. Как начало смеркаться, Мара вышла из хоровода и побежала домой. Когда пробегала она по мосту, одна золотая туфелька соскользнула у нее с ноги и упала в реку. Чуть не заплакала Мара, да что поделаешь — пришлось идти домой в одной туфельке. Дома сняла она золотое платье, одела старое, порванное, и села у очага.

Вернулась мачеха со свадьбы и давай рассказывать:

— Если бы ты видела, какая красавица была сегодня в царском дворце! С головы до ног в золоте! Царевич как увидел ее, начал плясать с ней и не отпускал от себя весь вечер. Про невесту свою и думать забыл.

На другой день утром царский сын пошел к реке поить коня. И так случилось, что ступил конь как раз на то место, где упала золотая туфелька. Склонился было конь к воде, чтобы напиться, но блеск золота ослепил его, и он шарахнулся в сторону. Заглянул царевич под ноги коню, увидел золотую туфельку и сразу догадался, что она принадлежит девушке в золотом платье. Вернулся он во дворец и говорит отцу:

— Хочу я жениться на той девушке, которой придется впору эта туфелька.

— Что ж, женись, — отвечает царь, — но как же нам найти ее?

— Созовем во дворец всех девушек нашего царства и примерим им туфельку, которую я нашел в реке. Кому она будет впору, та и станет моей суженой...

Так и сделали. Собрали всех девушек царства и каждой из них примерили туфельку, но ни на чью ногу она не годилась.

— Все ли девушки пришли во дворец? — спрашивает царь.

— Все, государь, только Мара Пепеляшка не пришла, потому что ей нечего одеть, — отвечают придворные.

— Пускай и она придет! — приказал царь.

Привели и Мару. Примерили ей туфельку — как раз впору пришлась.

— Вот она! — воскликнул обрадованный царевич. — Наконец-то я ее нашел!

— Ты нашел ее, но она никогда не станет твоей женой, — рассердился старый царь.

— Почему? — спросил царевич.

— Потому что она Мара Пепеляшка. Нищая девчонка не может стать женой наследника моего престола! Такова моя воля!

Слезы закапали из глаз Мары Пепеляшки. А царевич погладил ее по голове и сказал:

— Не плачь, моя голубушка, я тебя не оставлю.

— Ты что это задумал? — спросил царь.

— Уйду из дворца. Не нужно мне престола.

— Да вы же с голоду помрете!

— Ничего, не умрем. У меня руки сильные, а Мара первая во всем царстве пряха.

Взял царевич свою невесту за руку и ушел из дворца. Зажили они с Марой весело и счастливо.

МАЛЕНЬКИЙ ПАХАРЬ

Жил когда-то на свете один бедный мальчик. Отца у него не было, и мать еле сводила концы с концами. Мальчик ходил в школу, но в его сумке лежала лишь треснувшая грифельная доска, а букваря у него не было.

Когда этот бедный мальчик родился, его крестная подарила ему телочку. Через семь лет телка выросла, превратилась в корову, а ни приплода, ни молока от нее не было.

Однажды мальчик вернулся из школы весь в слезах.

— Почему ты плачешь, сынок? — спрашивает мать.

— Как же мне не плакать: у всех моих товарищей есть буквари, и они уже умеют читать, а я не умею, потому что у меня его нет. Дай мне денежек, я куплю себе букварь.

— Нет у меня денежек, сынок! — вздохнула мать. — Вся моя надежда была на нашу корову. Я думала, когда она вырастет и отелится, каждое утро я буду надаивать по горшку молока и продавать его на базаре. Тогда

бы у нас с тобой водились денежки. А что вышло: корова дурной оказалась! Нам теперь гроша ломаного взять неоткуда. Ума не приложу, что с нами будет, когда начнется зима и выпадет снег. Чем мы будем кормить корову? Ведь у нас ни сена, ни соломы нет. Знаешь что, сынок, отведика ты ее в лес и привяжи к какому-нибудь дереву. Авось, прикончат ее там волки, и мы освободимся от лишнего рта.

Мальчик был послушный и не посмел перечить матери.

Погнал он корову, завел ее в чащу леса, привязал к дереву и пошел домой. А в это время мимо дерева проходила бабушка-знахарка, которая жила в лесу и заботилась о птичках и других лесных жителях. Она отвязала корову и привела ее к себе в хижину.

А мальчик, возвращаясь в село, увидел на земле воробышка со сломанной лапкой. Он волочился по обочине дороги, взмахивал крылышками, но не мог взлететь.

„А вдруг какая-нибудь телега переедет бедняжку!“ — подумал мальчик, осторожно поднял птенчика, сунул его за пазуху и принес домой. Дома он рассказал матери, что сделал с коровой и показал ей воробышка:

— Я буду кормить его крошками, пока у него не заживет лапка и не вырастут перышки на обципанном крыле. А потом выпущу его на волю.

Взял мальчик старую корзинку, устлал дно сухой травкой и положил в нее воробышка. Каждый день он давал ему горсточку крошек и блюдечко воды. А когда в доме не было хлеба, голодали все трое: и мать, и сын, и воробышек.

Так прошла зима. Воробышек поправился, начал подпрыгивать. Однажды в теплый весенний день он вылетел через открытое окно и полетел в лес прямо к бабушке-знахарке. Прилетел и сел к ней на плечо. А бабушка в это время чесала золотым гребнем двух маленьких шустрых телят.

— Где ты пропадал всю зиму, проказник? — спрашивает бабушка.

Воробышек зачирикал: был, дескать, там-то и там-то. И в свою очередь спрашивает:

— А откуда у тебя эти телятки, бабушка?

— От той коровы, которая стоит перед хижинкой.

— А она откуда взялась?

— Кто-то оставил ее привязанной к дереву. Я подумала, что волки могут ее съесть, и взяла к себе, пока не найдется ее хозяин. Но до сих пор никто не спрашивал о ней. Зимой я кормила ее лесными травами и под вербное воскресенье она отелилась этими телятками.

Воробышек полетел к телятам и начал их щекотать крылышками, а они задирали хвостики и подскакивали. Корову глядела, как они резвятся, и радовалась.

Как раз в это время мальчик сказал матери:

— Мама, пойду-ка я в лес посмотрю, что стало с нашей коровой. Жаль мне ее.

— Что ж; сходи! — согласилась мать.

Пошел мальчик в лес и целый день разыскивал корову. Но не нашел и следов ее. Вечер застал его в самой чаще леса. Испугался мальчик и пошел куда глаза глядят. Вдруг видит между деревьями что-то светится. Побежал он на огонек и увидел избушку, перед избушкой — двор, а во дворе стоит его корова и рядом с ней два теленка.

— Бабушка, скорее иди сюда! — зачирикал воробышек. — Пришел мой спаситель.

— Какой спаситель? — спросила старушка.

— Да тот самый мальчик, который подобрал меня на дороге.

Бабушка позвала мальчика в дом, накормила, напоила и положила спать, а на другой день рано утром разбудила и сказала:

— Возьми корову с телятами и отправляйся на базар. Корову продай, а на вырученные деньги купи железную соху да железную повозку и запряги в нее телят. Не бойся, свезут: они хоть и маленькие, но сильные.

Мальчик сделал все так, как наказывала бабушка, и вернулся домой в железной повозке, на которой лежала железная соха. А телята бежали так быстро и весело, словно везли легонькую таратайку, на которую присела отдохнуть какая-нибудь муха.

Только въехал мальчик во двор и начал распрягать повозку, как услышал голос сельского глашатая:

— Слушайте, крестьяне! — кричал глашатай. — У царя есть нива, на которой родится просо с зернами из чистого золота. Если найдется человек, который вспашет царскую ниву за один день до захода солнца, царь даст ему все, что он только пожелает; если же он не сможет вспахать ниву до захода солнца, царский палач отрубит ему голову.

На другое утро мальчик запряг повозку и поехал со двора.

— Ты куда? — спрашивает его мать.

— Поеду вспашу царскую ниву.

— Не берись за это, сынок, телята еще маленькие, а царская земля, тверда, как камень, ты не сможешь ее вспахать. Царь — злой человек, он нарочно заманивает людей, чтобы погубить их.

— Не тревожься, матушка, у меня ведь соха железная, — сказал мальчик и поехал.

Приехал он на ниву, снял с повозки свою железную соху и впряг в нее телят. Начал он пахать, борозду за бороздой прокладывает. В это время царь проходил мимо нивы и увидел мальчика.

— Что ты тут делаешь? — спрашивает он.

— Ниву твою пашу! — отвечает мальчик.

— Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову! Эта работа не для тебя и не для твоих телят.

— Ну, это ты еще увидишь! — говорит мальчик, а сам знай погоняет свою упряжку.

Железная соха с треском разрывала твердую землю, а телята двигались безо всякой натуги, весело помахивая хвостами. Мальчик же шел следом за ними да насвистывал. Почти вся нива уже была вспахана — осталось провести последнюю борозду. Увидел царь, что мальчик окончит работу до захода солнца, и аж почернел от злости. Сейчас же послал он на ниву колдунью, чтобы она околдовала мальчика. Колдунья пришла на ниву и остановила маленького пахаря.

— Постой, мальчик, отдохни немного. Видишь, солнце еще высоко, а тебе осталась всего одна полоса, успеешь ее вспахать. Присядь, а я расскажу тебе сказку.

Мальчик остановил телят, присел на борозду и приготовился слушать — очень он любил сказки. Колдунья начала рассказывать, а сама тем временем незаметно насыпала ему в глаза сонного порошка. Усыпила колдунья мальчика и ушла.

А солнце спускалось все ниже и ниже. Всполошились телята, как увидели, что оно вот-вот зайдет, и один из них сказал другому:

— Солнце заходит, а мы еще не допахали ниву. Погибнет наш хозяин. Что нам делать?

— Что делать? — переспросил второй теленок. — А вот что: я побегу вон на ту гору, замахнусь рожком, ударю солнце и верну его к полудню, а ты тем временем разбуди хозяина.

Телята вырвались из упряжки и побежали: один кинулся на гору, а другой к спящему мальчику и начал лизать ему руку. Мальчик проснулся и взглянул на солнце. Увидел, что оно клонится к закату, и задрожал от страха. Но как раз в это время теленок взобрался на гору, ударил солнце своим крепким рожком, и оно вернулось к полудню. А догадливый теленок побежал обратно на ниву.

Мальчик вскочил, запряг своих черных телят, вспахал последнюю полосу и пошел в царский дворец.

— Ну как, крепко ли твое слово? — спрашивает он злого царя.

— Говори, чего тебе хочется, я сделаю все, что ты пожелаешь! — отвечает тот, а сам дрожит от досады.

— Я хочу, чтобы ты оставил свой трон и убрался отсюда, а то, что родит нива, должно принадлежать всему народу, потому что земля не твоя, а народная, — сказал мальчик.

Царь пуше прежнего разгневался, да делать нечего — слез он с трона и убрался в далекие леса Тилилейские, а мальчик зашел к самому лучшему кузнецу и попросил его выковать стальной серп, чтобы сжать народную ниву с золотыми колосьями.

СОРОК БРАТЬЕВ И ИХ СЕСТРИЧКА

У одного отца было сорок сыновей и одна дочь — слепая девочка. В доме у них стояли в ряд сорок две кровати. Каждое утро слепая девочка оправляла постели и ставила на огонь большой котел, в котором варилась похлебка на всю семью, а к обеду расставляла на столе сорок две миски. Чтобы прокормить детей, отец трудился, от зари до зари выращивал пшеницу, зерна которой были величиной с ягоду кизила: Посреди нивы росла молодая яблонька, а под яблонькой бил прозрачный родник.

Подошла осень. Листья на яблоньке пожелтели, а плоды налились соком. Старик запряг лошадей, обмолотил снопы и свез зерно в амбар. Сыновья вывели на поле волов и начали его перепаживать, а отец разбрасывал семена, которые падали в землю словно золотые градинки.

Через три дня вся нива почернела. Но старик-отец надорвался на тяжелой работе и занемог. Напрасно дочка поила его целебными отварами, ничто уже не могло вернуть ему здоровья. Почувствовал старик, что приближается его последний час, позвал сыновей и говорит:

— Дорогие мои дети, я отправляюсь туда, откуда никто не возвращается. Подходите ко мне по очереди, я хочу проститься с вами.

Когда все сыновья простились с отцом, он приподнялся и сказал:

— Помните, самый сладкий хлеб родится на нашей ниве. Дружно возделывайте ее и живите, как полагается братьям. А теперь пусть кто-нибудь из вас принесет мне воды из родника, что бьет под яблонькой. В последний час я хочу испить воды, которую пили мои деды.

Сорок братьев схватили глиняные кувшины и помчались на ниву. Но, прибежав туда, они вместо того, чтобы наполнить их водой, оставили кувшины под яблоней, срезали себе по палке и начали вымеривать ниву.

— Братцы, для чего вы вымериваете ниву? — спросил младший.

— Будем ее делить! — ответили хором тридцать девять голосов.

Начали братья делить ниву и перессорились. Стали кричать друг на друга, а потом и в драку полезли. Все кувшины разбились.

— Что там делают мои сыновья? — слабым голосом спросил старик, услышав шум.

— Дерутся из-за нивы, — ответила слепая девочка.

— А водицы мне принесли?

— Нет, батюшка.

Тяжело вздохнул старик, а потом приподнялся и проклял сыновей:

— Да будет на вас мое проклятие! Коли вы так жадны на землю, то превратитесь в кротов и всю жизнь ройтесь в ней!

Проклял отец сыновей в свой смертный час, и они сразу же превратились в кротов. Разбежались по ниве в разные стороны, вырыли сорок нор и исчезли в земле. Провалились в подземное царство.

А слепая девочка схоронила отца и пошла на ниву разыскивать братьев. Звала она их, звала, все сорок имен пересбрала, но никто не откликнулся. Бедная сиротка села под яблонькой и заплакала горячими слезами. Увидела ее маленькая ящерица, что жила возле самого источника. Жаль ей стало девочку. Выбралась она из своего укрытия и сказала:

— Не плачь, девочка! Твои братья живы.

— А почему они не отвечают на мой зов, коли живы? Где они?

— В подземном царстве.

— Кто тебе сказал, что они там?

— Вода. Она вытекает из самых недр земли.

— Как же мне добраться до них?

— Я скажу тебе, как. Возле вашей нивы есть пересохший колодец. Сядь в бадью и спустишь в него. Не бойся, там нет воды. На дне колодца

лежит плита. Приподними ее, под ней находится каменная лестница, которая уходит глубоко вниз. Сойди по этой лестнице и окажешься в подземном царстве.

Слепая девочка сходила домой за корзиной, а потом вернулась на ниву и стала трясти яблоньку — стряхивать плоды. Все яблоки упали на землю. Девочка подобрала их и пересчитала: оказалось как раз сорок яблок — каждому брату по яблоку. Наполнила она ими корзинку и пошла к высохшему колодцу. Села в бадью и спустилась на дно. Нашла там плиту, приподняла ее и пошла вниз по лестнице. Двадцать недель спускалась она в подземное царство. Изнемогала от усталости и голода, но не притронулась к яблокам: ей хотелось, чтобы всем братьям досталось по яблоку с отцовского дерева.

В понедельник на двадцать первой неделе девочка вступила, наконец, в подземное царство и остановилась.

— Ты кого здесь ищешь? — услышала она старушечий голос.

— Моих братьев. Не знаешь ли ты, где они?

— Они тут. Я держу их запертыми в клетке и по три раза в день кормлю соленой землей. Когда они начинают скулить от жажды, наливаю всем по чашке воды. Они хватают чашки передними лапками, но, как только подносят их ко рту, донца чашек отваливаются, и вода вытекает. Так и не могут они утолить свою жажду. Должно быть, тяжелый грех им приходится испускать.

— Отведи меня к ним, бабушка! — взмолилась слепая девочка.

Когда они подошли к клетке, кроты жалобно заскулили.

— Позволь мне дать им по яблоку! — попросила маленькая гостья.

— Что ж, дай! — согласилась та.

Девочка с корзинкой в руках обошла всех кротов и каждому дала по румяному яблоку. Кроты с жадностью набросились на сочные плоды и, как только съели их, снова превратились в людей. Слепая девочка не могла увидеть братьев, но услышала их голоса и заплакала от радости. А самый младший брат съел только половину яблока, другую же дал слепой сестричке. Девочка надкусила ее — и прозрела.

Когда братья увидели, что снова превратились в людей, их радости не было конца, а сестричка глядела на них и не могла наглядеться.

Стали они подниматься по лестнице на белый свет. Впереди шла сестричка и показывала дорогу. Так они поднимались целых двадцать недель и в понедельник на двадцать первой неделе вылезли, наконец, из сухого колодца. Оглянулись по сторонам и что же видят: отцовская нива пожелтела, колосья налились крупным зерном. Взяли братья сорок серпов и дружно принялись за работу. Убрали они жито в амбар, а девочка замесила из новой муки тесто, напекла целую печь хлебов и роздала их бедным людям, чтобы те помянули добрым словом ее покойного отца. А вторую печь хлебов она испекла для братьев, которые стали жить в мире и согласии, как и полагается настоящим братьям.

ДЕТИ ВОЕВОДЫ

У одного мельника было три дочери. Две старшие сестры — пригожие, а младшая до того красива, что глаз не отвести. Пришло время, и заневестились все три девушки. Сидели они как-то вечером возле мельницы и пряли при свете месяца. Вот старшая и говорит:

— Если бы посватался ко мне сын воеводы, я наткала бы ему столько полотна, что хватило бы на все его войско.

— А если бы сын воеводы взял в жены меня, — сказала средняя сестра, — я испекла бы ему такой большой белый каравай, что он накормил бы им все свое войско.

Младшая же промолвила:

— Если бы сын воеводы женился на мне, я родила бы ему двух мальчиков с золотыми волосиками и серебряными зубками.

А сын воеводы каждый вечер спускался к реке поить своего белого коня. Проходил он как-то раз мимо мельницы и услышал разговор сестер. Напоил воеводич своего коня, а когда повел его обратно, то завернул на мельницу и сказал старому мельнику:

— Слушай, дедушка, отдай мне в жены одну из твоих дочерей.

— Какая же из них тебе по сердцу? — обрадовался мельник.

— Младшая.

— Бери ее, сынок, только наперед скажи, есть ли у тебя какое-нибудь ремесло?

— Я сын воеводы. Мой отец уже стар. Когда я женюсь, он поставит меня во главе всего войска.

— Ну хорошо, коли так, — ответил ему мельник.

На другой же день сыграли свадьбу. Воеводич посадил свою молодую жену в золоченую карету, отвез ее в отцовский дворец, и зажили они счастливо. Много ли, мало ли времени прошло, одряхлел старый воевода и уступил свое место сыну. Стал тот воеводой. Однажды во дворец к младшей сестре пришли две другие и взмолились:

— Прими нас к себе жить, сестрица! Надоело нам сидеть на отцовской мельнице, не хотим больше ходить мукой обсыпанными.

— Милости прошу! — ответила младшая и оставила их жить во дворце.

А старшая сестра была зла и завистлива. День и ночь она придумывала, как бы известить сестру и самой выйти замуж за молодого воеводу. Подошло время, и младшая сестра родила двух мальчиков с золотыми волосиками и серебряными зубками. Глядит она на них и наглядеться не может. А ее молодой муж в то время на охоте был, и ждали его только к вечеру. Сестра же завистница стояла у постели роженицы и вся тряслась от злости. Задумала она недоброе дело и говорит жене воеводы:

— Тебе бы, сестрица, вздремнуть немного!

— А как же младенчики? — спрашивает мать.

— Я положу их в колыбельку и буду качать, пока не заснут.

Утомленная роженица закрыла глаза и уснула. А завистница только того и ждала. Схватила новорожденных, выбежала с ними в сад, убила их и зарыла в землю. Потом взяла двух щенят и положила их в колыбельку вместо двух младенцев.

Роженица еще спала, когда воевода вернулся с охоты.

— Поздравляю с новорожденными! — встретила его свояченица.

— Где они? — воскликнул молодой отец и бросился к колыбельке, но, увидев там двух щенят, потемнел от гнева:

— Выбросьте эту пакость, — крикнул он, — а мать их прогоните вон! Пусть поселится в шалаше у реки и пасет там моих уток!

— Как же ты будешь жить без жены? — спросила завистница.

— За этим дело не станет. Тебя вот возьму вместо нее! — ответил разгневанный воевода.

В ту же ночь его приказание было выполнено.

На другой день воевода вышел прогуляться по саду и что же видит: на том месте, где завистница зарыла младенцев, выросли два чудных деревца с серебряными листьями и золотыми цветами. Удивился воевода и позвал свою новую жену:

— Посмотри-ка, что тут за чудо!

Прошел воевода под деревьями — они склонились над ним и начали гладить его волосы своими листьями, а как пошла вслед за ним воеводица — начали бить ее ветками по лицу.

Тогда воевода позвал мастеров и сказал:

— Укрепите между ветвями каждого из этих деревьев по кровати. Мы будем ночевать здесь с женой.

Мастера сделали все, как было велено. Пришли вечером воевода с женой и легли спать. А над головами их зашумели серебряные листья.

Воевода заснул скоро: ветви баюкали его, цветы ласково гладили по лицу. А воеводица лежала как на иголках, боялась шелохнуться, потому что ветви стегали ее. В полночь деревья заговорили человеческими голосами:

— Братец, — спрашивает одно дерево, — тяжело ли тебе держать воеводу?

— Да ведь он же наш отец, а разве своя ноша тянет? Легко мне держать его на своих ветвях. А тебе, братец, небось, трудно держать воеводицу?

— Да, братец, она грузна, как буйволица. Ветви мои трещат от ее тяжести.

Новая жена воеводы услышала это, слезла с дерева и всю ночь пролежала на мокрой траве.

На другой день, когда воевода опять ушел на охоту, она взяла топор, срубила оба деревца и сожгла их. Осталась от них кучка золы. А мать погубленных младенцев, которая стала теперь утятницей, собрала эту золу и рассыпала ее в огороде. К вечеру на грядках выросли два василька с золотыми тычинками и серебряными лепестками. Завистница догадалась, что эти цветочки выросли из золы, оставшейся от деревьев, пустила в огород овцу, и та сжевала васильки. В ту же ночь овца дала приплод: двух ягнят с серебряной шерстью и золотыми рожками. Увидела это завистница, скорее сунула ягнят в корзинку, обмазала ее смолой и бросила в реку. Понесла река ягнят вниз по течению, но как раз перед шалашом утятницы корзинка зацепилась за ивовый куст, и ягнята жалобно заблеяли, потому что они были голодны. Утятница услышала блеяние, встала, зажгла свечу и подошла к кустам ивняка. Смотрит — прибило к берегу

просмоленную корзинку. Раскрыла она корзинку и увидела в ней двух ягнят с серебряной шерстью и золотыми рожками. Мать сразу узнала своих деток. Принесла их в шалаш и дала им грудь. Глотнул первый ягненок материнского молока — и тут же превратился в ребенка. Обрадовалась мать, дала грудь второму — и второй обернулся мальчиком.

Стали расти двое мальчиков с золотыми волосиками и серебряными зубками в шалаше утятницы и скоро начали ходить и разговаривать. Часто играли они на берегу реки, и каждый, кто шел мимо, останавливался, чтобы полюбоваться на них. Однажды прошла мимо воеводиха. Дети увидели ее и начали бросать камни ей вслед. А когда проехал воевода, они выскочили из шалаша и давай разметать метлами дорогу перед его конем.

Увидел их воевода и очень удивился: что это за мальчики с серебряными зубками и золотыми волосиками? Ведь таких сыночек обещала ему родить первая жена. Растревожился он и отправился искать утятницу. А она тем временем пасла уток у реки.

— Откуда у тебя эти мальчики? — спросил воевода.

— Река принесла мне их в просмоленной корзинке, — ответила утятница и скрылась в шалаше.

Воевода возвратился во дворец. А воеводиха в это время гонялась за кошкой, вылакавшей молоко.

— Не бей меня, а то расскажу воеводе, как ты погубила его сыночек, а вместо них подложила щенят! — замыкала кошка.

Услыхал это воевода, выхватил из рук злой жены палку, выбросил ее за окно, а потом наклонился, взял кошку на руки и стал ее расспрашивать. А кошка ведь ночью не спит, потому-то она обо всем знает. Поведала она воеводе от начала до конца, что сделала завистница с мальчиками, с деревьями, с васильками и с ягнятками.

— А как же ягнята превратились в детей? — спросил воевода.

— И это мне известно, — сказала кошка. — Я как раз охотилась за мышками у шалаша утятницы, когда она нашла корзинку с ягнятками. Как только дала она им материнского молока, так они и превратились в детей.

Узнав обо всем, воевода привел во дворец свою первую жену и детей, а завистницу приказал посадить в бочку и бросить в море.

БЕЛОЛИЦАЯ ДЕВУШКА

Жили на свете старик со старухой. Детей у них не было, и они очень горевали об этом. Вот однажды старуха и говорит старику:

— Не могу я больше жить без детей. Как наступит зима, давай вылепим себе дочку из снега.

— Вылепить-то нетрудно, — отозвался старик. — Только вот беда, ведь она растает, как весна придет.

— Тогда возьми топор и сделай девочку из дерева.

— Сделать-то можно, — отвечает старик, — но знай: коли посадим мы ее у огня и случайно искра на нее упадет, она сразу сгорит.

Услышав это, старуха совсем затосковала и заплакала.

— Не плачь, — стал утешать ее старик. — Вот завтра будем нашу мазанку белить, и я сделаю тебе дочку из мела.

Старуха очень обрадовалась, услышав эти слова, и легла спать до-

вольная. Спит, а во сне будто голос слышит:

— Дочка ваша будет бела и пригожа, но если вы хотите, чтобы она жива осталась, то, как только она заговорит, выведите ее за ворота и отдайте тому, кто первым пройдет мимо вас. Когда же она найдет себе жениха, то пусть не говорит ему ни слова до тех пор, пока он сам не догадается, из чего она сделана, а не то она тотчас же рассыплется меловой пылью...

На другой день старик взялся за дело. Побелил стены мазанки, а из остатков мела тесто замесил и вылепил девочку, которая была белее снега.

Как только старик провел палочкой у нее под носом и сделал рот, девочка проговорила:

— Доброе утро, батюшка! Как поживаешь, матушка?

Жалко было старикам расставаться со своей пригожей белолицей дочкой, да делать нечего — вдруг наказ, который старуха во сне слышала, правдой обернется. Вышли они на дорогу и стали смотреть, кто первым пройдет мимо, чтобы отдать им белолицую девушку. Вдруг видят: бредет по дороге старый конь. Подивились они, но все же отворили ворота, ввели коня к себе во двор. Взнуздали его, расчесали ему гриву, пристегнули мягкое седло и посадили на него белолицую девушку. Перед тем как проститься с ней, наказали, чтобы она не отвечала ни словечка своему суженому до тех пор, пока тот не догадается, из чего она сделана.

А надо вам сказать, что этот старый конь был из конюшен тамошнего воеводы. Пока конь был молод и горяч, его кормили отборным зерном, холили и нежили, расчесывали гриву золотым гребнем, а когда он состарился и ноги у него начали заплетаться, слуги воеводы завели беднягу в лес и оставили там диким зверям на растерзание. Но конь, привыкший жить среди людей, выбрался из леса и побрел обратно в город, а дорога туда проходила как раз мимо лачужки стариков.

Почувствовал конь на спине седока, встрепенулся и побежал рысцой прямо к дому воеводы. Сын воеводы в это время в окно глядел и очень обрадовался, увидев белолицую девушку на спине их старого коня.

— Кто ты такая и откуда едешь? — крикнул он ей.

Девушка молчала.

— Почему ты не отвечаешь мне? Может, ты немая?

Девушка и на этот раз ничего не ответила.

Воеводич помог ей сойти с лошади, взял за руку и повел в дом к отцу с матерью.

— Посмотрите, какую пригожую девушку привез мне наш старый конь!

Воевода с женой посмотрели на девушку, подивились ее красоте и начали ее расспрашивать, отчего она такая белая, но девушка так и не раскрыла рта.

На другой день сын воеводы отправился на охоту, однако вернулся домой с пустыми руками, потому что перед глазами его неотступно стояла белолицая девушка.

Пошел он к своей матери и говорит ей:

— Матушка, решил я вернуть перстень царской дочери.

— Как же так, ведь она твоя невеста?

— Хочу жениться не на ней, а на той девушке, которую привез старый конь.

— Что ты, сынок! — воскликнула мать. — Разве ты не видишь, что эта девушка немая?

— Ну и что ж такого? Хочу жениться на ней, и все тут.

— Делай, как знаешь, — сказала мать.

Сын воеводы вернул перстень царской дочери и обручился с белолицей девушкой. Однако, где ему было догадаться, из чего она сделана, а девушка молчала. Целых три месяца обхаживал воеводич свою невесту, одевал ее в золото и парчу, катал в позолоченной карете и все молил, чтобы она сказала ему хоть словечко, но девушка не размыкала губ.

„Видать, она в самом деле немая, как я с такой женой буду жить?“ — сказал себе воеводич и решил ее оставить.

Запер он ее в маленькой каморке на чердаке и послал за царской дочерью.

Как только приехала царская дочь в дом воеводы, так сразу спросила, где теперь белолицая девушка. Служанки сказали ей, что девушка заперта в каморке на чердаке.

— Пойдите посмотрите через замочную скважину, что она делает, — приказала царская дочь.

Подкрались служанки тихонечко к двери, заглянули в замочную скважину и увидели, что белолицая девушка сидит на стульчике у окна, а на коленях у нее желтая шелковая рубашка лежит.

— Эту рубашку мой жених, воеводский сын, будет носить, — говорит девушка. — А ну-ка вденься, ниточка, в иголочку.

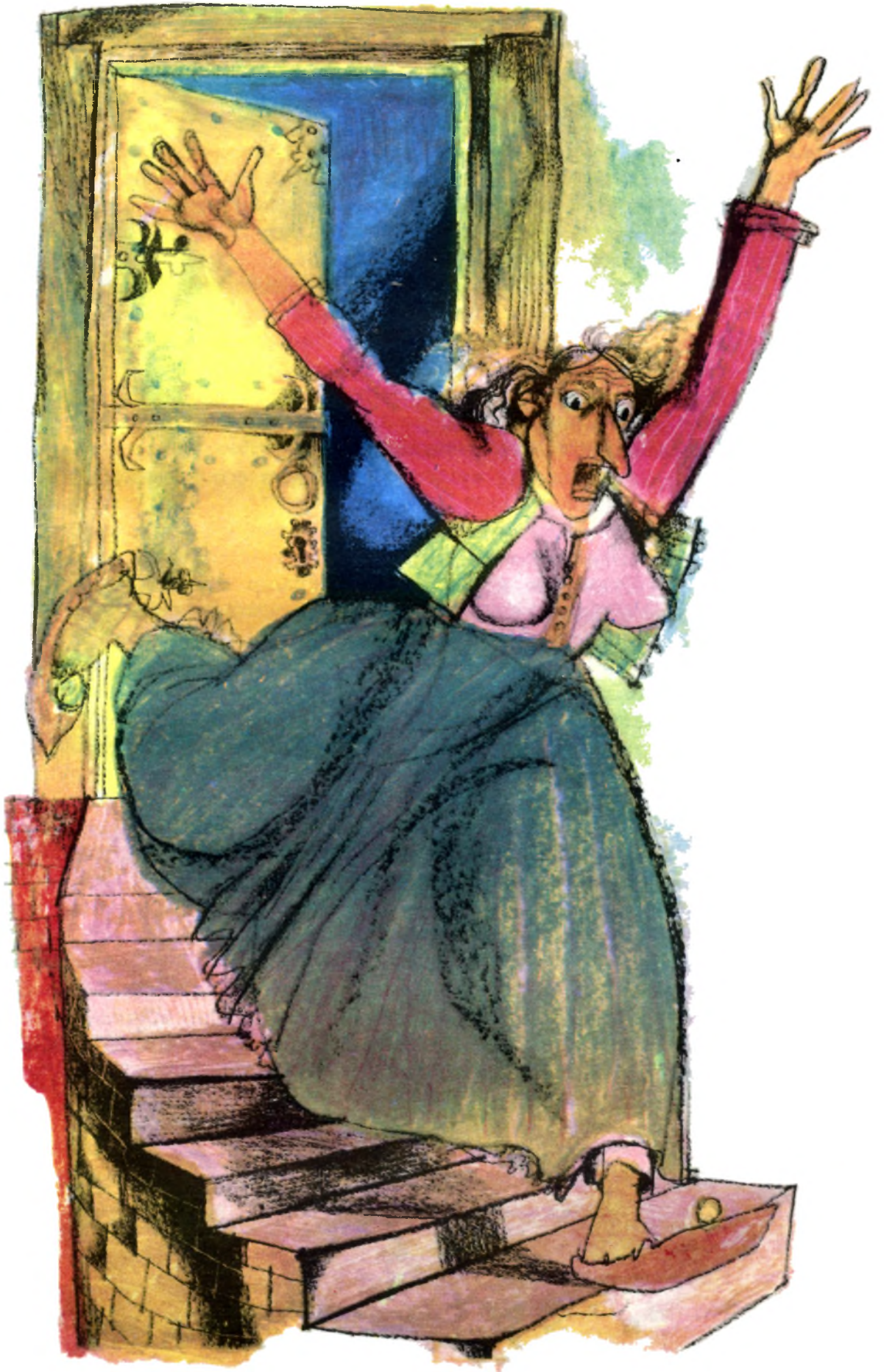
И тут игла, которая была вколота в игольную подушечку, прыгнула на стол, подскочила к золотой нитке, протянула ей ушко, и нитка вделась. Девушка взяла иглу, начала пришивать пуговички к рукавам, но вдруг нечаянно уколола себе большой палец, бросила иглу на пол и сердито крикнула:

— Ох, зачем ты меня уколола, дурная игла?

Когда пальчик перестал болеть, белолицая девушка начала улачивать иголку:

— Прости меня, иголочка! Давай опять вместе работать.

Но игла очень обиделась и не хотела возвращаться к девушке. Тогда девушка разгневалась, схватила ножницы, отрезала себе нос и приказала ему:

— Пойди принеси мне эту непослушную иглу!

Отрезанный нос спрыгнул на стол, со стола соскочил на пол, схватил иглу и отдал ее белой девушке. Девушка взяла иголку левой рукой, а правой схватила отрезанный нос и приставила его на прежнее место.

Служанки царской дочери так припустили вниз по лестнице, что чуть ноги себе не переломали. Прибежали к своей госпоже и стали наперебой рассказывать о том, что видели и слышали.

— Я тоже так могу, — сказала царская дочь, — невелика трудность. Принесите мне полотна на рубашку, иглу, золотые нитки и ножницы.

Когда все это принесли, она обратилась к игле и сказала:

— Приказываю тебе, иголка, протянуть ушко нитке, чтобы она вделась в тебя. Давай, поторапливайся.

Но игла не шевелилась.

Царская дочь топнула ногой.

— Да знаешь ли ты, кто я такая? Если ты сейчас же не выполнишь моего приказания, я позову кузнеца и заставлю его расплющить тебя молотом на наковальне.

Но игла по-прежнему не трогалась с места.

Тогда царская дочь схватила ее, бросила на пол и крикнула:

— Ты — гадкая ржавая игла! Сейчас же убирайся отсюда!

Но игла не послушалась ее и на этот раз.

Разозлилась царская дочь, схватила ножницы, отрезала себе нос и закричала что есть мочи:

— Ой-ой-ой, как больно! Эй ты, нос, скорее принеси мне иглу, я умираю от боли!

А нос как упал на пол, так и остался там лежать. Тогда царская дочь сама подняла его, приставила на место и сильно прижала, но лишь только она отняла руку, отрезанный нос снова упал на пол.

— Матушки, что же мне теперь делать? — простонала царская дочь и забралась в постель под одеяло.

Вернулся домой воеводич, увидел, что у его невесты нет носа, и покачал головой:

— Не могу я жить с безносой женой! Отправьте ее обратно, а мне приведите вторую дочь царя. У нее, по крайней мере, есть длинный нос.

Привели ему длинноносую царевну. Сыграли свадьбу, и зажил воеводич со своей новой женой. Длинноносая царевна на другой же день после свадьбы послала служанок посмотреть, что делает запертая на чердаке девушка. Служанки поглядели через замочную скважину и увидели, что белолицая девушка около печи стоит.

— Зажгись, печь! — приказала она.

И в печи в тот же миг запылал огонь.

Потом девушка повернулась к квашне, в которой была белая мука:

— Просейся, мука!

Мука сама насыпалась в сито, и сито стало ее просеивать.

— Замесись, тесто! — крикнула девушка.

Тесто замесилось и стало быстро подниматься. После этого девушка расплела свои длинные косы и замела ими горящие угли в печи. Сырые хлеба сами прыгнули в печь, испеклись, выскочили из печи и улеглись на полке. Потом девушка велела сковороде стать на железный треножник над углями. Сковорода тотчас же послушалась и прыгнула на треножник.

— Налейся, масло! — обернулась девушка к бутылке с маслом. Бутылка соскочила с полки, и масло полилось на сковороду. Как только масло зашипело, белая девушка опустила в него руки, а когда вынула их, то на сковороде очутились две большие рыбины.

Служанки побежали вниз к длинноносой царевне и рассказали ей все, что видели.

— Что же тут особенного! — скривилась царская дочь. — Я тоже так могу.

Заставила она служанок хорошенько растопить печь и сунула туда голову, чтобы косами замести жар. Волосы у нее вспыхнули да все и сгорели. И стала длинноносая царевна походить на опаленного поросенка.

— Налейте масло на сковороду! — крикнула она.

Когда масло закипело, царевна опустила в него руки и завопила от боли:

— Ой, матушки, я себе руки обожгла!

Но никаких рыб на сковороде не появилось.

В это время вошел воеводич и спросил:

— Что это тут у вас творится?

Увидел жену, покачал головой и сказал:

— Не могу я жить с обгорелой женой. Пусть возвращается во дворец к отцу.

Много ли, мало ли времени миновало, подошла пора воеводичу на войну идти. Все его воины шли веселые. Знали они, что скоро победят врагов и вернутся домой к своим женам и детушкам. Копья их на солнце поблескивали, сабли позвякивали, кони весело ржали. Один только воеводич задумчив был и нерадостен. Когда начало смеркаться, войско расположилось на ночлег в чистом поле. Воины раскинули шатры, разожгли костры, наелись и принялись хоромы водить. А воеводич остался за столом сидеть. Подпер голову рукой и задумался. В это время две баклаги стукнулись друг о дружку и тихонько заговорили между собой:

— Кто наполнил тебя нынче утром?

— Белолицая девушка, что из мела сделана. А тебя?

— И меня она наполнила. Ежели воеводич глотнет моего вина, на сердце у него тотчас повеселеет.

-- А ежели он попробует моего вина, у него будет львиное сердце,
— добавила вторая баклага.

Воеводич тотчас позвал своего слугу и спросил, какая это девушка наливала его баклаги вином.

— Разве ты не знаешь ее? Та самая, которая заперта в каморке на чердаке.

— Так вот оно что! — сказал воеводич и взял в руки первую баклагу. Как только глотнул он из нее вина, на сердце у него повеселело. Отпил из второй — и сердце его стало храбрым, как у льва. А вы сами знаете, что никто не может победить человека, у которого в груди бьется львиное сердце.

Одолел воеводич врагов в первом же бою и повернул свое войско обратно. Воротившись же домой, взбежал по лестнице на чердак, отпер двери каморки, в которой сидела белолицая девушка и воскликнул:

— Спасибо тебе, невеста моя, за то, что дала мне львиное сердце. Одного не пойму, как ты совершаешь такие чудеса, раз из мела сделана?

Услышав эти слова, белолицая девушка подняла на него глаза и промолвила:

— Ах, как я счастлива! Наконец-то я могу говорить с тобой!

Воеводич даже рот разинул от удивления.

— Так, значит, ты не немая! — вскричал он.

Девушка рассказала ему, откуда она пришла и почему до сих пор должна была молчать.

Выслушал ее воеводич и очень обрадовался. Взял он девушку за руку, свел ее вниз к своим родителям, и сыграли они веселую свадьбу. Три дня и три ночи пировали в доме воеводы. Позвали на свадьбу и старика со старухой. А после свадьбы оставили их у себя жить. Но, наверное, вы захотите узнать, что случилось со старым конем? Конь до конца своей жизни получал по полной мере отборного зерна в день, а гриву его расчесывали золотым гребнем.

ПОДАРОК ОТ ДУШИ

Жили-были три брата. И решили они по белу свету отправиться, удачи искать. Вот дошли они до перекрестка трех дорог, и старший брат сказал:

— Ну, а теперь надо нам расстаться. Я пойду в правую сторону, ты, — обратился он к среднему брату, — пойдешь в левую, а прямо пойдет младший брат. Через три года, на Димитров день, мы снова сойдемся на этом перекрестке и увидим, кому какая выпала удача. Согласны?

— Согласны! — ответили младшие братья, поцеловали руку старшему и разошлись в разные стороны.

Старший брат пришел в город, сделался булочником и за три года накопил целый кошель золотых монет. Средний брат открыл корчму у одного моста и стал продавать вино, разбавленное водой. И он наполнил себе карманы червонцами. А младший брат нанялся пасти овец к одному доброму старику. Миновали три года, и паренек пришел к хозяину за

расчетом. Хозяин отсчитал заработанные парнем деньги и положил их кучкой перед ним, а потом достал из-за пояса три ореха и сказал:

— Я человек старый и больной, и мне уже трудно самому ходить за овцами. Спасибо, что ты выручил меня и три года пас мое стадо. За твою работу причитается тебе вот эта кучка денег или же эти три ореха. Деньги я даю тебе не от души, потому что они как огонь: о них можно легко обжечь руки. А орехи я дарю тебе от всей души. Сам решай, что тебе взять — деньги или орехи.

Парень подумал, подумал и протянул руку к орехам.

— Я возьму орехи, потому что ты даешь мне их от всей души.

Положил он орехи в карман, поцеловал руку старику и отправился в путь.

На Димитров день трое братьев встретились на перепутье трех дорог.

— Ну, какая вам выпала удача? — спросил старший брат.

— Большая, — ответил средний.

— Посмотрим, чья удача больше, — начал хвастаться старший.

— Сперва поглядите на мое богатство!

Развязал старший брат свой кошель, наполненный золотыми монетами, а средний брат достал из-за пазухи мешочек с деньгами.

— Молодец, не ловил мух в корчме! — похвалил его старший.

— Ну, а у тебя что есть? — обратились они к младшему брату.

Паренек пошарил в кармане и достал три ореха.

— Это все, что ты заработал за три года? — удивились старшие братья.

— Да, тут всего три ореха, — ответил младший, — но их подарил мне от всей души один старик, которому я пас стадо. Он заботился обо мне, как родной отец.

Старшие братья принялись потешаться над ним:

— Видели мы дураков, но такого, как ты, не встречали! Да где это видано: три года батрачить за три ореха!

— Сейчас же возвращайся к старику и потребуй у него денег, иначе не впустим тебя в дом! — крикнул старший брат.

Делать нечего, пришлось пареньку повернуть назад. На душу его камнем легла печаль.

„Я думал, что лучше всего дар от души, а вон что из этого вышло!“ — говорил он себе.

Наступил полдень, и паренек захотел есть. Пошарил он у себя в котомке, но не нашел там ни крошки хлеба.

„Расколю-ка я эти орехи да заморю червячка!“ — решил паренек.

Расколол первый орех — и случилось чудо. Орех вдруг начал расти на глазах, вырос с огромную бочку, и из его расколотой скорлупы вылезло целое стадо овец с колокольцами на шее и малыми ягнятами.

Паренек сначала растерялся от радости, а потом собрал стадо и погнал домой.

Уже недалеко от села пришло ему в голову: „Дай-ка расколю я и второй орех, посмотрю, что в нем есть“. Когда он разломал скорлупку второго ореха, из него вышли два молодых вола с большими рогами. Волы тянули телегу, а на ней лежала железная соха.

„Смотри-ка ты!“ — пуще прежнего обрадовался паренек и повел волов вслед за стадом. Перед тем как войти в село, он решил расколоть и третий орех. Из скорлупы третьего ореха вышла девушка — да такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

— Веди меня в отцовский дом, — сказала девушка, — я твоя суженая.

Посадил парень девушку на телегу и повел волов к дому, а овцы с ягнятами бежали впереди, позванивая колокольцами. Как увидели братья стадо овец, новую телегу и девушку на ней, так и обмерли оба от зависти. Тут-то они и поняли, что значит подарок от всей души!

СЫН ДЕДУШКИ ТОДОРАНА

Однажды утром разбудил дедушка Тодоран своего сына Койчо и сказал ему:

- Вставай, Койчо, нам пора отправляться!
- Куда ты хочешь меня вести, батюшка? — спрашивает Койчо.
- В город, сынок, в большой город.

Обулись они и отправились. Шли, шли и дошли до высохшего глубокого колодца. Старик устал и, тяжело вздохнув: „Ух!“, хотел было присесть на траву. Но в этот миг из колодца выскочил маленький человечек с остренькой бородкой, в кожаном фартуке и с золотым молотком.

— Это ты меня звал? — спросил человечек. — Зачем я тебе понадобился?

— Я тебя не звал, — ответил дедушка Тодоран, — а только вздохнул, потому что устал от долгой ходьбы.

- А куда ты ведешь этого мальчонку?
- Отдам его в город, чтобы научился там какому-нибудь ремеслу.

— Оставь его здесь, я возьму его к себе в работники. Если у него хватит ума, то он научится у меня разным диковинным штукам.

— А ты кто такой? — полнобопытствовал дедушка Тодоран.

— Я мастер над всеми мастерами. Моя мастерская находится в этом колодце.

— Как же ты спускаешься вниз?

— По лесенке, сделанной из веревок, скрученных из песка. По этой же лесенке я поднимаюсь наверх. Ну так как же, оставляешь мне сына?

— Оставляю, — согласился дедушка Тодоран.— Но скажи сначала, когда ты отпустишь его обратно домой?

— Приходи сюда через три года, — ответил мастер Ух, схватил маленького Койчо за руку и втащил его в колодец.

А дедушка Тодоран вернулся домой.

Через три года он опять пришел к высохшему колодцу. Заглянул внутрь и крикнул во весь голос:

— Ух! Где ты, Ух?

В тот же миг в темноте колодца скрипнула какая-то дверь и по лестнице из веревок, скрученных из песка, поднялся маленький человечек.

— Чего тебе надобно? — спросил он старика.

— Я пришел за сыном, — ответил дедушка Тодоран.— Три года прошло, хочу взять его домой.

— Нет, я тебе его не отдам, — покачал головой маленький человечек.

— Вот тебе раз! Почему же ты мне его не отдашь? — испугался старик.

— Потому что он до сих пор ничему не научился. Придется оставить его еще на три года.

— Я бы тебе его оставил, да боюсь, не умереть бы мне с голоду, потому что я уже стар, а помогать мне обрабатывать ниву некому.

— Ну что ж, я помогу тебе прокормиться, — сказал маленький человечек и скрылся в колодце. Немного погодя он снова выскочил оттуда и подал старику пеструю скатерку и большую тыкву.

Дедушка Тодоран взял скатерку и спросил:

— Для чего они мне?

— Отнеси их к себе домой, — ответил мастер Ух. — Как только постелешь скатерку на землю, на ней сразу появятся разные яства. А в тыкве скрыты пятьсот молодых коней. Если кто-нибудь причинит тебе зло, стукни три раза по тыкве и увидишь, что произойдет.

Старик убрал скатерку и тыкву в котомку, простился с мастером Ух и пошел своей дорогой. Дома он вынул скатерку, расстелил ее на полу — и в тот же миг на ней появились четыре миски: в одной дымилась горячая похлебка, в другой лежал вареный цыпленок, в третьей — румяный пирог, а на четвертой золотился виноград. Дедушка Тодоран гла-

зам своим не поверил. Быстро покончил он со всеми угощениями, лег спать, да так и не мог заснуть от удивления.

— Чудеса, да и только! — рассуждал старик. — Вот так скатерку выдумал бородатый человечек! А что будет, если мой Койчо станет еще искуснее его в этом ремесле?!

На другой день дедушка Тодоран отправился к своему соседу, первому богачу в селе, чтобы похвастаться чудесной скатеркой. Только переступил он порог, хозяйка ему и говорит:

— Как раз время обедать, да я ничего не готовила, так что и угостить мне тебя нечем.

— Об этом не беспокойся, — ответил старик и усмехнулся, — я сам угощу вас, зови-ка поскорее мужа!

Пока хозяйка ходила за мужем, гость разостлал чудесную скатерку на полу, и тотчас же на ней появились три запеченные индюшки, три баклаги с вином и белый-пребелый пшеничный каравай. Дедушка Тодоран позвал хозяина и хозяйку отведать его угощения.

Жена богача все поглядывала на скатерку и все уговаривала гостя пить побольше вина.

— Выпей, выпей еще глоток, дедушка Тодоран!

Дедушка Тодоран поднимал баклагу все выше и выше, а когда он наконец запрокинул пьяную голову назад, жена богача незаметно убрала чудесную скатерку и заменила ее другой, точно такой же по виду. Перед уходом старик свернул подсунутую ему скатерку, положил ее за пазуху и, пошатываясь, побрел домой. Дома он сразу бухнулся в постель и заснул как убитый. Проснувшись на другой день, он прежде всего подумал о скатерке, потому что успел проголодаться. Разостлал ее и собрался было полакомиться, да не тут-то было: миски так и не появились. Начал старик разглядывать скатерку и догадался, что она подменена.

— Я вам покажу, как подменять скатерку дедушки Тодорана! — пригрозил старик и три раза стукнул пальцем по тыкве. Раскрылась тыква, и выскочили из нее пятьсот маленьких всадников с дубинками в руках. Выстроились они перед стариком, взмахнули дубинками и крикнули в один голос:

— Что прикажешь, дедушка Тодоран?

— Приказываю вамсыпать моему соседу сто палок пониже спины, а его жену заставьте отдать мне мою скатерть-самобранку. Марш!

Маленькие всадники поскакали к дому богача. Через час они принесли старику украденную скатерку, но вернулись с поломанными дубинками и стали рассказывать:

— Ну и жена у твоего соседа! Ни за что не хотела отдавать скатерть-самобранку, мы все дубинки переломали, пока заставили ее вернуть чужое.

Взял дедушка Тодоран скатерку и разостлал ее во дворе. Тут же появились на ней пятьсот мисочек с едой для усталых и голодных всадников, а для их лошадей — пятьсот мешочков ячменя. Наевшись досыта, всадники один за другим полезли обратно в тыкву, разместились там и притихли.

А дедушка Тодоран зажил беззаботной жизнью. Прошло еще три года, снова пришел он к высохшему колодцу и стал звать:

— Эй, мастер Ух, выйди ко мне!

Но из колодца на этот раз выскочил сам Койчо.

— Ты ли это, сынок? — удивился дедушка Тодоран и бросился его обнимать. — А куда девался мастер Ух?

— Ушел на базар продавать всякую дребедень, а меня запер в мастерской, но как только я услышал твой голос, батюшка, сразу превратился в мышонка, пролез через отверстие под деревом, а потом снова обернулся человеком и выскочил к тебе.

— А почему ж ты не возвращаешься домой?

— Мастер не отпускает.

— Почему же он тебя не отпускает?

— Потому что из меня вышел лучше мастер, чем он сам. Места не может себе найти бородатый с тех пор, как узнал, что я его превзошел, и хочет погубить меня, да я не даюсь ему в руки!

— Нашел, из-за чего злиться! — покачал головой дедушка Тодоран. — Вместо того, чтобы радоваться за способного ученика, он ему завидует! Пойдем-ка домой!

Койчо спустился в колодец, забрал из мастерской свои инструменты и пошел с отцом. Шли они, шли и дошли до одного села. Слышат — бьют там в барабан и играют на скрипках.

— Видно, тут свадьбу справляют, — говорит дед Тодоран. — Пойдем посмотрим.

Пришли они на свадьбу. Хозяева встретили гостей с радостью и начали их угощать. И что бы вы думали? Как раз в это время появился мастер Ух, принявший вид волынщика. Койчо узнал его по желтым глазам. И пока мастер надувал волынку, его ученик ударился головой о землю, превратился в розу и вскочил на стол. Пальцы мастера Ух быстро забегали по трубочкам. Всех гостей околдовала его игра.

— Как ты хорошо играешь! — вздохнул жених. — Чем тебя награждать за твою игру?

— Ничего мне не надо, — отвечал волынщик, — дайте мне только вон ту розу, которая лежит на столе.

— Дарю ее тебе от всего сердца! — воскликнул жених, взял розу со стола и протянул ее волынщику.

Волынщик крепко схватил цветок и начал злобно мять его. Тогда

роза вдруг превратилась в горсть просяных зерен, которые рассыпались по столу. Волынщик скрипнул зубами, отбросил в сторону волынку, ударился лбом о землю и превратился в наседку с десятью цыплятами.

— Да таких чудес мы еще не видывали! — закричали гости и столпились около стола, чтобы увидеть, что будет дальше.

А дальше произошло вот что: цыплята стали клевать просяные зерна и склевали все, кроме одного, которое закатилось под миску. Когда наседка начала сзывать цыплят, это зернышко подскочило и превратилось в лисицу. Лисица с визгом бросилась за цыплятами, а перепуганная наседка выпорхнула из окна и стремглав полетела к высохшему колодцу. Лисица же стукнулась лбом о землю и снова превратилась в человека.

— Молодец, Койчо! Нечего и говорить, превзошел ты своего мастера! — радостно закричал дедушка Тодоран и разостлал чудесную скатерку.

В тот же миг с неба упали на скатерку три яблока: одно для того, кто рассказывал сказку, другое для того, кто ее слушал, а третье — для дедушки Тодорана.

ПРО МАЛЬЧИКА, СОБАЧКУ, КОТЕНКА И ЛЯГУШОНКА

У одной женщины был мальчик. Он ходил в школу. Каждое утро перед уходом мать давала ему денежку и говорила:

— Возьми, сыночек, эту денежку и купи себе коврижку.

Вот раз пошел он в школу. Вдруг видит: трое злых мальчишек безжалостно стегают хворостиной маленькую собачку.

— Эй, — крикнул мальчик, — зачем бьете песика?

— Не твое дело. Иди своей дорогой, не то мы и тебя поколотим!

А собачка визжит жалобно-прежалобно. Мальчик снова крикнул учителям:

— Слушайте, если отдадите мне щенка, я дам вам денежку, а на нее вы себе коврижку купите. Согласны?

— Ладно, — ответил один из них, — давай денежку!

Мальчик отдал денежку и унес с собой собачку. В тот день он остался без коврижки. А когда вернулся домой, мать, увидев песика, поморщи-

лась, однако ничего не сказала сыну.

На другой день она опять дала ему денежку и отправила в школу. Идет мальчик по мосту и видит, что те же злые ребята тащат котенка. Привязали ему на шею тяжелый камень и хотят бросить беднягу в реку. А котенок пищит, словно ребеночек. Мальчику стало жаль его, и он крикнул злым ребятам:

— Стойте, не бросайте котенка в реку! Продайте мне его за денежку.

— Давай денежку! — сказал самый большой и злой из ребят и отдал мальчику котенка.

Мальчик отвязал камень, что висел на шее котенка, а его самого сунул в сумку и пошел в школу. Опять он до самого вечера ничего не ел. А когда вернулся домой, мать, увидев котенка, нахмурилась еще больше, но и на этот раз ничего не сказала сыну.

На третий день мальчик отдал денежку злым ребятам, чтобы спасти от них лягушонка, который тайком от своей матери выпрыгнул из глубокого омута. Когда мальчик вернулся вечером домой и выпустил лягушонка к песику и котенку, мать рассердилась.

— Зачем ты таскаешь в дом разных тварей? Кто их будет кормить? Разве ты не знаешь, что нам самим есть нечего!

— Не сердись, матушка, — ответил мальчик, — у каждой из них свое счастье.

— Выброси их из дому, не хочу, чтобы они здесь были! — приказала мать.

— Хорошо, матушка, они здесь не останутся, но и я с ними уйду.

— Иди, куда хочешь! — крикнула мать, еще больше рассердившись, и заперла за сыном дверь.

Отправился мальчик по дороге, а собачка, котенок и лягушонок следом за ним поплелись. Шли они, шли и подошли к большому городу. Присели отдохнуть. Сидит мальчик и тяжело вздыхает.

— Что с тобою, братец? — спрашивает лягушонок. — Почему ты так тяжело вздыхаешь?

— Как же мне не вздыхать, когда у нас ни куска хлеба нет. Что мы делать-то будем?

— А мы будем зарабатывать, — ответил лягушонок.

— Как так?

— А я сейчас скажу, как. Голос у меня хороший, я буду петь, а собачка и котенок — плясать. Будем потешать ребят, а они нам денежек на хлеб дадут. Давай попробуем!

Встали они и пошли. Вошли в город и остановились посреди школьного двора. Лягушонок начал петь, а собачка и котенок принялись подпрыгивать, да так ловко, что ребяташки просто без ума остались от них и накидали мальчику полную шапку монеток. Мальчик очень обрадовал-

ся, увидев столько денег. Себе он купил коврижку, лягушонку — спичечную коробочку, полную мух, собачке — кусочек мяса, а котенку — рыбку. Наелись они хорошенько, вышли из города и переночевали в стогу сена. На следующий день пошли в другой город. И там заработали себе на хлеб песнями и плясками. Пошли дальше, немало сел и городов обошли. Много дней, много лет протекло. Голос у лягушонка еще лучше прежнего стал, собачка жирком обросла, у котенка хвост вырос, а под носом у мальчика усы пробились, и стал он парнем.

Однажды лягушонок сказал:

— Братец, надоело мне бродить по свету и петь.

— А чего же ты хочешь? — спросил его парень.

— Хочу вернуться в глубокий омут к матушке. Соскучился я без нее.

— И я соскучился по своей матушке, — ответил парень. — Давайте-ка вернемся домой.

— Когда ты приведешь меня к моей матушке, — продолжал лягушонок, — она очень обрадуется и захочет наградить тебя деньгами. Ты, братец, денег не бери, а попроси серебряную коробочку, которую она под языком держит.

Вернулись наши путники той же дорогой, по которой вышли из дому. Когда подошли к глубокому омуту, лягушонок крикнул:

— Я вернулся, матушка, выйди мне навстречу!

Старая лягушка на радостях так высоко подскочила, что перепрыгнула через мельницу.

— Где ты пропадало, чадушко мое? — спросила она лягушонка.

Тот все рассказал ей.

— Чем же мне тебя отблагодарить? — обратилась лягушка к парню.

— Ничего мне не нужно, — ответил парень, — дай мне только коробочку, что у тебя под языком.

— У тебя губа не дура, — проквакала лягушка. — Молод, да умен. Что ж, бери. Когда у тебя будет нужда в чем-нибудь, открой крышку. Сам увидишь, что будет.

Оставил парень лягушонка у старой лягушки и направился к дому своей матери. Собачка и котик побежали следом за ним. Как только перешагнул он порог, мать так и заохала:

— Ах, сынок, как же ты вырос! Уже и усы есть. Да тебе как раз впору жениться.

— Вот, матушка, я и надумал жениться. По дороге домой видел я в соседнем селе девушку. Она воду из источника в золотой кувшин наливала. На ней и хочу жениться. Иди, посватай мне ее.

— Как же я тебе ее посватаю, сынок? Да ты знаешь, что это за девушка? Это царская дочь.

— Ну и что ж такого, что она царская дочь? Разве мы не люди?

— Люди-то мы люди, да только бедные.

— Ты иди и посватай, а там посмотрим.

Мать собралась и пошла в царский дворец. Старый царь оглядел ее с ног до головы и топнул каблуком.

— Зачем ты явилась? — спросил он строго.

Бедная женщина рассказала, по какому она делу пришла.

— Я отдам свою дочь, — ответил царь, — тому, кто построит дворец больше и краше моего. Так и скажи своему сыну. А теперь уходи.

Вернулась бедная женщина и рассказала сыну, чего хочет царь.

Услышав ее слова, парень вспомнил про коробочку, которую дала ему лягушка, вынул ее из кармана и открыл крышку. А была та крышка величиной с ноготок. Сначала из коробочки показалась тонкая струйка белого дыма, а потом этот дым превратился в великана ростом с тополь.

— Что прикажешь, господин? — обратился великан к парню.

— Хочу, чтоб ты построил мне дворец больше и красивее царского.

— Будет исполнено! — ответил великан, и тотчас же к самым небесам поднялся великолепный дворец.

Увидя этот дворец, старый царь разгневался, да делать нечего — пришлось ему отдать свою дочь парню. Молодые поселились во дворце. Вот однажды парень и говорит своей жене:

— Я пойду погляжу, что делается на белом свете, а ты сиди дома и жди, покуда я вернусь.

Отправился парень в дорогу, а собачка и котик за ним увязались. Весь день шли. Под вечер подошли к одному городу. Котик начал мяукать:

— Братец, я проголодался!

— Сейчас все сыты будем! — промолвил парень и сунул руку в карман за коробочкой. Сунул, да так и оторопел.

— Где же она? — воскликнул он. — Видно, я забыл ее дома, на полке под миской. Давайте вернемся за волшебной коробочкой, а потом снова отправимся в путь-дорогу.

И пошли они назад. Но теперь слушайте, что случилось с коробочкой. Царская дочь стала прибираться и нашла ее на полке под миской. Не зная, что это такое, она выбросила коробочку за окно. Та упала посреди улицы, и в ней кто-то крикнул:

— Ох!

В это время по улице проходил старьевщик. Он услышал оханье, нагнулся, поднял коробочку и открыл крышку. Вдруг перед ним появился великан.

— Что прикажешь, господин? — обратился он к старьевщику.

— Приказываю тебе взять этот дворец и вместе со мной и красавицей, что смотрит в окошко, перенести его на пустынный остров посреди моря!

— Будет исполнено! — промолвил великан и схватил дворец.

Поздно вечером парень, собачка и котик пришли на то место, где стоял их дворец, но дворца там уже не было! Парень сел на камушек и горько заплакал.

— О чем плачешь, братец? — спросила собачка.

— О своей молодой жене плачу, о дворце плачу. Эх, почему моя коробочка не со мной!

— Не плачь, братец, мы добудем ее тебе, — сказал котик и вместе с собачкой отправился к морю.

Придя на берег, они увидели вдали остров, а на нем дворец. Тогда котик вскарабкался собачке на спину, и так они доплыли до острова. Пробрались во дворец. Котик залез на чердак и стал гоняться за мышами. Вышел к нему мышинный царь и спросил:

— Почему ты гоняешься за моими подданными?

— Потому что я сердит на твоего хозяина.

— А что он тебе сделал?

— Украл коробочку моего старшего брата. Где он сейчас?

— Спит.

— А коробочка?

— Она у него в носу спрятана. Если тебе нужна эта коробочка, я достану ее тебе, но ты взамен обещаешь, что оставишь в покое моих подданных.

— Ладно! — сказал котик.

Тогда мышинный царь отправился на кухню, обмакнул хвост в банку с красным перцем и проскользнул в спальню. Тихонечко прополз по одеялу и сунул кончик хвоста в нос уснувшему старьевщику. Как только красный перец попал ему в нос, старьевщик громко чихнул. Коробочка вылетела у него из носа. Мышинный царь схватил ее и отнес котику.

— Вот, — сказал он, — отдай ее своему брату, чтоб он не плакал.

Котик поблагодарил его, помахал лапкой и выскочил на двор, где его ждала собачка.

И они отправились в путь-дорогу.

На берегу котик влез на спину собачке, и они поплыли через море. Но на полпути собачка сказала:

— Дай коробочку мне, я хочу держать ее!

— Не дам! — ответил котик.

— Почему?

— Потому что мышинный царь дал ее мне.

Слово за слово, товарищи поссорились. Стали бороться в воде, и котик уронил коробочку. Всплеснул он лапками и крикнул:

— Стой!

— В чем дело? — спрашивает песик.

- Я коробочку в море уронил!
- Теперь наши дела совсем плохи!

Выбрались товарищи на берег, присели возле камня и, пригорюнившись, стали смотреть на море...

В это время пришел на берег рыбак. Приготовил невод, закинул его в море, вытянул на песок и ахнул: в нем запуталась большая-пребольшая рыбина.

Рыбак выпотрошил рыбу, сунул ее в сумку, а рыбы кишки на песок бросил и ушел прочь.

Котик облизнулся:

- Пойдем хоть рыбьими кишками полакомимся!

Принялись товарищи за еду.

Собачка проглотила чуть ли не половину кишок, да вдруг подавилась и начала скулить:

- Ой-ой-ой, у меня в глотке что-то застряло!
- Открой рот! — сказал котик.

Собачка разинула рот. Тогда котик сунул лапу ей в глотку и вытащил — что бы вы думали? — вытащил волшебную коробочку. Ее проглотила та самая рыба, которую поймал рыбак.

Завидев коробочку, собачка и котик страшно обрадовались и поспешили к своему приятелю. Прибежали к нему, видят — сидит он на камне и слезы льет.

— Братец, погоди, не плачь, мы принесли тебе коробочку! — крикнул котик.

Парень вытер глаза и открыл крышку коробочки. В тот же миг появился великан.

- Что прикажешь, господин? — спросил он.

— Приказываю тебе перенести сюда дворец с моей женой и вором!

И вот дворец снова очутился на старом месте. Парень вошел в него, застучал, загремел, разбудил вора, который все еще крепко спал, дал ему затрещину и крикнул:

— В другой раз не воруй чужих дворцов, не то я прикажу великану, чтобы он тебе все кости переломал. Прочь с моих глаз!

Старьевщик схватил шапку в охапку и убежал. А во дворце остались: парень с молодой женой в покоях, котик на чердаке, а собачка во дворе. Каждый вечер лягушонок выходил из глубокого омута и пел им песни, покуда все не уснут.

ВОЛШЕБНАЯ ПТИЧКА

Пошел как-то охотник в горы на охоту. Долго бродил он по горам и долам, забрел в темный лес. Видит: пожар в лесу занялся. Деревья с треском падают. Прислушался охотник и услышал жалобный стон. Пошел он на голос и видит, что на одном обгоревшем дочерна дереве корчится пестрая змея, а на землю спуститься боится, потому что под нею огонь пылает.

— Спаси меня, охотник! — взмолилась змея.

Охотник срезал палку, протянул ее к дереву. Змея тут же обвилась вокруг палки, и он перенес ее в безопасное место. Змея немного отошла и говорит:

— Ты спас мне жизнь, и я награжу тебя. Видишь вон ту разлапистую ель? Там есть гнездо, а в гнезде три яйца. Ты одно возьми, а два других оставь — пусть вылупятся птенцы. Яйцо это не простое, тебе за него много денег дадут.

Пошел охотник, куда ему змея указала, залез на ель и нашел гнездо. Взял одно яйцо, посмотрел: яйцо как яйцо, только на скорлупе написаны

какие-то непонятные слова. Озадаченный, пошел он в город и показал яйцо старику-чернокнижнику. Старик надел очки и, прочитав таинственные знаки, развязал кошель. Бросил охотнику один золотой и сказал:

— Если поймашь саму птичку и принесешь ее мне, живую или мертвую, — озолочу тебя!

(А на скорлупе было написано, что тот, кто съест желудок птички, каждое утро, пробудившись ото сна, будет находить у себя под подушкой кошелек с золотыми монетами, а тот, кто съест сердце — сможет читать чужие мысли).

Пошел охотник в лес. Подкараулил птичку, выстрелил — и бегом к чернокнижнику. У того руки задрожали при виде чудесной птички. Расплатился он с охотником и проводил его подобру-поздорову. Потом позвал служанку и говорит:

— Приготовь мне на обед эту птичку, только не смей давать никому ни кусочка, я хочу съесть ее целиком.

А у служанки было двое сыновей. Не успела она выпотрошить птичку, как оба мальчика начали просить:

— Мама, поджарь мне желудочек!

— А мне — сердечко!

Положила служанка птичьих потроха на угли, испекла и подала сыновьям. Один из них живо управился с сердцем, а второй начал есть желудок, но он оказался жестковатым, и мальчишка сунул его за щеку.

Пришел чернокнижник обедать, заглянул в горшок и принялся искать желудок и сердце. В это время служанкины дети играли в саду. Вдруг один из них, тот, что съел сердце, побледнел, задрожал от страха и говорит:

— Бежим скорее, братец!

— Почему? — спросил тот, кто сунул за щеку желудок.

— Потому что хозяин хочет нас зарезать!

— Откуда ты знаешь?

— Я прочитал его мысли. Он сейчас думает: убью-ка я тех, кто съел птичий желудок и сердце.

Вскочили братья и побежали куда глаза глядят, подальше от чернокнижника. Бежали целый день и к вечеру добежали до скошенного луга. Зарылись в стог сена и заснули глубоким сном. На следующее утро тот брат, который засунул за щеку птичий желудок, нашел в сене под головой, кошелек, набитый золотыми монетами.

— Вот так везенье! — обрадовались братья и весело отправились дальше.

Шли они, шли и пришли в большой город. Накупили себе всякой всячины: новую одежду, сапоги, собольи шапки. Поселились в самом лучшем доме и зажили себе припеваючи. Каждое утро старший брат находил

у себя под подушкой кошелек с золотыми монетами. За год набралось у них два мешка денег, а через пять лет — целых десять мешков. Сложили они мешки в чуланы, сделали железную дверь и заперли ее на замок, а ключ спрятал у себя на груди младший брат.

А как раз напротив дома, где жили служанкины дети, стоял царский дворец. У царя было две дочери, и обе такие красивые, что во всем царстве не было им равных. Люди деньги платили, чтобы подивиться на такую красу. За один золотой можно было любоваться красавицами час. Пошли и служанкины сыновья во дворец посмотреть на царских дочерей. Им так понравились красавицы, что они вовсе перестали выходить из мраморного дворца. Каждый день платили по двенадцать золотых монет за двенадцать часов и прогуливались с красавицами в царском саду с утра до ночи. Однажды старшая царевна спросила того брата, который держал за щекой птичий желудок:

— Скажи мне, откуда у вас столько денег? Вот уже три месяца как вы платите по двадцать четыре золотые монеты в день. Даже если бы они росли на дереве, то все равно бы уже кончились.

— Хорошо, скажу, — ответил старший брат, — только поцелуй меня. Старшая царевна поцеловала его, и он открыл ей свою тайну.

— А где сейчас этот желудок? — спросила хитрая царевна.

— У меня за щекой.

На другой день царские дочери пригласили братьев в сад и устроили им богатое угощение. Накормили их, напоили. А потом уложили их спать под тенистым деревом. Только братья заснули глубоким сном, как царевны принялись за дело. Старшая подняла голову того, который держал за щекой птичий желудок, достала желудок и недолго думая проглотила его. А меньшая дочь обыскала карманы второго брата, нашла у него ключ от железной двери, отдала его слугам и приказала перевезти в царскую сокровищницу мешки с золотом. Покончив с этим, царские слуги обобрали сонных братьев до нитки и выбросили на улицу.

На другой день проснулся старший брат, пошарил у себя под головой — нет кошелька с золотыми монетами. Сунул палец за щеку, а от птичьего желудка не осталось и следа. Как тут быть? Растолкал он младшего брата, побежали они домой. Бросились в чулан, смотрят: железная дверь отперта, мешков с деньгами и след простыл. Целый день ходили они вокруг дворца не солоно хлебавши. Тот, кто умел читать чужие мысли, и говорит старшему брату:

— Знаешь, братец, что думают о нас царские дочери? Они думают, что глупее ослов, чем мы с тобой, на свете нет.

Пристыженные братья вышли из города и пошли в лес. Целый день бродили по лесу. Проголодались до смерти. Вот забрели они в чащу, видят: ствол старого ясеня обвила виноградная лоза, а с нее свисают

грозди — белые и черные. Обрадовались братья, стали рвать блестящие черные грозди. Не успели съесть по несколько ягодок, как превратились в длинноухих ослов.

— Ох, беда! — запричитали братья. — Что же нам делать? Неужели так и придется остаться ослами? Ладно, раз так, давай хоть наедемся винограда вволю.

Наевшись черного винограда, они потянулись к белому. Только отведали белого винограда, как снова превратились в людей.

— Ну, такой виноград нам пригодится! — обрадовались братья.

Наломали они ореховых веток, сплели две корзины, наполнили их виноградом — одну белым, другую черным — и отправились в город.

Встали у ворот дворца и принялись кричать:

— Кому винограда? Сладкий виноград продаем!

Царские дочери как раз считали в царской сокровищнице золотые монеты. Выглянули они из окон.

— Почему виноград? — спросила старшая.

— Цена одна: и за черный, и за белый — один золотой.

Бросила царевна золотой, подали ей братья в окно корзину белого винограда. Сестры съели виноград, а потом бросили еще один золотой и говорят:

— Дайте и вторую корзину.

Старший брат подал им вторую корзину. Что дальше было, трудно пером описать. Через час спустился по мраморной лестнице в сокровищницу сам царь: на голове корона, золотой жезл в руках. Захотелось ему порадоваться золоту. Открыл дверь и ужаснулся. Видит: золотые монеты разбросаны по полу, а по золоту расхаживают две ослицы.

— Кто посмел впустить в мою сокровищницу этих ослиц? — закричал царь грозно. — Вон!

И ну бить ослиц жезлом. Взревели ослицы, кубарем скатились с мраморной лестницы, выбежали из дворца и помчались по улицам. Братья догнали их, накинули уздечки, уселись верхом и поехали в лес. В лесу сплели четыре большие корзины, навьючили на каждую ослицу по две корзины белого винограда и поехали в город продавать. Они продавали белый виноград за бесценок, и бедняки с радостью покупали его. А когда кончился белый виноград, наполнили братья четыре корзины черным виноградом и повезли его во дворец. Царь как раз собрал министров на званый ужин. Поднесли им на золотых блюдах черный виноград, все полакомились им — и царь, и министры, и советники, и музыканты.

Страшный ослиный рев огласил дворец.

Тогда братья оставили ослиц, ушли из города и больше туда не возвращались.

ПРО МАЛЬЧИКА, КОТОРЫЙ ОБО ВСЕМ ХОТЕЛ ЗНАТЬ

Жил-был мальчик, который все хотел знать. Обо всем-то он спрашивал своего деда:

- Скажи, дедушка, кто качает деревья?
- Ветер, — отвечал дедушка.
- А кто велит ветру дуть?
- Почему я знаю. Слышать-то я слышал, как ветер воет в трубе, но видеть его не доводилось. Вот встречу его и спрошу.
- А можешь ты мне сказать, кто ночью зажигает звезды? — не отставал любознательный мальчик.
- Как же я могу сказать, когда я не был на небе. Спроси орлов или аистов, что летают над облаками.
- А вот и об аистах. Сегодня утром я видел их; собрались вместе,

улетают. Куда они летят?

— Всякий младенец знает куда: в теплые страны, где не бывает снега.

— А это правда, что аисты могут превращаться в людей?

— Не знаю, правда ли, но я слышал, что за горами с зубчатыми вершинами есть большое море. За морем — пустыня. Дальше густой лес простирается. А среди леса сверкает озеро; стоит птицам разок погрузиться в его воды, как они тут же превращаются в людей.

— А потом?

— Потом они расходятся по домам.

— Ладно, я сам разберусь, в чем тут дело, — проговорил мальчик и на следующее же утро вскочил на свою деревянную лошадку. А его лошадка была просто-напросто гладко оструганной кизиловой палочкой, как и лошадки всех других деревенских ребят.

— Но-о! — крикнул мальчик и помчался к горам с зубчатыми вершинами. Скакал он, скакал, остановился передохнуть, приложил ладонь к глазам козырьком и, взглянув на далекие горные вершины, воскликнул:

— Конек мой резвый! Если перенесешь меня через эти горы, я отсыплю тебе полную шапку золотого ячменя из дедушкиного амбара.

Лошадка, услышав эти слова, мигом ожила, заржала, подпрыгнула и полетела. Понеслась к высокому небу.

— Прямо птица, а не конь! — обрадовался мальчик и замахал шапкой родному селу на прощанье.

К полудню летучий конек достиг зубчатых вершин, а под вечер понесся над синим морским простором. Время от времени мальчик поглядывал вниз, ища глазами песок, но воде не было конца-краю. Там и сям над волнами показывались рыбы, словно лодки. Мальчик перепугался и хотел было уже повернуть свою лошадку назад, как вдруг заметил невдалеке высокий каменистый берег и стаю белых птиц на скалах.

„Вот и наши аисты! Я догнал их!“ — подумал мальчик и направился к ним.

Опустился рядом. Аисты молча взглянули на него, посидели еще немножко, набрались сил и снова полетели.

„Куда же они без меня?“ — удивился мальчик, пришпорил свою палочку-лошадку и понесся вместе с птицами над желтой пустыней. Целых семь дней аисты и мальчик, который хотел обо всем знать, летели над пустыней. По ночам птицы садились на горячий песок, опускали усталые крылья и крепко засыпали, а мальчик стоял рядом и охранял их сон.

На восьмой день пустыня кончилась. Показался лес. Среди леса блеснула вода неведомого озера. Птицы опустились на берег, с жадностью протянули шеи к воде, напились, затем бросились в озеро, заплескали крыльями и погрузились в воду. Как только их крылья намокли, аисты, все до одного, превратились в людей. Все как один были одеты в широкие

шаровары, подпоясаны красными поясами, на голове у всех были высокие бараньи шапки.

— Ты зачем отправился вслед за нами? — спросил один из людей-аистов мальчика.

Это был вожак стаи. Седая борода доставала ему до пояса.

— Я хочу видеть, где вы проводите зиму, — ответил мальчик.

— Иди с нами! — дружно закричали люди-аисты и пошли гуськом по лесной тропинке.

Выйдя из леса, они свернули направо и вошли в многолюдный город, в котором были сотни небольших лавочек. Люди-аисты накупили ожерелий, сахарных петушков, дудочек, коврижек, наполнили свои сумки и покинули город. На этот раз они свернули налево и перед закатом добрались до малюсенькой деревушки с хижинами из тростника. Это и была деревня людей-аистов. Все хижины стояли одна возле другой и глядели окнами в бурный, пенистый поток. У околицы прибывших встретила целая толпа женщин, старух и ребятишек. То была их родня. Вожак с длинной бородой сказал мальчику:

— Меня никто не встречает, потому что моя старуха померла, а дети однажды поднялись в небо и больше не вернулись. Идем ко мне — будем жить вместе.

И он отвел мальчика в свою хижину. Мальчик, перед тем как перейти через порог, оставил палочку-лошадку у дверей. Они поужинали и легли спать. На другое утро, рано, когда все еще спали, мимо хижины прошел погонщик верблюдов. Он вел двугорбого верблюда, нагруженного корзинами апельсинов. Погонщик опирался на толстый сук. Увидев кизилловую палочку, он бросил свой сук, взял палочку-лошадку и пошел себе дальше.

Немного погодя мальчик, который хотел обо всем знать, проснулся. Бросился к своей палочке, а ее и след простыл. Заплакал мальчик:

— Дедушка-аист, кто-то украл мою палочку!

— Я тебе другую вырежу! — начал утешать его бородач.

— Ты не знаешь, какая она была крылатая! — тер себе глаза мальчик.
— Как я теперь к маме вернусь?

— Об этом не тревожься. Весной, когда мы отправимся к вам в село, мы возьмем тебя с собой. Ну, а теперь пойдем на рыбалку. Мы с тобой будем рыбу ловить в ручье, а остальные аисты отправятся в лес за апельсинами и бананами. Вечером устроим пир на весь мир.

Старый аист привел мальчика на берег ручья, срезал две тростниковые удочки, привязал к ним леску, и начали они ловить рыбок с золотой чешуей и красными глазами. До сумерек наловили полную корзину. Вернулись в хижину, нарубили дров, развели огонь и сварили целый котел ухи. Приправили ее перцем. Воротившиеся вечером люди-аисты едва

языки не проглотили: такой вкусной оказалась ушица. А мальчик съел вдобавок три апельсина и четыре банана.

Так прошло шесть месяцев. Когда наступила весна, люди-аисты из тростниковой деревни распрощались со своей родней и отправились в лес, к неведомому озеру. Как только выкупались в нем — все до одного снова превратились в аистов. Мальчик смотрел, смотрел — и тоже нырнул в озеро. Вошел в воду мальчиком, а на берег вышел аистенком. И ноги у него стали, как у аиста, и крылья за плечами, а вместо носа между глаз повис длинный клюв.

Стая аистов перелетела пустыню, море, горы с зубчатыми вершинами и в один прекрасный день добралась до родного села нашего мальчика. Аистенок издали узнал дедушкин дом. На трубе было старое гнездо, свитое из сухих прутьев. Вожак стаи уселся на дедушкино шелковичное дерево, другие аисты разлетелись по лугам, а аистенок, опустившись во дворе, зашагал к порогу. Из открытой двери вышла его мать в подоткнутом переднике. Увидя гостя, она замахала руками и принялась отгонять его:

— Кыш! Кыш! Убирайся в гнездо! Нечего в дом лезть!

Аистенку стало очень грустно, он взлетел, опустился в гнездо и начал жалобно стучать клювом. Немного погодя мать снова вышла из дому, взвалила на плечо деревянное корыто и направилась к реке стирать. Аистенок пустился следом за нею, но приблизиться не осмелился, а уселся на иву возле берега. Мать сперва сняла с шеи висевшую на шнурке золотую монетку, положила ее на камень, затем налила в корыто воды, засучила рукава и принялась за стирку. Выстирав дедушкины шаровары, мать отошла к ближайшему плетню, чтобы повесить их сохнуть на солнце. В это время аистенок подлетел к камню, схватил клювом шнурок с монеткой и улетел к себе в гнездо. Монетку он зарыл в пух, которым было устлано гнездо, и каждый вечер перед сном говорил ей „спокойной ночи“, как прежде говорил матери.

Вот и лето прошло. Аисты опять собрались в дорогу. Аистенку было очень жаль расставаться с родным домом, и пока они не перелетели через горы с зубчатыми вершинами, он все оборачивался назад. Прилетев к неведомому озеру по ту сторону пустыни, аисты погрузились в воду и снова сделались людьми. Окунувшийся аистенок тоже сделался человеком.

Бородатый вожак аистов отвел его в свою хижину и на другой день рано утром взял с собой удить рыбу. Мальчик, пригорюнившись, сидел на берегу, думал о матери, и из глаз у него капали слезы. Вскоре его леску сильно дернуло. Мальчик поднял удочку, и перед глазами у него блеснула рыбка с золотой чешуей.

— О чем ты плачешь, мальчик? — спросила она.

— О родном селе горюю.

— А почему же ты не вернешься туда, коли так горюешь?
— Не могу. У меня украли мою крылатую палочку.
— Слушай, — сказала рыбка, — если ты меня отпустишь, я скажу тебе, где твоя палочка.

Мальчик снял рыбку с крючка и пустил в воду. Она плеснула хвостом, ушла в глубину, но немного погодя высунула из воды голову и сказала:

— Пршлым летом, пока ты спал, мимо хижины дедушки-аиста проходил погонщик верблюдов. Он и взял палочку, чтобы опираться на нее, но когда переводил верблюда через деревянный мостик, случайно выронил ее. Ручей подхватил палочку и отнес в мельничный омут. Там она запуталась в корнях ракиты и теперь лежит в воде у самого берега.

Услышав эти слова, мальчик побежал к мельнице аистов, спустился к омуту и стал шарить руками в корнях ракиты, пока не нашел свою палочку.

Сел он на нее верхом и крикнул:

— Но-о, конек!

Кизилловая веточка взлетела и понеслась над тростниковыми хижинами. Мальчик снял шапку, взмахнул ею на прощанье и понесся в родной край. Спустя семь дней он опустился на отцовский двор и побежал к открытой двери, но мать не узнала сына — так он вырос.

— Я же твой сын! — воскликнул мальчик.

— Мой сын, — печально покачала головой его мать, — был меньше. Он исчез два года назад. Будто сквозь землю провалился.

Тогда мальчик рассказал ей, где он был и что видел.

— А как ты можешь доказать, что ты мой сын, а не чужой? — спросила мать.

Мальчик немного подумал, а потом рассказал матери о монетке, о том, как он взял ее и спрятал в пух, в аистовом гнезде.

Он приставил к стене лестницу, поднялся на крышу, разрыл пух в гнезде и вытащил оттуда золотую монетку. Мать поняла, что здесь нет обмана, признала сына и крепко обняла его.

— Обещай мне, — сказала она, — что больше никогда не будешь убегать из дома и превращаться в аиста.

— Обещаю, мама, — ответил мальчик и спрятал кизилловую палочку на чердаке.

СТАРИК, СТАРУХА И ЛУНА

— Дед, а, дед, — сказала как-то вечером старуха, — что же нам с тобой делать? Глаза у нас плохо видят, ноги заплетаются, руки ослабели. Как мы будем хлеб себе добывать без помощницы?

— Не знаю, — ответил старик и тяжело вздохнул.

— Вот кабы у нас была доченька, другое дело было бы! — совсем пригорюнилась старуха.

Случилось, что разговор их услышала луна, и ее сердце исполнилось жалости. Тень легла на ее чело.

— Давай-ка, старый, — молвила старуха, — попытаем счастья в последний раз. Авось выпадет нам удача. Пойди на реку и поставь старую вершу, которой ты рыбу ловишь. Что нам принесет вода, то и возьмем к себе, и будет оно нашим ребеночком.

Собрался старик и пошел на реку — туда, где серебрилась мель боль-

шого брода. Поставил вершу, прилег на бережку и задремал. Когда пропели третьи петухи, он поднялся и вошел в воду — вершу искать. Нашупал ее, поднял и что же видит — попалась в вершу уточка с пестрыми перышками, с золотым клювом и серебряными лапками. Старик поспешил отнести ее домой и еще с порога крикнул старухе:

— Гляди, старая, что к нам в вершу ночью попало!

— Ах, какая пригожая уточка! — обрадовалась старуха и принялась гладить гостью по мокрым крылышкам. — Ничего-то она делать не может, но хоть будет с нами досуг делить. Все живая душа! Пусть копошится возле меня, уж очень мне скучно одной. Скажи что-нибудь, родимая!

Уточка подняла кверху голову, разинула клюв и молвила:

— Кря!

— Будь жива и здорова! — приветствовала ее старуха. — Никто на свете не умеет так хорошо крякать.

И, достав с чердака дырявое решето, она уложила туда уточку и сказала:

— Здесь твое место!

— Кря! — снова молвила уточка.

Как только рассвело, старуха замешала отрубей, налила воды в миску и наказала уточке:

— Мы идем в лес по грибы, а ты сиди здесь, стереги дом. Никуда не выходи, потому что под дровами завелась ласка. Попадешься ей на глаза, она тебя тут же задушит. Берегись, уточка, ты ведь нам теперь вместо ребеночка.

И старики, взяв с собой по лукошку, заперли дверь и потихоньку-полегоньку отправились в лес. Как только затихли их шаги, уточка вылезла из решета, расправила крылышки, три раза взмахнула ими, четыре раза крякнула. В тот же миг с нее спали все перья, и она превратилась в стройную девушку с золотыми волосами и с серебряными туфельками на ногах.

— Ну, а теперь за работу! — сказала девушка и взялась за веник.

Подмела горницу, застелила деревянную кровать стариков, принесла на коромысле два ведра воды, полила цветы в садике перед домом, нарубила дров, развела огонь, повесила над ним котелок, достала с чердака связку сушеных грибов и положила их вариться. А пока грибная похлебка поспевала, проворная девушка достала из сундука старухи кусок белого полотна, скроила две рубашки, в два счета сшила и украсила их чудесным узором. Весь день трудилась. А как только солнце зашло, три раза взмахнула руками, словно крыльями, четыре раза крякнула и опять превратилась в уточку. Каждое перышко пришлось на свое место, и уточка забралась в решето.

Воротились старики и диву дались, увидя прибранный дом, горячую

похлебку и новые рубашки. Принялись расспрашивать уточку:

— Кто тут был? Кто развел огонь? Кто рубашки сшил?

А уточка лежит себе в решете и молчит. Усталые старики поужинали и спать легли. А на другое утро опять ушли в лес — на этот раз за кизилом. Вернулись к вечеру, а в доме еще лучше вчерашнего: в котелке над огнем сваренные бобы булькают, а на крюках висят две новые телогрейки, связанные из мягкой шерсти и подбитые заячьим мехом.

— Таких вкусных бобов я сроду еще не ел! — сказал дед, проглотив первую ложку.

Всю ночь старики глаз не сомкнули. Вертелись в кровати и шептались:

— Тут что-то не то. Кто-то приходит, когда нас нет!

— Надо узнать, кто здесь убирает, готовит и шьет нам новую одежду.

— Как узнаешь-то? — опечалился дед.

— А вот так! — смекнула хитрая старушка. — Завтра вместо того, чтобы в лес идти, мы залезем на крышу и будем подглядывать в трубу.

Сказано-сделано. На утро старики заперли за собой дверь, а сами тихонько приставили лесенку к задней стене дома, взобрались на крышу и стали смотреть в трубу. Немного погодя уточка поднялась, три раза крылышками взмахнула, четыре раза крякнула, оборотилась девушкой и говорит:

— А теперь за работу! Сперва подмету, потом просею муку через сито, замешу тесто, протоплю печку и поставлю хлебы. Покамест хлеб испечется — свяжу деду и бабке по паре шерстяных носок, чтоб у них ноги не мерзли.

Засучила она рукава и принялась за дело, а старики сидят на крыше, и сердца у них от радости выскочить готовы.

— Ах, какое счастье нам выпало! Не будет у нас в старости забот! — шепчут они друг другу.

Когда девушка затопила печку и вышла во двор за веником, чтобы смести уголья, старуха сказала:

— Не хочу я, чтобы наша дочка опять оборотилась уточкой. Хочу, чтобы осталась девушкой!

— Что же мы можем сделать? — спросил старик.

— Если сожжем ее утиную одежду, она останется такой, как есть!

— Верно! — воскликнул старик и спустился через трубу.

Следом за ним спустилась и старуха. Схватила утиную одежду и, не долго думая, кинула ее в горящую печку. В ту же минуту к ним вошла девушка.

— Что вы наделали? — вскричала она, увидев в печи свой утиный наряд. — Вы сожгли мои крылья. Теперь я уже не смогу ходить по небу, потому что нет у меня крыльев!

— А зачем тебе ходить по небу? — спросила старуха.

— Ах, — стала ломать руки девушка, — ничего-то вы не знаете. Я не уточка, я та, которая светит по ночам в небе. Я — Луна! Однажды вечером заглянула я в открытое окошко вашего домика, услышала, о чем вы говорите, и мое сердце исполнилось жалости. Тогда пошла я к колдунье, которая собирает разные травы и лечит ими все живое, и спросила ее, что мне сделать, чтобы помочь вам. Знахарка сказала мне, что ночью я должна светить в небе, а днем, если хочу, могу сходить на землю и помогать вам, но для этого мне нужны утиные крылья. И, хлопнув три раза в ладоши, собрала она всех лесных птиц и молвила им:

— Наша круторогоя Луна хочет днем спускаться на землю к одним одиноким старикам. Для этого у нее на плечах должны быть утиные крылья. Сделайте милость, вырвите из своего оперенья по перышку, а из пушка на шее по пушинке, и я смастерю Луне крылья.

Все птицы дали колдунье по перышку и по пушинке, и она за одну ночь смастерила утиные крылья, которые сейчас догорают в печи! Давая их мне, колдунья наказала:

— Пуще глаза береги, круторогоя, свои перья и помни, если загубишь их, никогда больше не сможешь вернуться на небо, и на всей земле по ночам воцарится полный мрак.

— Что же нам теперь делать? — испуганно заморгала глазами старуха.

— Идите со стариком в лес и собирайте птичьи перышки и пушинки. У каждой встречной птицы просите по одному перышку и по одной пушинке. А когда соберете, ступайте в Тилилейские леса, там, в соломенной избушке, живет колдунья. Станьте перед нею на колени и просите, чтобы она смастерила два утиных крыла. Я же спрячусь в самой глубине Старопланинской пещеры и покуда вы не принесете мне крыльев, не покажусь людям на глаза.

Сказав эти слова, девушка выбежала из домика, захлопнула за собою дверь и исчезла.

Понурился головы, старики поплелись в лес. От птички к птичке, от гнезда к гнезду ходили они по лесным чащам, протягивая руки за перышками и пушинками. Не чуя ног от усталости, засыпали по вечерам где придется, а перед этим долго смотрели на небо — авось увидят свою Луну. Но небо все время было покрыто черными тучами. Все встречные птицы дали по перышку и по пушинке, только трясогузка отказала им:

— Я своих перышек не раздаю, — сказала она. — На что будет похож мой хвостик хотя бы без одного пера! Мой хвостик краше всех хвостов на свете. Взгляните только, как он торчит!

И, подняв хвост вверх, она затрясла им.

Три дня старик со старухой простояли под гнездом трясогузки с протянутыми руками. Наконец та согласилась сорвать пушинку со своей

шеи, если старуха даст ей жемчужное ожерелье.

Не было жемчужин у старушки, опустила она голову и заплакала. Из глаз ее одна за другою стали капать горючие слезы. И каждая слеза, скатившись на землю, в тот же миг превращалась в жемчужину. Старушка собрала жемчужины, нанизала их на нитку и повесила на шею горделивой птичке. Тогда трясогузка вырвала у себя из шеи самую маленькую пушинку и бросила старикам, но ветер подхватил и унес ее. Весь день старики пробирались сквозь колючие заросли, охали, вздыхали, но, наконец, поймали пушинку и пошли в Тилилейские леса. Нашли колдунью и обо всем ей рассказали. Недовольно глянула на них колдунья, но все же сожалелась, взяла перышки и пушинки и за ночь смастерила новую пару утиных крыльев. Из Тилилейских лесов старики отправились в Старопланинскую каменную пещеру. Поздно ночью подошли они ко входу в пещеру и принялись кликать:

— Выйди, выйди, Луна!

Девушка вышла на зов, взмахнула руками, превратилась в утку, три раза крыльшками взмахнула, четыре раза крякнула и улетела на небо. И тут же на нем ясная Луна взошла.

Все люди вышли на улицу посмотреть на нее, потому что никогда еще не видели такой красивой Луны.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК

У одного отца было три сына. Когда они подросли, он позвал каменщиков, велел им построить три дома и сказал сыновьям:

— Дети, пришло время вам жениться. Дома, в которых вы будете жить, готовы. Нет только хозяек.

— Где же нам их взять? — спросил старший брат.

— Сейчас скажу! — ответил отец и вышел во двор, где росла старая яблоня.

Поднял он руку вверх и сорвал три румяных яблока.

— Возьмите, — сказал он, — эти яблоки. Бросьте их в три разные стороны. Куда упадут яблоки, там вы и найдете себе жен.

Братья взяли яблоки из рук отца. Старший повернулся лицом к востоку, размахнулся и бросил яблоко. Оно упало в сад к попу, где под миндалевым деревом сидела поповна и вышивала на пальцах. Увидев упавшее с неба яблоко, девушка схватила его и спрятала за пазуху. Сред-

ний бросил яблоко в сторону заходящего солнца, и оно упало у порога дома, в котором жил староста. Дочь старосты тотчас же выскочила из дома и схватила его. Младший брат вздохнул:

— Эх, не осталось для меня богатых невест! — и бросил свое яблоко в сторону леса. Оно, словно падучая звезда, пронеслось над верхушками деревьев и упало в самой чаше, возле ствола столетнего дуба, мимо которого медленно ползла черепаха. Увидев яблоко, черепаха протянула лапку, подкатила румяный плод к себе и стала ждать.

— А теперь отправляйтесь, — велел сыновьям отец, — приводите своих жен.

Старший зашагал к дому попа и вскоре вернулся с поповной.

Средний привел дочь старосты, а младший долго бродил по лесу, пока, наконец, не набрел на черепаху. Увидев кому досталось его яблоко, горько усмехнулся:

— Нечего сказать — выпало счастье!

Поднял он черепаху и яблоко, сунул их в суму и вернулся в свой новый дом. Потоптался он, потоптался, посадил черепаху под корыто и совсем было уж собрался уйти из дому, но тут пришло ему в голову, что его суженая, может, голодна. Приподнял он тогда корыто и положил рядом с черепахой яблоко.

Запер дверь и отправился в поле. Весь день пахал. Вечером возвращается усталый и голодный. Открывает дверь — и глазам не верит: весь дом так и светится, полы в горнице чисто подметены, нигде ни пылинки, ни соринки. Каждая вещь на своем месте стоит, а у очага — горшки с яствами, одно другого вкуснее.

— Ишь ты! — удивился пахарь. — Кто же это мне дом привел в порядок да такой вкусный ужин приготовил?

Перед тем, как сесть за стол, вспомнил он о черепахе и приподнял корыто. Все как прежде. Черепаха дремлет себе в своей костяной одежке. Только яблоко с одной стороны надкушено.

Наелся младший брат, растянулся на мягкой постели, выспался, а на другой день опять запер дверь и отправился пахать. Вечером возвращается и видит — в доме еще чище прибрано, а горшков у очага — вдвое больше прежнего.

— Ну и дела! — подивился пахарь. — Кто приходит в мой дом и хозяйничает при запертых дверях? Нужно разузнать, что тут делается!

На другое утро встал он с рассветом, запряг волов — будто и впрямь едет в поле пахать, — но, доехав до околицы, распряг их и пустил пастись, а сам вернулся домой. Спрятался за домом и стал подглядывать в маленькое окошко. Глядит: корыто, под которым черепаха лежит, приподнялось. Черепаха высунулась из-под него и толкнула перед собой яблоко. Яблоко покатилося по полу, но черепаха догнала его, вытянула шею и

откусила кусочек. Проглотила и в тот же миг превратилась в девушку, с которой и луна не смогла бы сравниться красотой. Засучила рукава, подмела полы, развела огонь, поставила на него горшки и принялась за пироги. Сито так и заиграло у нее в руках, а из-под него посыпалась мягкая, белая мучица. Замесив тесто, хозяйюшка поставила пироги в печь.

— Вот счастье-то какое мне выпало с этой черепахой! — улыбнулся младший брат и принялся весело насвистывать, но тут же вспомнил, что, покончив с домашними делами, красавица опять спрячется в костяную одежду, и решил эту одежду выбросить. Немного погодя девушка взяла коромысло с ведрами и пошла к колодезю за водой. Покуда она ходила, он пробрался в дом, взял ее костяной панцирь и выбросил во двор. В ту же минуту из-за туч ринулся вниз сокол, схватил панцирь когтями и унес.

— Что ты наделал! — воскликнула девушка, увидев, что ее наряд унесла хищная птица. — Теперь тебе не разделаться с бедой.

— Ради тебя я готов на все, — ответил младший брат, любуясь своей суженой.

К вечеру все село узнало, что черепаха превратилась в девушку и что она краше и поповны, и дочери старосты, и всех девушек в стране. Слух о ее красоте дошел до ушей старого царя. Уселся царь в золотую карету и отправился в гости к младшему из братьев. Хозяйка, по обычаю, вышла к нему навстречу. Царь надел очки, оглядел ее с головы до ног и про-бормотал, обратившись к ее мужу:

— Эта красавица не про тебя. Я возьму ее к себе во дворец, ибо она достойна стать царицей!

— Не отдам тебе свою жену! — ответил младший из братьев.

— Отдашь, такой-сякой, да еще и радоваться будешь! — крикнул царь и велел своим слугам всыпать упряму сотню палок.

Те тотчас же повалили его на землю и начали бить его, а молодая жена ломала руки и причитала:

— Ах, зачем ты выбросил мой костяной плащ? Кабы он был здесь, я закрылась бы им и не видела бы, как тебя бьют эти злые люди!

Отсчитав сотню палок, царь спросил молодца:

— А теперь отдашь ее?

— Хоть на кол меня посади — все равно не отдам! — простонал избитый молодец.

Царь заскрежетал зубами и велел слугам немедленно принести девять мешков: три с просом, три с пшеницей и три с рисом.

Слуги принесли мешки.

— Высыпьте все на землю и смешайте зерна! — приказал царь.

Слуги выполнили приказ и высыпали все в большую кучу.

— Даю тебе срок до утра, — обратился царь к младшему из братьев, — отдели просо от пшеницы и риса. Ежели справишься с этим делом,

покуда пропоют первые петухи, оставлю тебе жену. Ежели нет, отвезу ее в свой дворец!

— Не видать мне моей жены! — промолвил несчастный, и слезы хлынули у него из глаз.

Но молодица вытерла ему слезы платочком и сказала:

— Не печалься, а ступай в лесную чащу, где растет столетний дуб. Возьми камень, стукни им три раза о ствол и скажи:

„Старый лес осиновый,
осиновый, малиновый,
велела моя милушка
прислать без счета силушки!“

Как только скажешь эти слова, возвращайся назад да смотри, не оборачивайся!

Младший брат отправился в лесную чащу и трижды постучал камнем о кору столетнего дуба. Произнес слова, которые ему велела сказать молодая жена, и пошел обратно. А следом за ним поползло видимо-невидимо муравьев. Черным ручьем потекли они к его дому. Добрались до кучи зерна и принялись за дело. Не успели пропеть первые петухи, а муравьи уже разделили перемешанные зерна на три кучи: первую — только из пшеничных зерен, вторую — только из просяных, а третью — только из рисовых.

На заре явился царь и, увидев, что дело сделано, с досады аж затрясся весь. Да делать нечего.

— Дам я тебе еще одну задачу! — сказал он молодцу.

— Какую? — спросил тот.

— Должен ты мне железного человека смастерить, который мог бы ходить и говорить. Когда я завтра утром приеду к тебе на заре, пусть он выйдет мне навстречу и поклонится.

Опять закручинился младший из братьев, но жена утешила его:

— Не кручинься, а ступай в лес, на то же место и скажи:

„Старый лес осиновый,
осиновый, малиновый,
велела моя милушка
прислать скорей страшилущку!“

Младший брат сделал все, как ему велела жена, и пошел обратно. Шел он, не оборачивался, а страшилище грохотало следом, ломало и крушило лес. А наутро, когда царь пришел, младший брат сказал ему:

— Вот тебе железный человек!

Царь вытаращил глаза и застучал зубами от страха. И впрямь было от чего испугаться. Руки у человека были стальные, голова чугунная, сапоги железные, а из-под ног искры летели. Завидя царя, железный человек направился к нему и вместо того, чтобы поклониться, поднял

руку, замахнулся и вlepил ему затрещину.

Покачнулся царь, повалился наземь и больше не поднялся.

Тогда царские слуги разбежались, железный человек возвратился в лес, а младший из братьев стал жить да поживать со своей красавицей-женой.

У ЛЖИ НОГИ КОРОТКИ

У одного старика, по имени Делю, было три сына. Здоровые были мужики, поестъ власть любили, а работать не хотели. Лежали себе в тенечке и все об еде думали. Каждое утро, выходя в поле, дед Делю оставлял им по караваю хлеба и говорил:

— Ешьте, сынки, покуда я жив!

Но когда старик распростился с жизнью, братьям пришлось призадуматься.

— Как же теперь-то? — промолвил старший.

— Пойдем, что ли, на ниву! — заикнулся было младший.

— На какую ниву? — спросил средний.

— А на ту, куда отец ходил.

— Что мы там делать будем?

— Распашем ее, поседем пшеницу и будем ждать, когда поспеет.

— А потом? — нетерпеливо перебил его старший.

— Уберем урожай, навяжем снопов, обмолотим, отвезем зерно на

мельницу, смелем в муку, а из муки испечем вот такие караваи.

— Эх, ты, щенок, — покачал головой старший, — куда дело до караваев дойдет, мы с голодудохнем.

— Так как же мы хлеб себе добывать станем?

— Хитростью, братец. У нас у троих умные головы, а земля полна дураков. Этого обманем, того проведем, вот и набьем себе брюхо.

— А на другой день?

— На другой день других дураков найдем.

Покинули братья отцовский дом, бросили хлебородную ниву и пошли в путь-дорогу. Весь день шли и под вечер пришли в одно село. Постучались в первые же ворота. Вышел к ним хозяин.

— Что вам надо? — спросил он.

— Мы прохожие. Пустишь нас к себе переночевать? — спросил старший.

— Войдите! — пригласил хозяин. — Тесновато у меня, но место для вас найдется, только вот ужин мы не готовили, и уж не знаю, чем вас попотчевать.

— Мы не из привередливых, — говорит средний брат, — по одному печеному яйцу нам хватит.

Хозяйка в два счета испекла три яйца и дала гостям большую лепешку. Братья очистили яйца от скорлупы, проглотили их в один присест, облизнулись и стали озираться.

— В чем дело? — спросил хозяин.

— Уж очень ваши яйца мелкие! — сказал старший.

— Мелкие, потому что их несут куры, а не буйволы. А у вас как?

— А у наших кур яйца с арбуз. Впятером одно яйцо не съешь, — соврал средний.

— Какие же у вас куры? — подивилась хозяйка.

— С корову.

— Земля велика — всякие куры бывают! — покачал головой хозяин, поняв, с кем он имеет дело, и велел жене постелить гостям, которые, небось, устали с дороги.

— Это-то верно, что мы устали, — сказал средний брат, — только как же нам уснуть на голодный желудок? Вы бы хоть колбаски нам зажарили.

— Кабы была колбаса, мы и сами бы отведали! — вздохнула хозяйка и принялась стелить гостям постель.

— Странное дело, а у нас мужики плетни не прутьями, а колбасами заплетают, — соврал средний.

— Я раз проснулся утречком, — добавил младший брат, — выглянул в окошко, смотрю — собака жрет и рычит, полплетня за ночь сожрала. Хочешь верь — хочешь нет!

— Как не верить! — усмехнулся в ус хозяин. — Ну, а теперь — спокойной вам ночи!

На другое утро братья поднялись чуть свет и ушли, не попрощавшись с хозяевами.

— Здесь не разживешься! — сказали они, шагая напрямиком через поле. Шли они, шли, видят — человек на двух волах пашет.

— Давайте украдем у него одного вола! — предложил старший брат.

— Как? — спросил младший.

— Очень просто. Я спрячусь вон на том лугу и примусь кричать: „Чудеса! Чудеса!“ Пахарь услышит, оставит волов и пойдет поглядеть, что это за чудеса, а вы тем временем возьмете вола, что получше, и отведете вон в тот глубокий овраг!

Немного погодя над лугом раздался голос старшего брата:

— Чу-де-са-а! Чу-де-са-а!

Пахарь остановился, оставил волов и пошел на голос.

— Эй, брат, — спросил он, — чего это ты так раскричался? Чему дивишься?

— Тебе дивлюсь! — ответил старший брат.

— А что во мне чудного?

— То, что ты на одном воле пашешь!

— Как так на одном? Я на двух пашу.

— Не на двух, а на одном. С тех пор, как я начал кричать, ты на одном только и пашешь. Иди посмотри, коли не веришь!

Покамест старший брат и пахарь спорили, остальные братья увели одного вола.

Крестьянин пошел на свою пашню, а старший брат спустился в глубокий овраг. Там, в укромном месте, зарезали лжецы вола и содрали с него шкуру. Старший брат сказал младшему:

— Ты зажаришь вола, а мы с братом пойдем поищем хлеба и вина. Как вернемся, устроим славный пир.

И они отправились в город, который был близко. Средний брат зашел в пекарню, где пекли хлеб для солдат.

— Я, — говорит, — новый поставщик. Прежний прислал меня забрать хлеб.

— Бери! — ответил пекарь. — Вон тот полный мешок и есть для солдат. Забирай, а то он мне мешает.

Лжец ухватил мешок и понес в овраг. Тем временем старший брат купил на базаре глиняный кувшин, вмещающий десять литров вина, налил его до половины водой и зашел в первый попавшийся трактир.

— Найдется у тебя хорошее вино? — спросил он трактирщика.

— Вино у меня такое, что лучше не сыщешь, — ответил тот.

— Ну, раз так, налей мне пять литров.

Трактирщик нацедил ему вина и сказал:

— Давай деньги!

— Сейчас не могу, — начал хитрить старший брат, — на обратном пути заплачу. Или ты мне не доверяешь?

— Конечно, не доверяю! — воскликнул трактирщик. — Коли у тебя нет денег, верни мне вино!

— Ну, что ж, верну, — согласился лжец.

И отлил половину разведенного водой вина.

Затем отправился по другим трактирам. И там повторилось то же. Наливал он и отливал, пока вода в кувшине не превратилась в искристое вино, и тогда вернулся к братьям. Провели они в овраге целую неделю, пока не съели всего вола.

— Теперь я не прочь курятинкой полакомиться! — зевнул старший брат и обратился к младшему: — Ты, — говорит, — разведи огонь, средний брат пойдет за вином, а я отправлюсь на базар за курочками.

Младший брат начал собирать хворост, а средний и старший снова пошли в город. Средний завернул с кувшином в трактир, а старший на базар пошел. Оглянулся по сторонам, видит — какой-то крестьянин несет пять кур со связанными лапками.

— Эти куры как раз для архиерея! — сказал ему старший брат. — Иди за мной!

— Куда? — спросил крестьянин.

— В архиерейские хоромы. Там владыка заплатит за них.

— А ты кто будешь? — любопытствовал крестьянин.

— Я его служка, — ответил лжец.

Подошли они к архиерейским хоромам. У ворот лжец сказал крестьянину:

— Подожди тут, пока я скажу владыке, что ты принес кур.

И вошел в дом. Постучался к архиерею.

— Что тебе надобно? — высунул тот из-за двери свою бороду.

— Владыка, я привел к тебе на исповедь великого грешника. Дозволь ему войти.

— Пусть войдет! — ответил архиерей.

Лжец выскочил на улицу и подтолкнул крестьянина:

— Ступай к архиерею, он тебе денег отсчитает, а кур дай мне, я их зарежу, потому что к обеду девять попов приглашены.

Крестьянин отдал кур и направился в архиерейские покои. Постучался и вошел.

Архиерей смерил его строгим взглядом и спросил:

— Сколько их у тебя?

— Пяток, — ответил крестьянин.

— Всего-то? Не маловато?

— Верно, маловато, владыка, да зато все большие и стоят немало.
— Нехорошо совершать большие грехи, — начал поучать крестьянина архиерей, но тот перебил его:

— О каких грехах ты говоришь? Я к тебе насчет кур пришел.

Покуда они разобрались, в чем дело, лжеца с курами и след простыл. В глубоком овраге воры съели кур, выпили все вино, но этого показалось им мало, и младший брат вздохнул:

— Эх, кабы вечером забраться в какой-нибудь погреб, полный бочек с вином!

— А почему бы и нет? — ответил старший брат. — Как только стемнеет, пойдем в самый большой винный погреб. Скажем, что мы виноторговцы. Покуда мы с братом будем зубы заговаривать хозяину, ты залезешь в какую-нибудь пустую бочку и останешься в ней. Настанет ночь, хозяин уйдет спать, а ты отопрешь нам дверь изнутри, мы и войдем. Всю ночь пить будем!

Сказано — сделано. Ночью, когда все уснули крепким сном, младший брат, спрятавшийся в бочке, отпер дверь погреба, и остальные двое забралась туда. Каждый взял себе по ведру. Пили, пили, покамест не напились. Когда вино ударило им в голову, младший брат сказал заплетавшимся голосом:

— Давайте, братцы, споем!

И они заревели что есть мочи.

Хозяин погреба услышал шум, позвал на помощь соседей и схватил умников.

На другой день троих бездельников отвели со связанными руками куда следует.

БЕДНЯЦКАЯ ПРАВДА

Жил да был на свете один гончар — бедняк из бедняков. Мастерил он из глины горшки, миски и кувшины, обжигал их в своей гончарной печи и развозил по селам — менял свой товар на хлеб. У гончара была кляча, которую он впрягал в тележку, и сын Иванчо — умный и ловкий паренек. Когда Иванчо исполнилось семнадцать лет, отец нагрузил тележку посудой и сказал:

— Ты, сынок, уже стал взрослым. Пора тебе сменить меня. Садись-ка на тележку и отправляйся горшками торговать. Покуда вернешься, я наделаю других. Не буду тебя учить, что и как делать, у тебя свой ум есть. Одно лишь скажу: из дому поезжай верхней дорогой, а домой возвращайся нижней. Посреди поля есть перепутье. Как подъедешь к нему, встань лицом к месяцу и подыми левую руку. Месяц тебе укажет правильную дорогу. А если свернешь направо — попадешь в логово к разбойникам. Ну, счастливого пути!

Сел Иванчо в тележку и поехал. Семь дней ехал, на восьмой утром

приехал он в одно село, бедное-пребедное. Во всем селе только с десяток богачей и было: староста да его бородатые советники. Они по семь шкур драли с бедняков и жили припеваючи. Иванчо выпряг своего конька среди базарной площади и начал выкрикивать:

— Посуду продаю! По дешевке отдаю! За миску зерна — расписной кувшин.

Но никто к нему не шел, потому что крестьянские амбары давным-давно стояли порожние. Молодой гончар приуныл: „Переночую, — думает, — да и уберусь восвояси“.

Вечером на площадь явился сельский глашатай и начал бить в барабан:

— Продается, — кричит, — столетняя навозная куча за околицей. Кто купит, не прогадает!

— Дай-ка куплю, — решил Иванчо и пошел к старосте.

— Что дашь за столетний навоз? — спросил его тот.

— Дам, — ответил Иванчо, — тележку со всей посудой.

— Маловато, — покачал головой бородатый староста, — надобно прибавить!

— Дам в придачу лошаденку! — согласился гончар.

Староста обернулся к своим десяти советникам:

— Что вы скажете, продать ему ненужный нам навоз?

— Продавай, — отвечают советники, — ты себе возьмешь тележку и лошадь — будешь со старостихой разъезжать, а мы посуду разделим.

Ударили по рукам. Купил Иванчо столетнюю навозную кучу и стал думать, что с нею делать, наконец, решил раздать навоз беднякам. Вынул последний грош и заплатил глашатаю, чтобы тот еще раз ударил в барабан и объявил крестьянам, что, мол, у кого есть захудалая земля, пусть свезет туда сколько угодно навоза даром. Пригнали бедняки телеги и стали навоз разбирать. Целых двадцать дней свозили его на поля. Наконец явился последний бедняк и начал остатки сгребать. Вдруг лопата ударилась о камень. Бедняк отгреб землю и увидел большую гладкую плиту.

— Стой! — крикнул Иванчо. — Дай погляжу, что под ней! — и нагнулся.

Поднял плиту и остолбенел: там был спрятан серебряный кувшин, доверху наполненный золотыми монетами.

Бедняки рты разинули. Староста и его бородатые советники начали было хитрить:

— Мы, — говорят, — продали тебе навозную кучу, а кувшин под плитой наш.

Тут за парня народ заступился:

— Кувшин принадлежит парню! Никто не имеет права отнять его! закричали бедняки.

Поспорили-поспорили и, наконец, пришли к согласию: серебряный кувшин селу останется, а золотые монеты — Иванчо. Купил себе Иванчо вороного коня на диво, с хвостом до самой земли, высыпал золото в новые переметные сумы, перекинул их через седло, вскочил на коня и пустился в обратный путь. Поехал нижней дорогой, как отец наказывал.

Но не успел он еще отъехать подальше, а староста уже созвал своих бородатых советников и крикнул:

— Надо отобрать золото у парня!

Тут советники дернули себя за приклеенные бороды, и те упали.

— Возьмите ятаганы! — снова крикнул староста.

Девять темных рук протянулись к стене, сорвали девять тяжелых ятаганов и опоясались ими.

— Садитесь на лихих коней, догоните парня, отрубите ему голову, и чтоб до первых петухов сумы были здесь!

Разбойники побежали в конюшню, запертую на три замка, вскочили на лихих коней и исчезли в ночной тьме.

А Иванчо в то время, покачиваясь в седле, беззаботно насвистывал. Путь лежал через ровное поле. Вдруг, словно из-под земли, вырос перед ним конь, на коне молодец в высокой, как у Иванчо, шапке, черные очи, как уголья, горят, в левой руке топор держит.

— Ты куда, побратим?

— Домой возвращаюсь, — отвечает Иванчо.

— Возьмешь меня в товарищи?

— С радостью, — согласился Иванчо, — мне товарищ вот как нужен!

Поехали они рядышком и разговорились по-дружески.

Подъехали к перепутью.

— Куда теперь? — остановил своего коня Иванчо, но тут же вспомнил, что отец ему наказывал, и, обернувшись лицом к месяцу, поднял левую руку. — Туда, — сказал он, — там верная дорога.

И повернул коня налево, но спутник его свернул направо и крикнул повелительно:

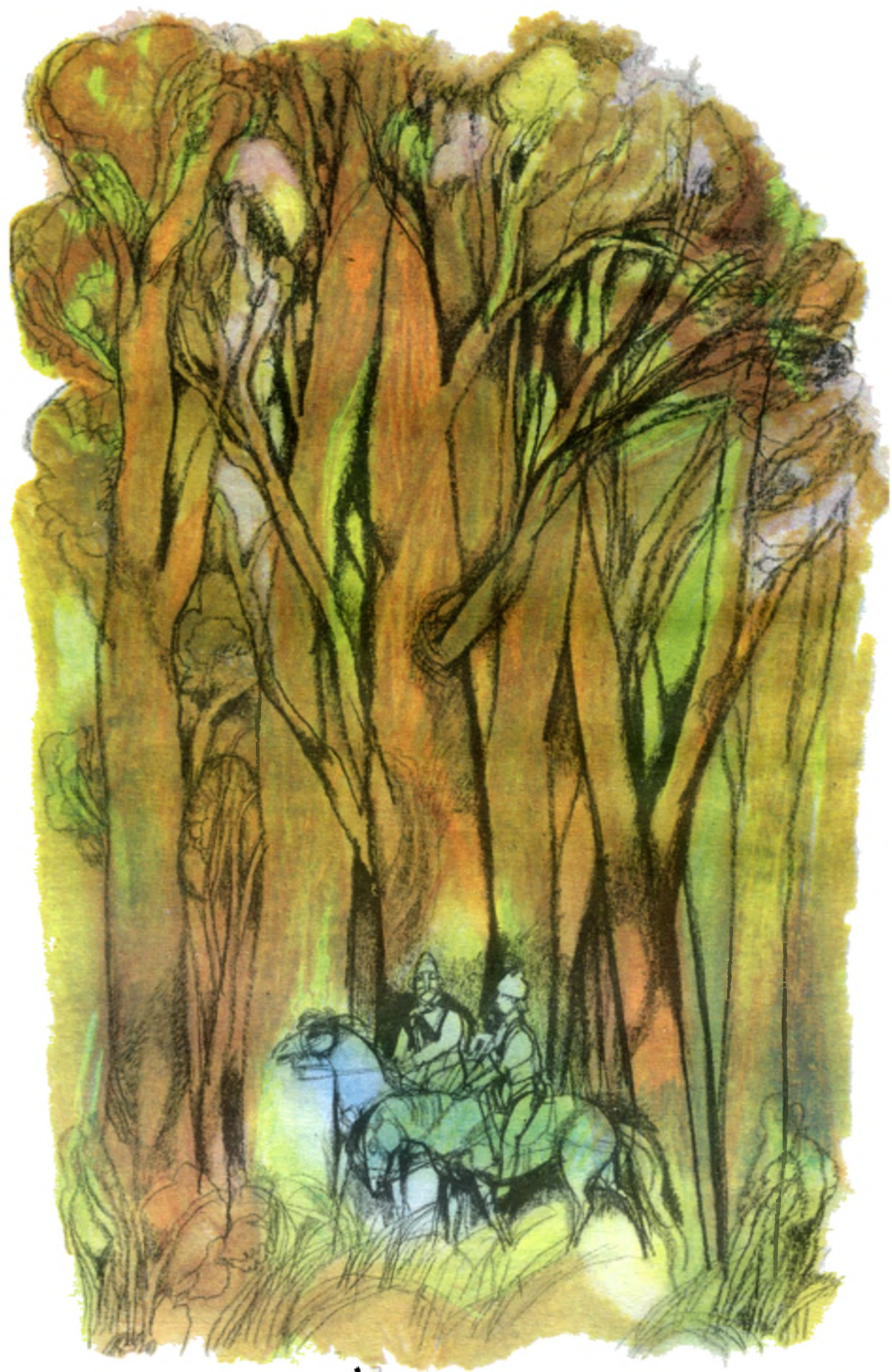
— Поезжай за мной!

— Подожди, побратим, — промолвил Иванчо, — это дорога нехорошая. Она приведет нас в разбойничье логово.

— Раз я с тобой — не бойся никаких разбойников! — повернулся к нему товарищ и взмахнул топором.

Послушался его Иванчо и поехал вслед за ним.

Пересекли поле. Въехали в лес. Всю ночь плутали. Уже стало светать, когда добрались до какого-то села. Едут по улицам — нигде ни души, и огоньки не светятся. Остановились у корчмы. Дверь открыта, а в корчме — никого. Сошли они с коней, зажгли свечку, уселись за стол и закусили тем, что с собой было. Нацедили из бочонка вина и выпили по кружке.

Иванчо стало ко сну клонить. Товарищ ему и говорит:

— Ты, побратим, ляг да усни, а я по селу пройдуся, погляжу, что тут есть.

Иванчо улегся возле очага, а молодец с топором вышел. Ходил он, ходил туда-сюда и все прислушивался. Всюду тишина, село будто вымерло. Легко ступал молодец, словно олень, и вдруг застыл на месте, дыхание затаил. Неподалеку, из-под земли, послышались ему приглушенные человеческие голоса. Подкрался он к месту, откуда они слышались, и увидел каменный колодец. „Он, должно, высох, раз внутри люди, — подумал про себя молодец. — Послушаю, о чем они говорят“.

— Сын гончара давным-давно вошел в корчму! — произнес один голос.

— Он устал с дороги, выпьет кружку вина и заснет, как убитый, — прошептал второй.

— Он, верно, уже заснул: целый час прошел с тех пор, как мы услышали топот его коня, — прорычал третий.

— Пора! Выходите по одному! — скомандовал первый.

Побратим Иванчо крепко сжал топор и подобрался к самому колодцу. Вот и первый разбойник! Как только его голова показалась над колодцем, молодец взмахнул топором и голова разбойника скатилась с плеч.

Появился второй разбойник.

И с ним случилось то же.

Третий.

Четвертый.

Пятый...

Наконец — туп! туп! туп! — поднялся последний.

— Где же вы? — вскричал он, но в тот же миг побратим гончара и с ним покончил.

Затем воротился в корчму и разбудил товарища.

— Вставай, — сказал он, — пора в дорогу, нам еще далеко ехать.

Вскочили они на коней. Весь день скакали. Через девять рек переправились, через восемь гор перевалили. В сумерках приехали в большой город. Остановились на лучшем постоялом дворе, хорошенько поужинали и улеглись спать. Городом этим правил очень злой царь. Услыхал он, что на постоялом дворе остановились неизвестные путники, и послал слуг узнать, что это за люди, откуда едут и что везут с собой. Слуги мигом все проведали. Как только узнал царь, что те везут с собой сумы, наполненные золотом, а оружия у них всего-навсего небольшой топорик, так и решил:

— Деньги у них отберем, а потом головы с плеч снимем! Позовите их завтра во дворец!

На другой день царский виночерпий явился на постоялый двор с

баклагой вина и пригласил путников к царю.

— А хорош ли у царя дворец? — спросил Иванчо посла.

— Дворец-то хорош, а уж лучше царской дочери во всем мире не сыскать.

— Ну, раз так, давай поглядим на нее! — вскочил с места Иванчов побратим.

Купили они красивые наряды, усы подкрутили и отправились во дворец. А деньги на постоялом дворе оставили под замком.

Царь встретил гостей честь-честью, хлопнул в ладоши и велел слугам поднести им отборных яств.

Когда они наелись досыта, он опять хлопнул в ладоши и крикнул:

— Принесите вина!

Тут, с золотой баклагой на серебряном подносе, явилась царская дочь, и все вокруг будто осветилось. Иванчо онемел от восхищения: такой красоты он в жизни не видывал. Девушка поднесла ему вино и с жалостью взглянула на него, однако ничего не сказала. Пока остальные пробовали царское вино, Иванчо глаз с нее не сводил.

— Нравится тебе моя дочь? — спросил его царь.

— Очень, — ответил Иванчо.

— Раз так, даю ее тебе в жены.

Иванчо взглянул на побратима.

— Бери, — шепнул тот, — раз я с тобой, ничего не бойся.

Сыграли пышную свадьбу. Покуда все веселились, царская дочь, которой сильно приглянулся Иванчо, тайком роняла слезы и утирала глаза шелковым платочком. Почему же красавица плакала? Плакала она потому, что знала: для молодца наступил последний час. Сорок раз злой царь выдавал ее замуж, а ночью, когда новобрачные уходили в опочивальню, подсылал змею, чтобы та, забравшись в опочивальню через замочную скважину, ужалила молодого между глаз. По другим своим женам — царским да боярским сыновьям — царица не очень-то убивалась, но из-за Иванчо сердце у нее так и разрывалось на части.

Свадьба кончилась. Певцы и музыканты умолкли. Иванчо с женой ушли в свою опочивальню. Заперли золоченую дверь. А побратим постелил свой кожух у порога и улегся, положив под голову топорик.

Минула полночь. Иванчо и царская дочь уснули, а побратим лежит, глядит в потолок и прислушивается. Когда невдалеке пропел первый петух, услышал он тихий шорох. Скосил глаза и увидел, что по лестнице змея ползет с поднятой кверху головой. Побратим закрыл глаза. Спящим прикинулся. Змея всползла ему на грудь, поднялась на хвосте и сунула голову в замочную скважину. Тут Иванчов побратим вскочил на ноги, схватил свой топор и с размаху рубанул змею.

Отрубленная голова змеи упала в опочивальню, а покрытое чешуей

тело соскользнуло к его ногам.

Покончив с этим делом, побратим постучался к новобрачным, разбудил их и тихонько вывел из дворца. Они поспешили на постоялый двор, взяли свои сумы, и, пока царь еще спал, поскакали на конях в лес. Царская дочь сидела в седле впереди Иванчо и дрожала, как лист, а он шептал ей на ухо:

— Ничего не бойся, пока с нами мой верный побратим!

Семь дней и ночей мчались они по лесам и горам. Наконец подъехали к тому селу, где жил старый гончар. У околицы побратим остановил коня и сказал:

— Пора нам расстаться. Отправляйтесь к себе домой и живите честно и справедливо. Прощайте!

— Что ты за человек и кто тебя послал оберегать меня в пути? — спросил Иванчо.

— Я народный воин. Моя мать послала меня оберегать тебя за то, что ты большое добро сделал беднякам.

— А как звать ее?

— Бедняцкая правда.

И, промолвив эти слова, побратим тут же исчез, словно сквозь землю провалился.

Подивился Иванчо и повез в отцовский дом царскую дочь.

КУЗНЕЦ — ЗОЛОТЫЕ РУКИ

Жил-был когда-то кузнец. Хорошо ему жилось со своей хозяйшкой и сынишкой. Его наковальня звенела с утра до вечера, а сынишка все подле него вертелся — ремеслу обучался. Даже выковал себе железный ножик. Но вскоре благополучию кузнеца пришел конец. Разболелась его хозяйка и умерла. Кузнец женился на другой, и та родила ему целую кучу ребят. Своих детей мачеха любила, пылинке не давала на них упасть, а на пасынка смотрела косо и каждый день говорила мужу:

— Прогони его из дому, покуда он еще не подрост. Вырастет, станет работать в кузне, у братьев хлеб отнимать: видишь, какие у него умелые руки. Все село ему будет заказывать мотыги, серпы да топоры, а братьям голодать придется.

— Куда же я его дену? — спрашивает кузнец.

— Отведи в дремучий лес, где водятся волки, привяжи к дереву и оставь там.

— Ну, уж этому не бывать! Я родного сына губить не буду! — отвечал кузнец.

Но мачеха не успокоилась. Позвала она тайком от мужа его подручного, напоила допьяна и уговорила отвести мальчика в лес.

— Я тебя щедро награжу, коли избавишь меня от него! — сказала она подручному.

Тот отвел мальчика в дремучий лес, вытащил из сумки веревку и начал ее разматывать. Мальчик смотрел на него, смотрел да и спрашивает:

— Зачем тебе, дяденька, эта веревка?

Подручный во всем ему признался.

— Коли ты добрый человек и есть в твоём сердце жалость, — сказал сынишка кузнеца, — пощади меня! Не привязывай, а оставь в лесу. А я уж о себе позабочусь.

Подручному стало стыдно, и он сделал так, как просил мальчик. Бросил веревку в овраг, а сиротку в лесу оставил. Огляделся мальчик вокруг и пошел через чащу. Весь день плутал, набрел на козью тропу и отправился по ней.

„Пойду туда, куда меня выведет тропинка“, — решил он.

Шел до самого вечера. И когда солнце закатилось, добрался до прекрасного дворца. „Авось приютят люди, которые здесь живут“, — подумал мальчик и вошел во двор. Но там не было ни души. Мальчик все обошел, во все уголки заглянул, наконец, увидел в глубине двора старого слепого змея, сидевшего в кресле перед большим котлом. Тут же лениво расхаживал хромой осел. Мальчик на цыпочках приблизился к котлу и заглянул в него. Он был пустой. Но вот послышался звон колокольчиков, и во двор вошло стадо коз без пастуха. Слепой змей поднялся, взял ведро, начал их доить, а молоко из ведра выливал в котел. Выдоил всех коз, нагнулся над котлом и стал с жадностью пить. Мальчик умирал с голода. Смотрел он, смотрел да тоже к котлу подошел и напился вволю. Но слепому змею ничего не сказал: боялся, как бы тот не съел его.

Прошло пять-шесть дней. Каждый вечер змей ложился спать, не напившись молока досыта, потому что мальчик вместе с ним пил молоко, и змею не хватало.

„Что за диво? — думал слепой змей. — Почему мне не хватает молока, уж не пьет ли его кто тайком от меня? Надо узнать, в чем тут дело“.

На другой день, когда змей стал пить молоко, он вдруг раскинул в стороны лапы и начал шарить вокруг котла. Мальчик и оглянуться не успел, как змей схватил его.

Испугался мальчик, заплакал и стал просить:

— Отпусти меня, дяденька змей! Очень прошу тебя! Если ты оста-

вишь меня в живых, я буду на тебя работать.

— Ладно, — сказал змей, — это мне на руку. Я состарился, а коз моих доить некому. Теперь ты будешь их доить, а молоко в котел сливать. Управишься с этим делом — будешь двор подметать. Молока пей сколько хочешь. Надо, чтобы ты хорошенько отъелся, и тогда я съем тебя. Давно мне не приходилось лакомиться человечинкой: с тех пор, как я ослеп. А в молодости я съел столько людей, сколько песчинок на дне морском.

— Как же ты сюда попал? — любопытствовал мальчик.

— Я последний змей. Потомок тех гигантских чудовищ, что давным-давно населяли землю. Я очень стар. Все зубы у меня выпали.

Змей отпустил мальчика, и тот стал работать на него. А так как был он трудолюбивым и проворным, то хозяин пустого дворца вскоре свыкся с ним и однажды сказал:

— Я доволен тобой. До сих пор ты подметал только двор. Теперь я тебе дам ключи, подмети весь дворец. Можешь открыть все покои, только в два, самые последние, не входи. Иначе плохо тебе придется!

Мальчик взял ключи, отпер все покои, вымел их хорошенько и, наконец, дошел до двух последних. Остановился перед дверьми и сказал себе: „Раз змей не позволяет мне отпирать их, значит, за ними какое-нибудь диво спрятано. Дай-ка посмотрю!“ И он открыл запретные двери.

Вошел в первый покой, видит — бьет там чудесный фонтан: вместо воды из него льется чистое золото. Мальчик подставил руки под струю, и они тотчас же пожелтели.

„Такой фонтан, — подумал он, — вижу я первый раз в жизни!“

Вошел во второй покой и видит — стоит в нем дивный вороной конь, а в углу горит глиняная плошка. Как только мальчик открыл дверь, конь поднял голову и проговорил человеческим голосом:

— Сейчас же садись на меня и умчимся, здесь мне нет жизни!

Но тут подал голос конский хвост, который был верным слугой змея:

— Попробуйте только, я вот скажу змею, и он вас съест.

— Отрежь мне хвост! — приказал конь.

Мальчик своим ножиком отрезал хвост, лишь один волосок от него остался, вскочил на коня, а тот сказал ему:

— Возьми глиняную плошку, в которой горит огонь, возьми мой гребень и помчимся через лес!

Мальчик сделал все, что сказал ему конь. Но только выехали они из дворца, неотрезанный волосок из конского хвоста как завопит, как запищит — на весь лес. Змей услышал шум и в тот же миг вскочил, взобрался на своего хромого осла и погнался за беглецами. Осел, хоть и был хромой, а мчался, как ветер. За лесом, где уже начиналось чистое поле, змей стал догонять вороного коня. Задрожал мальчик от страха.

— Брось гребень! — крикнул ему конь.

Обернулся мальчик, бросил гребень — и в тот же миг перед змеем и его ослом вырос целый лес гребней зубцами кверху. Покуда осел продирался сквозь этот зубчатый лес, он еще на одну ногу охромел. Запыхтел с досады, зафыркал и опять стал догонять вороного коня. Тогда конь сказал мальчику:

— Брось плошку с маслом!

Бросил мальчик плошку — и в тот же миг у него за спиной разлилось глубокое масляное озеро. Осел с размаху кинулся в озеро да и утонул. Утонул и слепой змей-людоед.

А мальчик вернулся назад, во дворец змея, поселился в нем, устроил там себе кузницу и принялся ковать серпы, мотыги, топоры, лемехи для сох. И так как золотой фонтан никогда не высыхал, он каждый день мыл себе руки золотой водой. Поэтому все стали его звать: „Кузнец — золотые руки“.

БЕСЦЕННЫЙ КАМУШЕК

А теперь послушайте сказку о бесценном камушке дедушки Павла.

У дедушки Павла были овцы, которых он пас в горах, была у него и хижина, крытая замшелыми плитами, были и котик с уточкой, которые жили вместе с ним. Одного не хватало дедушке Павлу — фонарика, который светил бы ему в ночное время.

Пригнал однажды дедушка Павел своих овец на поляну у опушки леса и вдруг слышит, что в лесу кто-то пищит — словно на тонкой дудочке выводит жалобную песню. Вошел он в чащу посмотреть, в чем дело, и увидел, что лес горит, а около обгорелого пня извивается в пламени пестрая ящерица.

Увидела ящерица дедушку Павла и взмолилась:

-- Дедушка, милый, помоги мне выбраться из огня!

— Рад бы тебе помочь, да не могу ступить в пламя — ноги у меня

обгорят, — отвечает дедушка Павел.

— Тогда протяни мне свою палку, я ухватюсь за нее, и ты меня вытащишь.

Дедушка Павел протянул ящерице свою длинную пастушью палку, вползла она на нее, выбралась из огня и, отдышавшись, говорит старику:

— Отплачу я тебе добром за добро. Ступай за мною следом.

— Что же ты мне дашь? — любопытствовал дедушка Павел.

— Отец мой — царь над всеми ящерицами, — ответила она. — Живет он в глубокой и темной пещере, но есть у него девять бесценных камушков, которые светят, как девять солнц. Я дам тебе один из них.

Ящерица юркнула вниз к реке, а старик пошел следом за ней. Шли они, шли и добрались до пещеры.

— Ты подожди здесь, а я отправлюсь за камушком! — сказала ящерица и исчезла.

Дедушка Павел опустил на траву и стал ждать. Уже смеркалось. А пока он дожидался ящерицу, стало совсем темно. Наконец, она вылезла из пещеры, держа во рту бесценный камушек, — и вся поляна сразу же осветилась. Птички на деревьях подумали, что уже взошло солнышко, расправили свои крылышки и запели.

— Возьми этот камушек и ступай домой, — сказала ящерица. — Знай, что он не только светит, но и может исполнять любые желания. Вот вернешься к себе, стукни им три раза об пол и скажи: „Хочу, чтобы исполнилось такое-то и такое-то мое желание“. Что пожелаешь, то и будет.

Взял дедушка Павел светящийся камушек и начал его разглядывать: он был величиной с орех. Потом положил его в котомку и побрел в свою хижину. Котик с уточкой дожидались его у порога, а овцы стояли перед овчарней. Старик загнал стадо и вошел в хижину. Как только вынул он камушек, так все вокруг и засияло. Котик и уточка даже глаза лапками заслонили, чтобы не ослепнуть. Поужинал дедушка Павел и сказал себе:

— Зачем мне еще чего-то желать, когда у меня все есть: и хижина, и овцы, и молоко, и сыр, а вот теперь и посветить есть чем?

Лег он спать, а сон не приходит. Начал старик думать: „А почему бы мне не попросить что-нибудь у камушка? Да вот что? Попрошу-ка я, пожалуй, мраморный дворец“.

Встал он с постели, взял камушек, стукнул им три раза об пол и сказал:

— Хочу, чтобы тут появился мраморный дворец!

Не успел он выговорить эти слова, как хижина исчезла и на ее месте появился чудесный дворец. Стены в нем были зеркальные, посуда из чистого золота, а столы и стулья из слоновой кости. Старик походил по дворцу, разглядел палаты, подивился и улегся спать на пуховую постель.

А камушек положил за пазуху.

Вдруг приходит к нему его сосед Иван.

— Чего-то мне не спится этой ночью, дедушка Павел. Вот пришел повидаться с тобой, побеседовать о том, о сем. Скажи мне, что это за чудо? Глазам своим не верю! Откуда это у тебя взялся такой дворец?

Усмехнулся дед Павел и говорит:

— Все дело в камушке.

— Что за камушек? Дай мне взглянуть на него!

Дедушка Павел вынул из-за пазухи камушек и протянул его Ивану. Тот поглядел на него и спрашивает:

— Как же это такой маленький камушек мог построить мраморный дворец?

Дедушка Павел рассказал ему, как появился дворец, и положил камушек обратно за пазуху. Так сидели они и разговаривали, пока их зевота не разобрала.

— Оставайся у меня ночевать, — говорит дедушка Павел соседу.

— Куда же мне лечь?

— Ложись рядом со мной на пуховую перину.

Лег Иван рядом со стариком, но не заснул, а стал выжидать, когда хозяин захрапит. Как только дедушка Павел захрапел, Иван сунул руку к нему за пазуху, вытащил камушек, ударил им три раза об пол и проговорил:

— Явитесь сюда четыре великана, возьмите этот дворец и перенесите его на тот берег Дуная!

Не успел он проговорить эти слова, как появились четыре великана, подняли дворец и понесли. Иван пошел следом за ними, а камушек из рук не выпускает.

Проснулся утром дедушка Павел, оглянулся вокруг и что же видит: дворца и след простыл, пропал и бесценный камушек. Осталась у него одна ветхая хижина да котик с уточкой. Заплакал старик горькими слезами. Овцы заблеяли — жалко им стало старика. Загрустил котик, опечалилась и уточка.

— Давай отправимся на тот берег Дуная за дедушкиным камушком, — предложил котик.

— Пойдем, — согласилась уточка.

Отправились они. Перешли Дунайскую равнину и пришли к широкому тихому Дунаю.

— Я могу плавать, — говорит уточка, — а ты не можешь. Садись ко мне на спину, я перенесу тебя на тот берег.

Котик влез на спину к уточке, и она поплыла. Переплыли они Дунай и пошли ко дворцу. Забрались в сад, а оттуда через открытое окно — прямо к Ивану в опочивальню. Тот спал на пуховой перине, приоткрыв

рот, а во рту у него что-то блестело.

— Он спрятал камушек под язык! — догадался котик.

— Как же нам его достать? — спросила уточка.

— А вот так. Я опущу хвостик в баночку с красным перцем и пощекочу им Ивана в носу. Иван чихнет, и камушек выпадет у него изо рта.

Сказано — сделано. Опустил котик хвост в баночку с перцем и пощекотал у Ивана в носу. Иван чихнул, и камушек выпал у него изо рта. Котик схватил камушек и бросился бежать, уточка за ним. Бежали они, бежали и прибежали к Дунаю. Котик опять взобрался на спину к уточке, и та поплыла. На середине Дуная уточка говорит:

— Что это за чудесный камушек, дай мне, я хочу на него взглянуть!

— Сейчас нельзя — он может в воду упасть. Когда выйдем на берег, я тебе его покажу.

— Дай мне его сейчас же или я тебя сброшу в воду! — закричала утка.

Котик испугался и протянул утке камушек.

Уточка хотела схватить его, но он выскользнул у нее из клюва, упал в воду и пошел ко дну.

Вылезли приятели на берег и заплакали.

Мимо проходил рыбак с неводом, увидел их и спросил:

— О чем вы плачете, котик и уточка?

— Есть хотим, — промяукал котик.

Рыбак закинул невод в реку, поймал большую рыбу и дал ее котику с уточкой.

— Вот возьмите, — только не плачьте!

Котик и уточка утащили рыбу в кусты, начали ее есть и нашли у нее в животе — что бы вы думали? — чудесный камушек. Видно, когда уточка упустила камушек, та рыба и проглотила его.

Приятели очень обрадовались и побежали через равнину к своему дедушке Павлу. А тот в это время сидел у хижины, пригорюнившись. Котик и уточка подкатили камушек к ногам хозяина. Как увидел дедушка Павел камушек, глаза у него заблестели. Схватил его, ударил им три раза оземь и крикнул:

— Подать сюда Ивана, завязанным в мешке!

Только произнес он эти слова, как перед ним появился мешок, а в мешке — Иван. Схватил дедушка Павел дубинку и давай тузить вора. Отделал его как полагается, а потом прогнал прочь.

После этого старик убрал камушек в свой кошель.

— Не надо мне никакого дворца, а то Иван опять украдет его у меня. Знаю я повадки моего соседа, — сказал он и погнал своих овец.

А камушек каждый вечер клал на полку, чтобы в хижине было светло.

ВОЛШЕБНИК И ЕГО ПТИЦЫ

Выходит в поле старый волшебник и начинает махать руками. Всякий раз, как взмахнет он ими, из рукавов его вылетают три птицы. У каждой птицы есть свое имя. Когда вылетают первые три птицы, выпадает снег и заносит нивы, села и города. Когда вылетают вторые три птицы, снег тает, на поля выходят пахари и расцветают яблони. Когда эти птицы исчезают вдали, из рукавов волшебника вылетают три новые. Тогда наливаются яблоки и хлебные колосья. Наконец волшебник выпускает трех последних птиц. Начинает моросить дождик, а листья опадают.

Эти птицы не похожи на других птиц, они особенные. У каждой птицы по четыре крыла, а в каждом крыле по семи перьев, — наполовину белых, наполовину черных. И у каждого пера есть свое название.

Угадайте имена волшебника, птиц, крыльев и перьев.

ТРИ БРАТА
И
ЗОЛОТОЕ
ЯБЛОКО

ОТЕЦ РАССКАЗЫВАЕТ ПРО ЯЩЕРЕНКА

В одном селе стоял старый дом, выстроенный из дерева и камня. Крыша у него походила на ветхую порывшую шляпу с обвисшими полями. Из-под нее глядели во двор два небольших окошка, забранных деревянными решетками. На каменной трубе аист устроил себе гнездо. Над гнездом шумел ветвями столетний развесистый орех. Протяжно и жалобно поскрипывала тяжелая дубовая дверь, обитая железом. Перед дверью важно расхаживал петух и поклевывал рассыпанный овес.

Как-то раз петух замахал крыльями, вытянул шею, закукарекал — и сказка началась.

Прежде всего распахнулась дубовая дверь. Озаренные лучами восходящего солнца, блеснули расписные миски и медные котлы, развешанные

на крюках под полкой. Кошка, дремавшая возле очага, встала, потянулась, выгнув спину, и медленно переступила через порог. Крадучись, отправилась в сад охотиться за воробьями. Лавка в просторной горнице была покрыта пестроцветным домотканым ковром. На лавке сидел седой старик. На стене, у него над головой, висели деревянный лук и колчан со стрелами.

Перед стариком стояли трое молодцев, обнажив головы. Шапки они держали в руках.

Это были сыновья старика: старший, средний и младший. Первые двое, празднично одетые, стояли, гордо выпятив грудь. На шапках у них трепетали павлиньи перья. К бедрам спускались кисти алых шелковых кушаков. Сапоги доходили до колен. Младший прятался за их спинами. Он был одет кое-как, лыком подпоясан, нечесан, бос. Клок волос свисал у него на лоб, но глаза светились, как два уголька.

Седой старик окинул взглядом своих сыновей с головы до ног и молвил:

— Позвал я вас, дети мои, чтобы сказать вам, что этой ночью прилетит Дракон!

При этих словах старший и средний задрожали в испуге. Младший же стиснул зубы и шагнул вперед, поближе к отцу.

— Что ты говоришь, батюшка? Какой Дракон? — спросил старший.

— Сейчас я вам все расскажу. Но сперва закройте дверь. И засов задвиньте. Никто не должен знать, о чем я вам расскажу. Только вы.

Тогда старший брат повернулся к среднему и сказал:

— Запри дверь!

А средний толкнул младшего:

— Иди, запри дверь!

Младший покорно выполнил то, что ему сказали. Закрыв дверь и задвинул засов. Затем вернулся и опустился на пол у ног отца. Старший и средний сели на лавку, по обе стороны от отца.

Старик устремил взгляд на залитое солнцем окно, будто хотел на помощь память призвать, и начал свой рассказ:

— Много, много лет тому назад, когда я был маленьким, ваш дед послал меня пасти козу в Камендольский лес. Там, как вы знаете, есть сухой каменистый овраг. В те годы на его склонах росли вековые деревья с потрескавшейся корой. Их корневища были покрыты золотисто-зеленым мохом. Моя козочка взобралась на камень и стала тянуться к нижним веткам. Бородка ее моталась из стороны в сторону. Колокольчик позвякивал. Я уселся на нагретый солнцем пенек и наигрывал себе на дудке. На плече у меня висела торба, наполненная дикими грушами, а у пояса — выдолбленная тыква для воды.

На дне оврага лежал островерхий замшелый камень. Гляжу, на него

вполз ящеренок, этакий зелененький, с рубиновыми глазками, а спинка вся будто самоцветами усыпана. Скосил на меня глаза, глядит и слушает, развесив уши, как я на дудочке наигрываю.

Вдруг по всему лесу пошел гул, словно загрохотали возы с пустыми бочками.

Поглядел я на небо — там неслись страшные грозовые тучи. Их рассекала молния. Над лесом гром загрохотал. Перепуганные птицы с криком вылетели из гнезд и бросились куда глаза глядят. Крупные дождевые капли зашумели в листве, застучали по нагретым камням, намочили ящеренка. А тому хоть бы что: помахивает хвостиком и прохладе радуется.

Я перестал играть, подбежал к козе, схватил ее за ошейник и потащил к выжженному молнией сухому дубу. Спрятались мы с нею в дупле. У меня только нос торчал наружу.

Полил дождь как из ведра, а ящеренок по-прежнему сидел на камне. Словно гвоздями его прибили.

Немного погода гром поутих. Ветер быстро смел тучи своей невидимой метлой. Качавшиеся ветви успокоились. Дождь внезапно перестал. Солнце показалось на очистившемся небе, и весь лес заблестел в алмазах. Птички с мокрыми хвостами уселись на ветках и весело защибетали.

Я вытянул козочку из дупла и пустил ее побегать по мокрой траве.

Но тут суходол вдруг ожил. Сверху стеной хлынул мутный поток. Он волочил камни, выворачивал деревья, размывал рыхлые берега. В один миг залило овраг.

Только островерхий камень с ящеренком торчал над клокочущей водой. Бедняга, вцепившись в камень, вертел по сторонам головкой, размахивал хвостиком, испуганно моргал и пищал тоненьким голоском: „Ой-ой-ой! Кто же мне поможет?“

Я услышал его крик о помощи, повернулся — и сердце мое сжалось при виде гибнущего малыша. А ящеренок пищал все громче: „Братец! Братец!“ — „Не бойся, иду!“ — ответил я и, схватив с земли свой пастуший посох, дрожащими руками протянул его над мутной водой. Но он был слишком короток и не доставал до камня. Что делать? Я стал беспомощно озираться.

А ящеренок, поднявшись на задние лапки, махал передними и душераздирающе пищал: „Не видать больше батюшке своего сыночка! Погибает наследник ящериного престола!“ — „Видно, рехнулся с перепугу!“ — подумал я, быстро разделся и бесстрашно бросился в воду. Поток подхватил меня и понес было вниз, но я напряг все силы, начал грести обеими руками, словно веслами, и, наконец, добрался до камня. Подплыв, я махнул рукой и крикнул ящеренку: „Прыгай мне на голову!“

Ящеренок изловчился, прыгнул мне на голову и вцепился коготками

в мои волосы. Я повернул было назад, но поток осилил меня и потащил вниз. Утопить меня хотел. Начал меня бросать то к берегу, то к быстрине. Затащил в опасный водоворот. Задыхаясь и изнемогая, я все же вцепился в какой-то корень, напруг последние силы и выбрался на берег. Так и повалился на траву. Чуть дышал.

Ящеренок вполз мне на грудь и стал прислушиваться — бьется ли еще сердце.

Пришел я в себя, поднялся, протер глаза и отправился за своей одеждой. Согревшись, я нагнулся, чтобы поднять с земли ящеренка. Ласково погладил его, а он и говорит: „Пойдем, братец, со мной!“ — „Куда?“ — спрашиваю. — „В Большую пещеру, к царю Ящеру. Это мой отец. Он владеет несметными богатствами, всеми подземными сокровищами распоряжается. Он очень добрый. Когда узнает, что ты сделал для моего спасения, то наберет полные горсти самоцветов и захочет высыпать их в твою сумку, но ты не бери камней!“ — „А что же мне попросить?“ — спросил я. — „Попроси деревце с белой корой, что растет в глиняном горшке!“

В БОЛЬШОЙ ПЕЩЕРЕ

Долго пришлось нам идти по каменной козьей тропе, пока мы добрались до Большой пещеры. Ящеренок сидел у меня на плече, глядел вперед и покрикивал мне в ухо: „Еще немножко! Еще немножко!“

Наконец перед моими глазами блеснула дверь, сделанная из слюдяных плиток и вся усеянная звездочками, похожими на глазки ящерека.

„Пришли!“ — радостно воскликнул ящеренок и соскочил на землю.

Он проворно подполз к двери, вцепился в нее коготками и стал карабкаться по звездочкам вверх, к замочной скважине. Заглянул в нее и сказал: „Ку-ку!“

Дверь в пещеру скрипнула и распахнулась. Две окаменевшие собаки с глазами, как плоски, тотчас же ожили и преградили нам дорогу, но ящеренок крикнул им: „На место!“ — и они, поджав хвосты, посторонились, встали по местам и снова окаменели.

Мы вошли внутрь.

А в пещере той сказочные богатства были. Всюду блестели самоцветы величиной с орех, а попадались и не меньше куриного яйца.

На троне, высеченном рукой искусного мастера, восседал царь Ящер. На голове у него была корона, на короне в три ряда горели драгоценные камни: ряд темно-красных, словно малина, рубинов, ряд желтовато-зеленых, словно морская вода, изумрудов и ряд огненных, словно глаза попугаев, топазов. Царь Ящер был величиной с большого кота. В руках он держал жезл из прозрачного горного хрусталя. На шее у него сверкало гранатовое ожерелье. На плечах — мантия, сотканная из тонких золотых нитей.

Увидя своего ящеренка, он поднялся на задние лапы, оперся на жезл и задрожал от радости.

„Где ты пропадало, мое чадушко?!“ — спросил он ящеренка.

А тот подпрыгнул, словно рыбка, и по жезлу вскарабкался к отцу на плечо. Начал что-то шептать ему на ухо. Старый Ящер вытаращил глаза, всплеснул лапками и схватился за голову. А ящеренок снова приблизил голову к его уху и продолжил свой рассказ о том, каким опасностям я подвергал свою жизнь для того, чтобы спасти его. Когда он умолк, царь, потрясенный услышанным, повернулся ко мне, с благодарностью взглянул на меня и, не говоря ни слова, сделал знак следовать за ним.

Царь Ящер шествовал впереди меня под сводами пещеры. Его хрустальный жезл постукивал по стеклянным плитам пола, хвост волочился, словно зеленая змея.

Робко шел я следом за ним и с изумлением оглядывался по сторонам. Перед глазами у меня огнями сияли самоцветы. Такой пещеры я и во сне не видывал. И вот мы подошли к одному месту, где драгоценные камни переливались словно разворошенные угли в печи. Царь Ящер повернулся ко мне и промолвил: „Выбирай! Все, что тебе нравится, будет твоим!“

Я опустил голову и тихо сказал: „Не надобно мне каменьев драгоценных“. — „Чего же ты хочешь?“ — нахмурился царь. — „Дай мне деревце с белой корой, что растет в глиняном горшке!“

Царь Ящер вздрогнул, посмотрел на меня так, словно хотел молвить: „Видать, ты, парень, стреляный воробей!“ — и быстро зашагал вперед. Его золотая мантия развевалась и шелестела. Зашел он в самую глубь пещеры, нагнулся и передними лапами поднял с пола простой горшок, в котором был посажен молодой побег с только что распустившимися листочками. Затем приблизился ко мне так осторожно, словно держал драгоценную чашу с волшебным напитком, отдал мне горшок, заплакал и начал слезы утирать. Видно, очень жаль ему было расстаться с деревцем: „Сын человеческий, — молвил он, — возьми это волшебное деревце. Посади его в скрытом месте, куда не ступала ничья нога. После того, как

листва с деревьев опадет десять раз, оно каждый год начнет приносить по золотому плоду. Те плоды ты съешь, а семена разбросай по садам, чтобы по всей земле выросли такие деревья. Люди никогда не забудут твоего добра“.

Отнес я горшок тот в Тилилейские леса и посадил деревце там, где не ступала человеческая нога. Десять раз опадала листва с деревьев, и на ее месте появлялась новая. На одиннадцатом году, в ту ночь, когда лань впервые выводит своего детеныша на водопой, на самой верхней веточке моего деревца распустился розовый цветок. К полуночи лепестки опали, вырос плод величиной с кулак и начал желтеть. И вот, как только яблоко соком налилось — с Нижней земли с громом и треском примчался Дракон, сорвал яблоко и унес его. На следующий год случилось то же. Целых пятьдесят лет Дракон уносит мои яблоки. Ни одного мне не удалось сорвать. Вчера вечером, проходя лесом, я увидел, как лань с детенышем пробегала за деревьями, и догадался, что сегодня в полночь Дракон явится в пятьдесят первый раз. Один из вас должен его убить!

Услышав отцовские слова, старший и средний в перепуге вскочили.

Средний сказал:

— Ясно, это должен сделать старший. Это его право, потому что он первородный сын.

Старший вздрогнул и ответил:

— Уступаю тебе свое право!

Тогда младший поднялся и встал перед отцом:

— Я пойду, батюшка!

Старший с насмешкой глянул на него, схватил его за рукав и потянул назад.

— Куда тебе, — воскликнул он с насмешкою. — У тебя при виде Дракона со страху жилки задрожат, ноги подкосятся! Зелен ты еще.

Отец поднял руку, чтобы помирить их, и кротко сказал:

— Не ссорьтесь, дети, а тяните жребий!

И, взяв из угла костыль, он протянул его старшему:

— Держи!

Старший взялся за нижний конец костыля. Выше ухватился средний, а еще выше младший. Так они перехватывались три раза, и наконец верх костыля остался в руке старшего.

Младший воскликнул с сожалением:

— Повезло тебе, брат!

Старший надулся, как индюк, и важно произнес:

— Так и быть уж, поеду! Покажу вам, каков я! Дай мне, батюшка оружие!

И, повернувшись к младшему, толкнул его к двери:

— Чего ты уставился на меня, как баран на новые ворота! Беги в конюшню, седлай коня!

КАК СТАРШИЙ БРАТ ВСТРЕТИЛСЯ С ДРАКОНОМ

До зубов вооружился старший брат, сел на коня и выехал из ворот. Через плечо у него был перекинут огромный лук. Из колчана торчал десяток оперенных стрел. Из-за пояса виднелись костяные рукояти двух кинжалов и черногорского пистолета. У одного бедра висела в ножнах кривая сабля и раскачивалась усеянная шипами палица, у другого моталась острая, как бритва, секира. Конь с трудом тащил на себе всадника и его вооружение.

Близилась полночь. Все спало глубоким сном. Все глаза были закрыты, все уста замолкли, все руки ослабли. Увидел месяц старшего брата и притворился испуганным:

- Ай-ай-ай, — прошептал он, — какой же ты страшный!
- Я не страшный, а бесстрашный! — строго ответил старший брат.

— А могу ли я спросить тебя, куда ты собрался? — спросил светлый небесный странник.

Старший брат ответил, не глядя на него:

— Не твое дело!

— Раз так, не буду тебе светить! — рассердился месяц и спрятался за тучку.

Стало темно. Где-то далеко захохотал филин. Пугливо оглянулся всадник и пустился вскачь. Застучал конь копытами по камням, направляясь к дремучим лесам Тилилейским. Въехав в лес, старший брат натянул поводья и остановил коня. Долго смотрел из-за ладони. Ничего не было видно. Только светлячки перелетали с куста на куст да раздавался крик филина. Поскакал всадник дальше. Конь был весь в мыле, когда добрались они до места. Любопытный месяц тайком выглянул из-за туч и на миг осветил старую яблоню. На самой верхней ветке дерева поблескивало, раскачиваясь, золотое яблоко величиной с кулак. Слева от дерева, словно на страже, стоял высокий темный стог сена.

Всадник соскочил на землю. Схватил запыхавшегося коня под уздцы и подвел к стогу. Оставил его пастись, а сам опустился на колени. Секиру положил рядом с собой. Вытащил из-за пояса нож и взял его в зубы. И глаза вытаращил, чтобы казаться пострашнее. Потом вспомнил про лук, вынул из колчана стрелу и, натянув тетиву, снова во тьму уставился.

Месяц прыснул в кулак, выкатился из-за тучки и засветил во всю мочь. Все вокруг стало видно, как на ладони. Вдруг, откуда ни возьмись, появилось огородное пугало и замахало руками на вооруженного сторожа.

— Дракон! — сказал сам себе старший брат и застучал зубами. Нож выпал у него изо рта, и он крикнул испуганным голосом: — Сдавайся, или я пушу стрелу в твою башку!

Прыгнуло вперед огородное пугало на своей единственной ноге и завопило:

— Это ты-то? Да ты знаешь, кого пугаешь?

Старший брат залопотал:

— Я...я...и не думаю пугать тебя.

— Тогда чего тебе здесь надобно?

— Я... за яблоком!

— За яблоком? Я вот тебе покажу яблоко, чтобы ты меня запомнил!

И, подпрыгнув еще разок, пугало угрожающе раскинуло руки. Старший брат отшвырнул лук, вскочил и пустился бежать. Он бежал, а прицепленная к поясу палица колотила его сзади.

— Ой-ой-ой! — кричал беглец и мчался без оглядки.

— Держи вора! Держи! — вопило, рассердившись, пугало и потешно скакало вслед за ним.

Но вот старший брат споткнулся о ножны своей кривой сабли и, дрыгая ногами, повалился на землю. Пугало настигло его. Нагнувшись, оно обеими руками ухватилось за рукоять его сабли, вытащило ее из ножен и стало колотить старшего брата:

Вот так! На тебе яблоко! Хочешь еще?

А старший брат орал во все горло:

— Не нужно мне яблоко! Только в живых оставь!

Тут с громом и треском примчался Дракон. Из глаз его струились потоки света, и на яблоне стал виден каждый листочек.

Созревший плод блестел на верхушке дерева, словно молодой румяный месяц. Одна из голов чудовища разинула пасть, не торопясь высунула длинный огненный язык, схватила им яблоко и засунула его себе в глотку. Конь, щипавший траву возле стога, заметался и тревожно заржал.

Дракон встрепенулся и, уставив на коня свой неподвижный взгляд, приковал его к месту. Затем кинулся к стогу и проглотил коня вместе с седлом, только облизнулся.

— Ах, и вкусно же конское мясо! — сказал он. — Теперь понимаю, почему волки так его любят.

Потом повернулся, раскинул свои страшные крылья и понесся над верхушками деревьев. За ним вился длинный огненный след.

Немного погодя на поляну вернулось пугало и пробормотало:

— А все-таки я прогнал его! Меня старик поставил золотое яблоко стеречь, и я его устерегу!

И встало на свое место. А месяц, который видел все, что случилось, задумчиво покачал головой.

СРЕДНИЙ БРАТ ОТПРАВЛЯЕТСЯ СТЕРЕЧЬ ЯБЛОКО

На следующий год пришел черед среднего брата стеречь золотое яблоко. Был он высокий и тучный. Пояс стягивал ему живот, словно обруч бочку. Глаза то и дело закрывались в дремоте. Рот сводило зевотой.

Отец сказал ему:

— Сынок, в прошлом году твоему брату не удалось уберечь яблоко. Он лишился и коня, на котором отправился биться с Драконом. Теперь вся моя надежда на тебя. Возьми на конюшне второго коня и поезжай в Тилилейские леса!

Средний брат почесал затылок и, толкнув локтем младшего, промолвил:

— Иди, приведи мне коня!

С неохотой повесил он через плечо лук, закинул за спину колчан, взял было палицу, но, увидев, как она тяжела, снова поставил на место. Спросил отца:

— Батюшка, где я этой ночью спать буду?

Отец печально ответил:

— Этой ночью тебе будет не до сна, сынок!

Младший брат подвел коня к порогу. Средний запыхтел и попробовал было перенести ногу через седло, но не смог. Тогда младший обхватил его обеими руками, поднатужился и усадил на коня. Потом подал ему шапку, забежал вперед и открыл ворота.

Всадник медленно тронулся в путь. Доехав до Тилилейских лесов, он, чтобы отогнать сон, начал напевать:

Едет витязь зеленой дубравой,
с лютым Змеем собрался он биться...

Вот и потайная полянка, где росла яблоня и стоял стог сена. Всадник еле-еле дотащился до нее, протяжно зевнул и потянулся:

— Аааах!

Вдруг, откуда ни возьмись, выскочило к нему пугало и закричало:

— Сто-о-ой!

А средний брат в ответ:

— Разве ты не видишь, что я и без того на месте стою?

Тут пугало строго спросило:

— Ты зачем сюда пожаловал?

— Искать ветра в поле.

— А тебе не страшно разъезжать ночью одному по этому дремучему лесу?

— Нет! Не страшно, — покачал головой всадник, — только страшно спать хочется. А ты кто?

— Я Петко Грозный! — ответило пугало.

— Что же ты здесь делаешь?

— Яблоню стерегу.

— Кто ж тебя поставил сюда?

— Дед Вербан, хозяин яблони.

— Стало быть, мой отец, — кивнул головой средний брат. — Ну вот и хорошо! Слушай, Петко дорогой, сегодня ночью явится сюда Дракон с Нижней земли. Я должен прикончить его, но уж очень мне спать хочется! Сделай милость, убей его за меня! Вот тебе лук, вот и стрелы!

Средний брат снял с себя лук, вытащил из колчана стрелы и подал их пугалу.

Протянул Петко руку, чтобы взять лук, но пальцев-то у него не было, он и уронил его на землю.

Средний брат слез с коня, поднял лук, повесил его на руку Петко, а колчан со стрелами на шею ему надел и затем сказал:

— Из того вон стога надергаю я себе мягкого сенца, постелю и завалюсь спать. Как только месяц защекочет меня своим золотым пером

— я усну, а уж ты тут расправляйся с Драконом! Не жалея его! Как покончишь с ним, принеси мне золотое яблоко, да не забудь присмотреть за конем. Ох, как же мне спать хочется!

Тут он сладко зевнул. Потом подошел к стогу, надергал сена, растелил его, улегся и стал смотреть на месяц, лукаво улыбавшийся ему из-за тучки. Наконец закрыл глаза и громко захрапел.

А Петко Грозный неподвижно стоял на страже и только глазами ворочал.

Наступила полночь. Под яблоней, словно тень, бесшумно пробежала лань со своим детенышем. Свернула в кусты и отправилась к озеру.

Вдруг в лесу застучало, загремело. Месяц спустился пониже, тень от стога стала еще длиннее и покрыла спящего среднего брата. Над лесом показались шесть огней. Они разгорались все ярче и ярче. То были глаза трехглавого Дракона.

Повернулся Петко к чудовищу и дрожащей рукой попытался натянуть тетиву, но ведь пальцев-то у него не было — и лук упал на землю. Тут он очень испугался, хотел было закричать, но и „ох“ не смог выговорить — язык не слушался.

Дракон налетел, зашипел, протянул среднюю шею, подхватил огненным языком яблоко с верхушки дерева, оглянулся вокруг и увидел коня.

— И на этот раз есть чем полакомиться! — обрадовался он. Разинул пасть — ам! — и проглотил коня. Только шею вытянул еще больше, чтобы тот не застрял в глотке.

Затем усталился на дрожащее, как осиновый лист, пугало, обнюхал его и прошипел недовольно:

— Хоть ты и похож на человека, а неживой!

Взлетел Дракон над лесом. Затрещали ветви, пригнулась к земле трава. Оставило за собою чудовище извилистый огненный след.

МЛАДШИЙ БРАТ БЕРЕТ ЛУК

Прошел еще один год. Младший сын сказал отцу:

— Настал мой черед, батюшка. Сегодня ночью я буду стеречь яблоню!

Горько усмехнулся дед Вербан:

— Твои старшие братья не смогли устеречь, так куда тебе, желторотому! Но уж раз решил — попробуй!

Дал ему старик лук со стрелами и сказал:

— Не осталось для тебя коня. Всех сожрал Дракон. Один лишь осел стоит в конюшне. Коли тебе не стыдно ехать на осле — возьми его.

— Чего же мне стыдиться? — усмехнулся младший брат и пошел в конюшню за ослом.

Схватил он его за повод и потянул из стойла, но осел уперся. Он его вперед тянет, а тот назад рвется. Еле-еле вытащил младший осла во двор и вскочил на него. Завидя его верхом на осле, старшие братья стали смеяться над ним. Один говорит:

— Напилась коза вина да и пошла в лес волка забодать!

А другой спрашивает:

— Куда ты собрался на этом крылатом змее?

Младший брат ничего им не ответил, только ударил осла пятками. Заревел тот во всю мочь, вскинулся, да вместо того, чтобы из ворот выбежать, перелетел через высокий забор и помчался вихрем. Только пыль столбом поднялась. А глядевший с высоты месяц даже рот разинул: никогда еще не доводилось ему видеть такого лихого наездника и такого ретивого осла.

Примчался осел в лес. Деревья перед ним расступились. Птенцы в гнездах проснулись, высунули головки из-под материнских крыльев и стали тарашить глаза, но как увидели мчащегося осла, забились обратно и защебетали:

— Ох, матушки, страшно-то как!

Только Петко Грозный храбро преградил дорогу ослу и закричал:

— Сто-о-ой!

Закрыл младший брат глаза руками, будто и впрямь испугался, и говорит:

— Сделай милость, Петко, не пугай меня, а то у меня со страха сердце разорвется. Позволь мне только убить Дракона!

Замахало руками пугало:

— Так уж и быть, убивай! Только куда тебе одному? Без моей помощи — твоя песенка спета!

— А чем же ты мне поможешь, храбрый мой Петко? — спросил младший.

— Да вот чем: только Дракон покажется, я зареву, словно медведь, он и испугается, а уж тут ты руби ему голову.

— Ловко придумано, — сказал младший брат и соскочил с осла.

— Теперь стой, не шевелись, а я спрячусь в ветвях вон того дерева, что за стогом растет.

Подошел молодец к дереву, обхватил его ствол обеими руками и ловко, как кошка, взобрался наверх. Спрятался среди ветвей, натянул тетиву своего лука и стал смотреть в ту сторону, откуда Дракон должен был появиться. А Петко, чтобы не отстать от него, подпрыгнул, как только может подпрыгнуть огородное пугало, и взгромоздился на стог. Воткнул свою единственную ногу в сено и тоже стал вдаль всматриваться.

Настала полночь. Под яблоней бесшумно проскользнула лань со своим детенышем.

Вдруг вдали загрохотал гром, гул нарушил ночную тишину. Это примчался Дракон. На этот раз был он чем-то рассержен. Из глаз его так и сыпались искры — вот-вот весь лес загорится. Попробовал было Петко закричать, да не смог — язык проглотил от страха. Осел трижды проскакал вокруг яблони и заржал по-лошадиному.

Прилетел Дракон да прямо к яблоне. Разинул пасть, высунул язык, словно огненную лопату. Но в ту минуту, когда веточка с яблоком качнулась от дыхания чудовища, засвистела стрела и пронзила ему язык.

Заревел тут Дракон страшным голосом. Осел трижды перекувыркнулся через голову, а Петко пошатнулся, взмахнул деревянными руками и свалился со стога вниз головой.

— Как только зарастет моя рана — я опять ворочусь! Вот тогда я вам покажу! Все деревья с корнем вырву! — пригрозил Дракон.

И, как ураган, умчался прочь, круша все на своем пути.

А Петко Грозный, как повалился ничком, так больше и не шевельнулся.

ПО СЛЕДАМ ДРАКОНА

Дед Вербан и его старшие сыновья стояли у ворот и смотрели вдаль. Поджидали.

Вдруг раздался громкий топот. словно вихрь, примчался осел. Проворно соскочил с него младший брат. Протянул к нему руки старик и воскликнул:

- Ну как, сынок, убил ты его?
- Нет, батюшка, — ответил младший, — я лишь язык пронзил ему.
- А золотое яблоко?
- Дракон и на этот раз унес его.

Услышав это, отец глубоко вздохнул и печально поник головой.

Тогда младший брат сказал ему:

- Не кручинься, батюшка! Я расправлюсь с Драконом.
- Не так-то это легко, — покачал головой старик. — Как ты его найдешь?
- Очень просто, — ответил младший брат, — я ведь ранил его

стрелой, вот и буду идти по кровавому следу, который он оставил за собой. До края земли доберусь, а найду.

У отца polegчало на сердце. Взгляд его прояснился.

— Иди, сынок, — сказал он, — авось найдешь. Дракона нужно покарать.

— И я пойду! — крикнул старший.

— И я! — отозвался средний брат, хоть и без большой охоты.

Дед Вербан благословил их в путь-дорогу:

— Держитесь друг друга, сынки, дружба да согласие гору сдвинут. Все делайте сообща! А сейчас идите за мной, я вам дам оружие.

Медленно спустился он по каменным ступеням в подвал и открыл дверь. На свету стали видны поставленные в ряд бочки с вином, перевернутый вверх дном чан для винограда, большое сито из буйволово́й кожи для отсеивания мякины. На стене же висели три меча в потемневших от времени ножнах. Старик подошел к ним, снял первый меч с насечкою серебряной и, взмахнув им, сказал дрогнувшим голосом:

— В молодости этим мечом убил я в Тилилейских лесах свирепого медведя. То был невиданный зверь. Нападал и на людей, и на скот. Но я подстерег его, спрятавшись в кустах возле загона, и зарубил.

— Дай его мне! — рванулся вперед старший брат.

Дед Вербан торжественно передал ему меч и снял со стены второй, рукоять которого была усеяна самоцветами.

— Этим мечом избавил я от рабства закованных в цепи невольников! Жестокою битву пришлось мне выдержать, чтобы освободить их!

— Дай его мне! — вскричал средний брат и, взяв меч из рук отца, привесил к бедру.

— А этим, с простой железной рукоятью, в деревянных ножнах, можно рубить и дерево, и камень. Его мне выковал кузнец Даниил из железного камня, упавшего с неба, в тот самый год, когда я посадил яблоню.

— Этот мне дай! — попросил младший брат.

Отец подал ему меч и развел руками:

— А вот коней, сами знаете, нет у нас. Только осел остался. Уши у него, правда, длинные, но и от него польза будет. Ну-ка беритесь за костыль — кому осел достанется.

Старший брат нахмурил брови:

— Ни за что не сяду на осла!

— И я тоже! — поддержал его средний.

— Ну так я сяду! — воскликнул младший.

Дед Вербан обнял на прощанье своих сыновей, взглянул на них в последний раз и сказал:

— Запомните: кто убьет Дракона и принесет мне хоть одно яблоко — тот и будет моим наследником!

В ДОРОГЕ

Дорога. Широкая, бесконечная дорога. Колеи глубоко врезались в землю. Словно монетки, поблескивают капли крови раненого стрелой Дракона.

Трое братьев тянутся один за другим по дороге.

Впереди идет старший, за ним лениво шагает средний, а позади, на осле, трусит младший.

Миновала весна, отцвели деревья, птицы в гнездах вывели птенцов, а они все идут да идут.

Миновало лето. Жнецы сложили скирды на полях. У птенцов окрепли крылья, и они вылетели из гнезд. В садах зарумянились плоды. А братья все не останавливаются. Сапоги, которые отец дал старшим, прохудились, и пришлось им, как и младшему, идти босиком.

Настала осень. Ветер стал срывать с деревьев листву. Журавли улетели на юг. А усталые путники все идут да идут. Так дошли они до одного перепутья.

Видят: идет слева по дороге странник, несет на плече палку, а на палке висит котомка. Ноги его в пыли, а рубаха на нем, как снег, белая. Идет бесшумно, легко, хоть и горбится немножко.

Поравнявшись с первым братом, странник сказал ему:

— Здравствуй, побратим! Куда путь держишь?

— Не твое дело! — спесиво ответил старший и пошел дальше.

Посмотрел на него странник с сожалением и покачал головой. Подождал среднего брата. Обратился к нему:

— Здравствуй, побратим! Куда бредешь?

Ничего не ответил ему средний брат. Странник с удивлением спросил его:

— Почему ты молчишь? Или ты других не уважаешь?

Тогда средний промолвил:

— Как тебе не лень столько слов говорить? Будто тебе платят каждый раз, когда рот раскроешь.

Опять покачал головой странник. Тут показался младший.

— Здравствуй, молодец! — крикнул странник.

— Будь здоров, дедушка! — приветливо ответил младший. — Куда путь держишь?

Перекинул странник палку с котомкой на другое плечо и так ему ответил:

— Я иду в ту землю, где кончается самый дальний путь. А ты?

— Мы с братьями, что мимо прошли, хотим Дракона убить, только не знаем, где его найти.

— Без меня вы не найдете его логова, придется нам пойти вместе. Уж не знаю, возьмете ли меня с собою, а что до меня, то я готов.

— Возьмем, дедушка. Почему не взять? С товарищем да с разговорами и идти легче! — ответил младший и сошел с осла. Устроил седло поудобнее и сказал страннику:

— Садись вместо меня на осла. Вижу, устал ты в пути. Я помоложе тебя — и пешком доберусь. Дай поддержку тебе палку и котомку, пока ты усядешься.

Дал ему странник палку с котомкой, но котомка та оказалась такой тяжелой, что если бы младший брат не подхватил ее обеими руками, то непременно бы выронил. Поднатужившись, он сказал:

— Больно тяжела твоя котомка. Что в ней?

— В ней-то? — тихо переспросил странник. — В ней мудрость прожитых мною лет. Кто долго живет среди людей, тот многому научится. Верни мне котомку. Я вижу, тебе не снести ее.

И, взяв котомку одной рукой, странник легко перекинул ее через плечо.

— Но-о! — стал понукать он осла.

Под тяжестью котомки хребет осла прогнулся, но он все же потрусил вперед, так как был упрямым ослом.

Вечером четверо путников остановились у источника с тремя каменными колодами, в которые, журча, стекала прозрачная вода.

Над холмами показался тонкий рог месяца. Глухо шумел лес.

Старшие братья уселись ужинать отдельно. Вынули из своих сум переметных каравай белого хлеба, кубышки с брынзой и вареную курицу. Повернулись спинами к двум другим своим спутникам и так быстро съели свой ужин, словно кто-то гнался за ними.

А младший вынул из своей торбы твердую как камень лепешку просыную и разломил ее на три части. Один кусок дал страннику, другой — ослу, а за третий сам принялся.

Странник крошил себе на ладонь несколько крох, осторожно положил их в рот, вернул кусок младшему брату и сказал ему:

— Съешь и это. Мне для того, чтобы быть сытым, двух-трех крошек довольно.

Из близкого леса вылетела стая воронов и со зловещим карканьем пронеслась над землей. Странник задрожал от холода, накинул на плечи старенькую одежду и сказал младшему брату:

— Холодный ветер поднялся. Ночью снег выпадет.

Встревожился младший брат:

— Ох! Засыплет он следы Дракона, как же мы его найдем?

— Утро вечера мудренее! Ложись-ка спать! — ответил ему странник.

— А об осле не тревожься, ночью я присмотрю за ним.

Положил младший брат торбу под голову, свернулся калачиком, сунул руки за пазуху, чтобы теплее было, и заснул. Как только он закрыл глаза, странник скинул с себя одежду и покрыл его. Старшие братья тоже заснули, вытянувшись на траве и положив головы на ослиное седло.

Взглянул странник на них через плечо, услышал, как они храпят и потихоньку поднялся. Взял свою котомку, сунул в нее руку, вытащил оттуда два больших свернутых крыла и развернул их. Губы его задвигались, он неслышно произнес тайные слова и прикрепил крылья к плечам. В белой своей рубашке он стал похож на журавля, отбившегося от стаи. Подошел старик к младшему брату, легко, словно ягненка, поднял его обеими руками с земли. Взмахнул крыльями и поднялся в высь.

Понесся над макушками деревьев, лунным светом позолоченными.

Полетел над реками, спокойно уснувшими под сенью темных ракич.

Перелетел через озера и моря, по которым под парусами плыли за-поздалые корабли.

Поднялся выше самых высоких гор.

Далеко-далеко отнес он уснувшего молодца, опустил с ним на лужайку неведомую и осторожно положил его на траву. На лужайке той

журчали струи воды, что текла из желобов источника — точь-в-точь такого же, как тот, возле которого они вечером остановились на ночлег. Только тут было четыре колоды, а не три.

Отнес младшего брата на самый край земли, странник вернулся за старшим. Схватил его за ноги и взвалил себе на спину. Голова и руки старшего брата свесились вниз, но он так крепко спал, что ничего не почувствовал. И его отнес странник.

Затем пришел черед среднего.

В четвертый раз полетел неустоимый странник и перенес осла, схватив его за уши, точно кролика.

Утром братья проснулись, ничего не ведая о том, что с ними ночью случилось. Средний брат долго протирал себе глаза и зевал:

— Ах, братцы, — сказал он, — кабы вы знали, как я сладко спал! Словно в лодке покачивался среди глубокого озера.

Один за другим они прошли к источнику и наклонились над колодами. Умыли себе лица студеной водой.

Старший брат, прищурив глаза, посмотрел на желоба и сказал:

— Эх, ребята, кабы из этого источника, вместо воды, вино текло! Открыл бы я корчму и сел за стойкой. Богатым продавал бы за деньги, а беднякам, так уж и быть, даром давал.

Средний сверкнул глазами:

— Только из левого желоба пусть течет красное вино, а из правого — белое. Как выпьем, так увидите, какую силу получим! Никакой Дракон с нами не справится.

Странник, услышав их, поднял руку и благословил источник.

— Да будет так!

И произошло чудо: из желобов потекло красное и белое вино. Вода в колодах быстро покраснела. Старший и средний так и припали к ней. Стали с жадностью пить. Только на миг оторвались — дух перевести, и продолжали пить дальше.

Положил странник руку на плечо младшему:

— А ты что ж?

Покачал головой младший:

— Я не пью вина!

Все четверо снова тронулись по следам Дракона, но старший и средний то и дело оборачивались. Жалко им было уходить от источника, из которого текло вино. Старший спяну все скрежетал зубами:

— Где он, этот Дракон — в куски его разрублю!

А средний лопотал:

— Р-разорву его, как вареную курицу!

Странник же ехал на осле и усмехался себе в усы.

СУХОЙ КОЛОДЕЦ

Уж полдень миновал, когда добрались они до глубокого пересохшего колодца. Рядом стоял высокий, раздвоенный сверху столб с прикрепленным к нему журавлем. С него свисала деревянная бадья, окованная железными обручами. Ветер раскачивал ту бадью, журавль скрипел. А на срубе сидел ворон и одним глазом вниз поглядывал. Когда путники приблизились, ворон тревожно каркнул и улетел.

Следы Дракона вели к самому колодцу и там кончались.

Странник указал пальцем на колодец:

— Это и есть тот Сухой колодец, откуда Дракон с Нижней земли на Верхнюю выходит. Он высох тысячу лет тому назад. Спускайтесь и ищите Дракона.

Сказал эти слова странник и вдруг исчез, будто сквозь землю провалился.

Осел почувствовал, что нет на нем никакой ноши, ударил копытом и стремглав кинулся в лес. Переглянулись три брата.

— Кто спустится первым?

Выпятил грудь старший брат и шагнул вперед:

— Я! — сказал он.

Забрался на сруб, да спьяну зашатался и чуть было не полетел вниз. Кое-как засунул одну ногу в бадью. Обеими руками ухватился за веревку. Журавль наклонился.

Младший посоветовал брату:

— Если чего испугаешься — дерни посильнее веревку, мы тебя и вытащим.

Взялся младший за веревку обеими руками и стал спускать брата в колодец. Жалобно заскрипел журавль.

Все глубже опускалась бадья, все пугливее озирался вокруг старший брат. Только камни, покрытые мхом, видны были в полумраке. Уж совсем почти дошла бадья до дна колодца, как вдруг из расщелины меж камней показалась змея, зашипела, высунула желтый язык и потянулась к ноге старшего.

Широко раскрыл он глаза, закричал не своим голосом и изо всех сил дернул веревку. Братья быстро стали тянуть ее и тут же подняли бадью наверх. Над колодцем показалась голова старшего. Он еле-еле выговорил:

— Ззмея!

Затем в бадью уселся средний брат, примостился поудобнее, спустил вниз ноги и стал раскачиваться.

Младший повис на веревке, и бадья пошла вниз. Сладко-сладко зевнул средний брат и закрыл глаза, качаясь в бадье, точно в люльке. Но когда спустилась она почти до самого дна, змея опять высунула голову и вцепилась в шапку среднего брата.

Тот встрепнулся, выпучил глаза, схватился за голову. Увидел, что шапки нет, да как раскричится; замахал руками, стал за веревку дергать.

Младший брат и его быстро вытащил.

Ступил на землю средний брат и пожаловался:

— Кто-то мою шапку стащил!

Тогда на его место в бадью сел младший. Лево́й рукой схватился за веревку, а правой сжал рукоять меча.

— Спускайте! — крикнул он.

Пьяные братья толкнули бадью, и она полетела вниз. Младший в полумраке издалека увидел змею: вытянув кверху голову, она поджидала его. Смелый юноша взмахнул мечом и отсек змее голову, разрубив при этом и один из камней, которыми был выложен колодец. Камень с грохотом упал на дно.

Бадья пошла еще быстрее и — туп! — ударилась о землю.

Вылез младший брат из бадьи и увидел перед собой каменный свод. Под сводом — покрытая ржавчиной железная дверь, запертая изнутри.

Оставшиеся наверху братья заглянули в колодец.

Старший всплеснул руками и воскликнул:

— Свалился!

— На самое дно! — добавил средний. — Что теперь будем делать?

— Давай оставим его в колодце, а сами вернемся к источнику, из которого текло вино! Согласен? — предложил старший.

— Согласен! — ответил средний. — Там мы откроем корчму и будем продавать прохожим красное вино!

— И белое! — напомнил старший. — Вот денег-то нагребем, вот заживем...

— Только я не согласен в долг поить! — перебил его средний. — Вино будет пить тот, у кого деньги в карманах водятся!

— О чем тут говорить! — сказал старший, вынул меч из ножен, ударил им по веревке и перерубил ее.

Веревка полетела в колодец и упала к ногам младшего брата. Тот широко раскрыл глаза, понял, что случилось, и сердце его сжалось.

Две слезы скатились по его щекам.

— Оставили меня братья в колодце на съеденье Дракону, — прошептал он, — но я убью его!

Как могло такое статься?

Как могли вы бросить братца?

Мы ведь клялись, обещались
помогать всегда друг другу —
и в бою, и в злую выюгу!..

И когда вернетесь, братья,
к старику-отцу в объятья,
он вас спросит: „Где же третий?

Или нет его на свете?

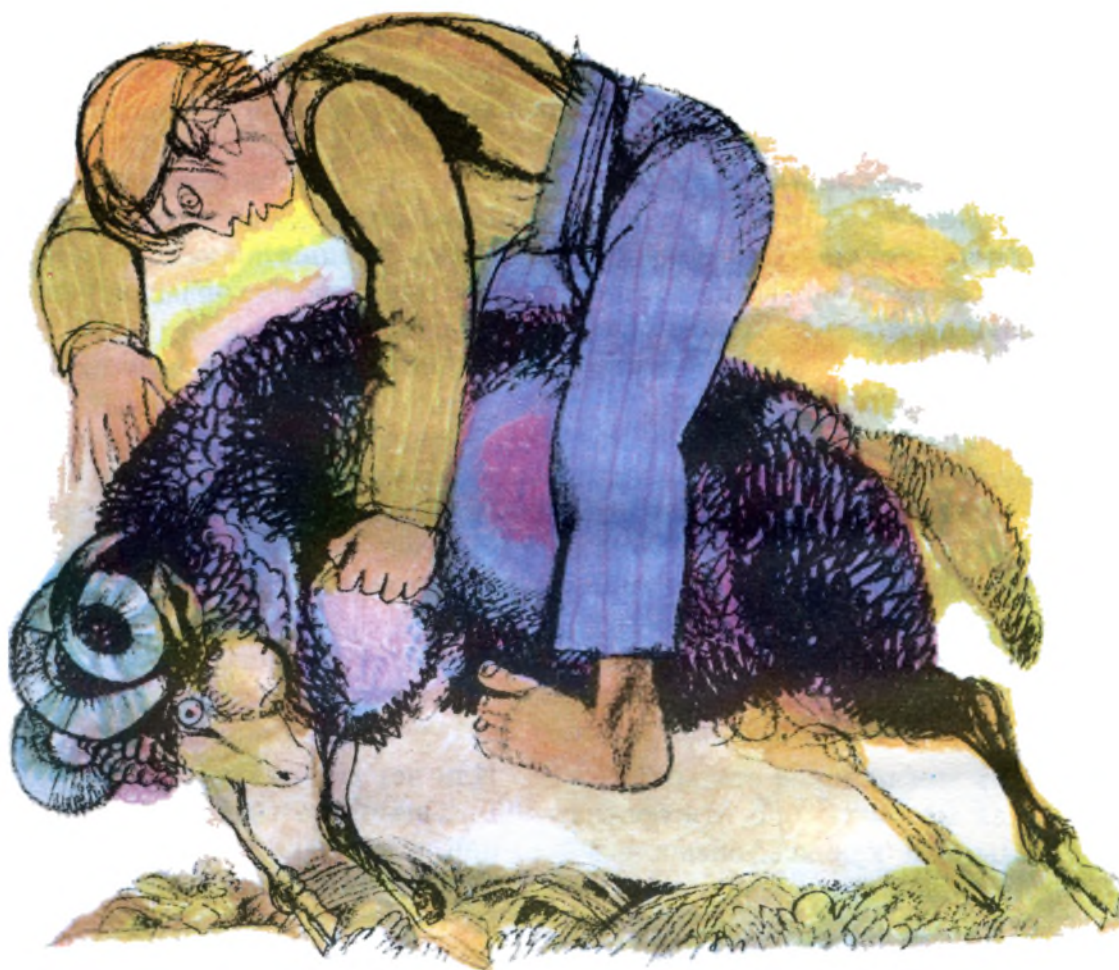
Где вы брата потеряли,
или в землю закопали?“

Что вы скажете в ответ?..

Но, хотите вы иль нет,
а злодея разыщу я,
не прощу ему вину.

Нет, злодею не спущу я,
чудо-яблоки верну!

МЛАДШИЙ БРАТ УЕЗЖАЕТ ВЕРХОМ НА ЧЕРНОМ БАРАНЕ

Младший брат сильно ударил кулаком по железной двери. Еще раз. И еще раз. Никто ему не ответил. Нажал на дверь плечом — не поддалась дверь: крепко-накрепко была она заперта изнутри.

Заглянул он тогда в замочную скважину и увидел зеленую поляну, на которой дрались два барана — один белый, как снег, другой черный, словно уголь.

Справа от двери возвышался развесистый дуб. В него был вбит гвоздь, а на гвозде висел зубчатый ключ. Под дубом, на припеке, дремал ящер, ростом с кота, с короной на голове. Самоцветы на короне блестели, словно капельки росы. От одной из задних лапок ящера тянулась золотая

цепочка. Другой ее конец был прикреплен к железному колу, вбитому в землю.

Младший брат громко засвистел. Привязанный ящер встрепенулся, стал озираться, прислушиваться и, наконец, проговорил человеческим голосом:

— Кто это свистит в замочную скважину?

— Человек! — ответил младший брат.

— Чего же ты хочешь? — спросил ящер и нетерпеливо забил хвостом.

— Войти! Открой мне!

Ящер покачал головой:

— Нельзя. Человеку не открываем...

— А кому открываете?

— Только Дракону.

— А ты кто? — спросил его младший брат.

— Я — Драконов ключник.

— А почему у тебя на голове корона?

— Когда-то я был царем всех ящериц и ящеров в Большой пещере и владел всеми подземными сокровищами. Два гранитных пса с глазами, как площадки, охраняли мою пещеру. Но однажды я забыл закрыть ворота пещеры и Дракон ворвался в нее, разбил моих псов, захватил мои самоцветы, а меня превратил в своего раба. А ты кто такой?

— А я — младший сын того пастуха, что много лет назад спас твоего наследника от наводнения. Прошу тебя, позволь мне войти!

Очень обрадовался ящер, услышав эти слова. Быстро поднялся он по стволу дуба, снял висевший на нем ключ, спустился вниз, подскочил к железным воротам, вставил ключ в замочную скважину и принялся вертеть его своими передними лапами.

Ворота отворились.

— Добро тебе пожаловать, — сказал ставший рабом царь Ящер.

— Я никогда не забывал того, что сделал твой отец для моего сына. Очень я соскучился по нему. Пятьдесят лет не виделись...

Младший брат сел под дубом и спросил:

— Скажи мне, а где Дракон?

— На Нижней земле, — тихо прошептал ящер, — но остерегайся его. Не попадайся ему на глаза. Он ранен и потому в ярости...

— А как мне добраться до этой Нижней земли?

— Видишь вон тех дерущихся баранов? — Ящер лапою показал младшему брату, куда нужно смотреть. — Они бьются здесь с незапамятных времен. Когда побеждает белый — на небе показывается ясное солнце, а если берет верх черный — на небо выходит месяц. Сядешь на черного барана, и он привезет тебя на Нижнюю землю, оседлаешь белого — окажешься на Верхней земле, на той, с которой пришел.

Младший брат внимательно выслушал ящера, а потом взял в руки золотую цепь, которой тот был прикован, и порвал ее.

— Спасибо тебе, ящер, что открыл мне. Теперь ты свободен. Иди в свою Большую пещеру на встречу с сыном и снова охраняй свои подземные сокровища.

— А как же Дракон? — тревожно спросил ящер.

— Дни Дракона уже сочтены! — крикнул младший брат, и голос его загремел на всю поляну.

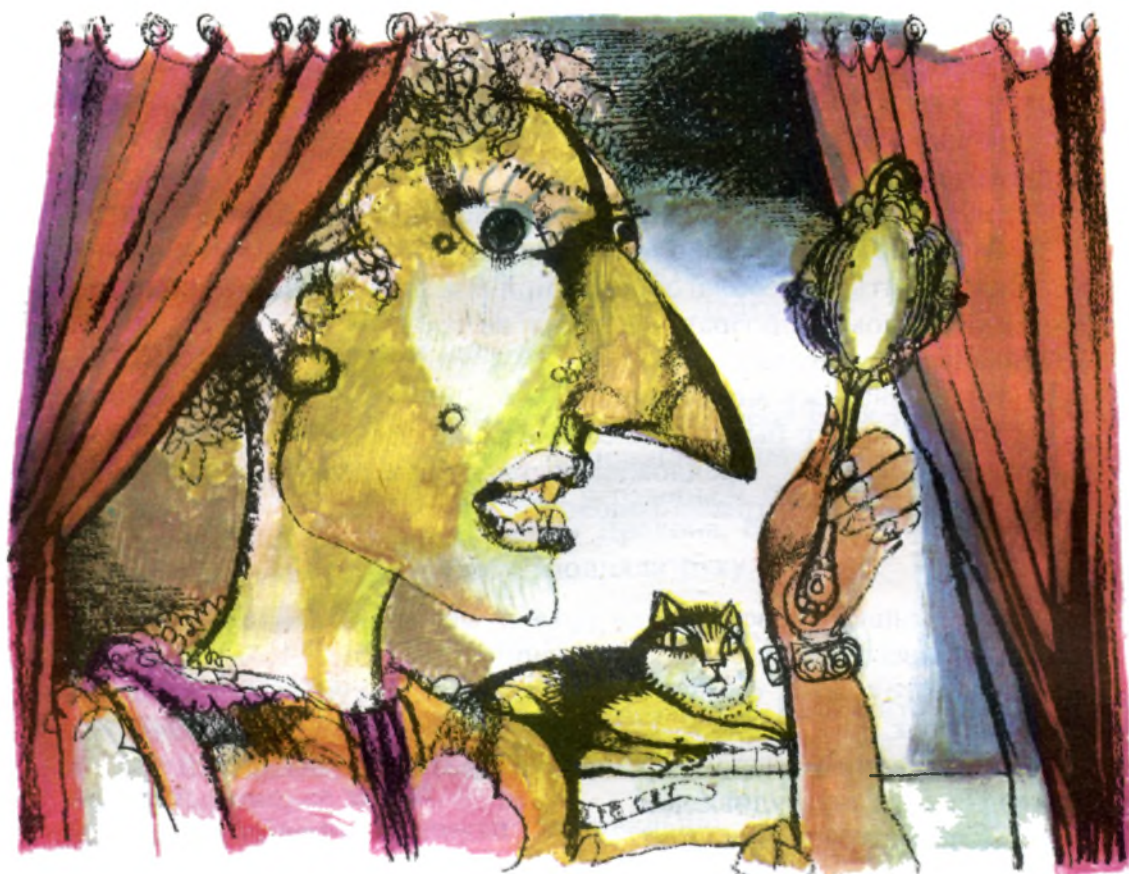
Ящер быстро пополз вверх по стене Сухого колодца, а младший брат зашагал по траве к дерущимся баранам.

И в тот самый миг, когда ударились они лбами — так что искры полетели, подскочил он к ним и... оседлал черного барана.

Разверзлась земля под ногами барана, и он начал стремительно падать вниз.

Прямо в мрак.

ВЕЙХАЙВЕЙ И ЕЕ ОТЕЦ

Солнце уже было в зените, когда царская дочка Вейхайвей наконец проснулась. Протянула вперед руки с длинными кривыми ногтями и раздвинула занавеси балдахина, сделанного из эбенового дерева и слоновой кости — в покои высунулась лохматая голова. Потом Вейхайвей лениво взяла с ночного столика зеркало. Поднесла его к лицу. В зеркале появились два сонно моргающих глаза и длинный, как морковь, нос.

Вейхайвей усмехнулась. Открылись зубы — редкие да неровные, и Вейхайвей, подумав, что зеркало издевается над ней, размахнулась и швырнула его в кошку, дремавшую у камина. Кошка выскочила в распахнутое окно и по водосточной трубе спустилась в сад.

Вейхайвей схватила со столика колокольчик и сердито встряхнула его. В тот же самый миг, осторожно ступая, в спальню одна за другой вошли восемнадцать служанок и опустились на колени.

— Что прикажете, ваше высочество?

Неожиданно Вейхайвей оказалась в большом затруднении — она еще и сама не знала, что ей хочется.

— Приказываю, приказываю... — забормотала она, — да, что бы мне приказать?

И тогда первая из служанок осмелилась и помогла ей:

— Ваше высочество изволили забыть, что вам было угодно приказать. Может быть, вы соблаговолите приказать, чтобы вам принесли молока с шоколадом в прозрачной чашке из горного хрусталя?

Вейхайвей замотала головой:

— Нет! Ненавижу молоко!

— Тогда, может быть, принести вам на золотой тарелке жареную печенку мисикомых? — предложила первая служанка.

Вейхайвей снова затрясла головой, словно лошадь перед пустой кормушкой.

— Нет!

— Ах, я знаю! — всплеснула руками первая служанка. — Я вызову колесницу вашего высочества, запряженную двенадцатью лошадьми. Она отвезет вас к голубому озеру, вы там освежитесь купаньем и наберете на берегу ракушек.

— Не выношу-у озеро! — капризно протянула Вейхайвей.

Первая служанка удивилась:

— Почему, красавица моя?

— Потому что в нем много воды-ы! — ответила царевна.

Первая служанка взглянула на своих подруг и беспомощно развела руками. С мольбой подняла глаза к Вейхайвей.

— Ваше высочество, соблаговолите немножко подумать! Вы наверняка вспомните, что хотели приказать, когда проснулись!

Вейхайвей сдвинула брови, приложила ко лбу указательный палец и сделала вид, что думает. Глаза ее забегали и остановились на раскрытой книжке „Болгарские народные сказки“. Тотчас же она вскочила на ноги и начала подпрыгивать на своем пружинном матрасе. Ей стало весело, и она захлопала в ладоши:

— Вспомнила, вспомнила, что хотела приказать! Я, царевна Вейхайвей, дочь царя Гусака, величайшего среди царей, приказываю немедленно при-нес-ти мне зо-ло-то-е яб-ло-ко!

Служанки от удивления рты раскрыли. Нагнулись друг к дружке, и каждая зашептала на ухо своей соседке:

— Золотое яблоко! Золотое яблоко! Золотое яблоко!

Вейхайвей сердито топнула ногой.

— Молчать! Ваша повелительница требует золотое яблоко, и все тут! Тогда первая служанка промолвила:

— Ваше высочество, позвольте обратить ваше внимание на то, что на Нижней земле такого плода нет!

Но Вейхайвей раскричалась:

— Есть! В сказке говорится, что на Верхней земле растет дерево. На нем каждый год созревает только одно золотое яблоко... Но как только оно созреет, Дракон уносит его во дворец своему сыну Оху. Я хочу золотое яблоко, созревшее в этом году!

Первая служанка попыталась образумить ее:

— Но ведь отнять яблоко у страшного Дракона это все равно, что вырвать ягненка из волчьей пасти!

Вейхайвей фыркнула.

— Слушайте вы ее! У моего отца — могучего царя Гусака — есть миллион солдат. И если кто-нибудь придет нам на помощь еще сто миллионов, мы нападём на Дракона и разобьем его в пух и прах.

Чтобы показать, как они раздавят Дракона, Вейхайвей стиснула зубы и ударила кулаком о кулак. Затем подняла руку:

— Позовите царя!

Первая служанка почтительно склонилась перед ней.

— Его величество еще не изволили открыть глаза.

— Пусть откроет! — крикнула царевна. — Разбудите его! Чтобы немедленно пришел!

И опять топнула ногой.

Служанки гуськом покинули опочивальню.

Вскоре пришел царь Гусак. Он был в одной ночной рубашке и так давно не брился, что походил на ежа. Его нечесанные волосы доходили до плеч, а корона, привязанная веревочкой, болталась у него за спиной. Но шествовал он важно, опираясь на свой жезл.

Его величество приблизился к дочери, протянул руки, чтобы обнять ее, и вытянул губы, чтобы запечатлеть на ее лбу отцовский поцелуй.

— Цыпленочек, — сказал он, — в чем дело?

— Папа, — начала Вейхайвей, — я не позволю тебе поцеловать меня, пока ты не принесешь мне...

Царь прервал ее:

— Все, что ни пожелаешь, все будет у тебя, ненаглядная моя кошечка.

— Я не верю тебе, поклянись!

— Клянусь моим непобедимым царским мечом! — воскликнул его величество.

Тогда Вейхайвей торжественно произнесла:

— Я хочу золотое яблоко!

Царь остолбенел, словно его громом ударило:

— Что-о-о?

— Золотое яблоко, глухая тетеря! — завопила над его ухом царевна.

— Из тех, которые Дракон каждый год приносит своему сыну.
— Как же я возьму у Дракона яблоко? — изумился царь, отступив на три шага назад.
— Прежде всего ты убьешь его!
Царь возвел глаза к потолку:
— Вы слышите, звезды небесные?
— Тогда пошли солдат уничтожить его! У тебя целый миллион солдат! Для чего ты их даром кормишь, коли они не могут справиться с каким-то несчастным Драконом!
Царь смиренно ответил:
— А я и не кормлю их. Они сами едят. У каждого за голенищем деревянная ложка, ею они и хлебают щи.
— А кто ими командует? — спросила хитрая Вейхайвей.
Царь гордо вскинул голову:
— Я!
— Тогда прикажи им завтра же выступить против Дракона! — крикнула ему в самое ухо Вейхайвей. — И ни слова больше!
Царь поднял руку и отдал ей честь:
— Слушаюсь, мой котеночек!
А про себя пробормотал: „Вот беда-то!“ А потом трижды ударил жезлом о мраморный пол, выпрямился, как подобает бесстрашному полководцу, и закричал на весь двор:

Подчиненные,
внемлите
нашим царственным словам:
всем князьям я
и царям я —
повелитель,
а не дурья голова!
Есть и слон,
есть и трон,
и солдат —

миллион,
и министры,
как мониста —
все, один к одному,
верны долгу своему
и, усердием горя,
рвутся в бой за царя!
А царевна Вейхайвей
всех на свете милей!

НА ПОЛЕ БИТВЫ

На другой день по бесконечному ровному полю, простиравшемуся между столицей царя Гусака и Драконовым лесом, шел миллион солдат. Всюду царило большое оживление. Боевые кличи оглашали окрестность. Сверкали шлемы и щиты воинов, звенели копья и мечи. Подняв к небу серебряные трубы, трубили трубачи. Под треск барабанов шагало два миллиона сапог.

Все зайцы, что были в поле, разбежались, суслики попрятались в свои норки, травы прилегли к земле.

В конце поля, на опушке леса, поднявшегося угрюмой стеной, стояли Дракон и его сын Ох.

Так как до них было далеко, то они казались совсем маленькими. Но чем ближе подходили солдаты к неприятельской границе, тем больше становились Дракон и великан Ох.

Дракон был о трех головах. На каждой голове было по паре огромных, словно луны, глаз. Эти страшные глаза сверкали. Из ноздрей вы-

рывалось пламя. Языки, со змеиным шипением, то и дело показывались из пастей и прятались снова.

Ох, голый до пояса, без всякого оружия, стоял, расставив ноги, мрачный и надменный. На шее у него висела старинная подзорная труба, похищенная из башни древнего звездочета. Он молча смотрел из-под ладони на наступавшего противника.

Когда передовая цепь была в пятистах шагах, великан сказал своему отцу:

— Не вижу их царя. Где же он?

Дракон прошипел:

— Он, как и все цари, прячется за солдатскими спинами.

Ох посмотрел в подзорную трубу на вражеские ряды.

— Да, — кивнул он, — вижу, вот он! Позади всех. Забился в колесницу. Лошади вперед тянут, а он все назад оглядывается!

Глаза Дракона стали еще больше:

— Не решил я еще — огнем ли их спалить, или же проглотить.

Великан повернулся к нему:

— Отдай их лучше мне!

— Зачем они тебе?

— Я сделаю их своими рабами. Запру в свои подземные мастерские. Заставлю работать на меня до конца жизни. Все они искусные мастера, и мои товары будут славиться по всему миру. Ты, отец, останься здесь, а я пойду им навстречу.

И великан гигантскими шагами пошел навстречу миллионному войску.

Царская колесница покачивалась, тряслась по кочкам. Его величество закрыл ладонями лицо и смотрел вперед сквозь пальцы. Вейхайвей, словно жердь, вытянулась рядом с ним, вздернув кверху свой длинный нос.

Увидя, что Ох направился к войску, царевна стала толкать отца локтем:

— Фу! Что за противный великан! Папа, пойдя, дай ему затрещину, да так, чтобы у него искры из глаз посыпались!

Царь подпрыгнул:

— Будь добра, не заставляй меня заниматься не своим делом! К чему мне все эти солдаты, если они не справятся с каким-то великаном! Меня бог поставил на это место...

В этот миг колесо въехало на высокую кочку. Колесница накренилась, и царственные особы чуть было не вывалились из нее.

Вейхайвей хлопнула возницу по затылку:

— Дурак! Опрокинешь нас!

Царь поправил съехавшую набок корону и продолжал:

— Бог поставил меня на это место только для того, чтобы я командовал!

И он выпрямился в колеснице. Высоко поднял копье и крикнул дребезжащим старческим голосом:

— Солдаты, на колени!

Все войско упало на колени перед Охом.

— К бою готовься! — снова командовал царь.

Солдаты ловко натянули луки и прицелились в великана.

Царь завопил:

— Стреляйте!

Стрелы дождем осыпали великана, но он отряхнулся от них, как дикий кабан отряхивается в лесу от сосновых иголок, и оглушительно захохотал.

Все поле загудело.

— Встать! — снова раздался дрожащий голосок царя.

Солдаты поднялись.

-- Мечите копья!

Вихрем понеслись солдатские копья к Оху, но ни одно не смогло пробить его толстую кожу. Они скользили по его лбу, груди, голым рукам и ломались, словно хворостинки.

Ох угрожающе и зловеще смеялся.

А в царской колеснице Вейхайвей в отчаянии ломала руки:

— Ах, этот великан просто непобедим!

Растерянный и испуганный царь повернулся к дочери:

— Что же теперь делать? В какую норку спрятаться?

И он так задрожал, что выронил свой жезл, а корона съехала набок, словно шапка у пьяницы.

В этот роковой миг Вейхайвей дала ему совет:

— Очень просто, папа: пойди к Оху, уподи перед ним на колени и сдайся в плен. Так делают все побежденные цари.

И она обеими руками стала подталкивать отца.

Нехотя сошел царь с колесницы, пробормотал:

Эх, очень мне было нужно к медведю за медом идти! — и направился к великану.

Войско расступилось, давая ему дорогу. Подойдя к ногам Оха, царь Гусак отстегнул саблю и протянул ее великану, не глядя ему в глаза, а потом повалился на брюхо, обхватив руками ногу победителя. Ох взял царскую саблю, высоко поднял ее и, размахнувшись, начал плашмя колотить ею пониже царской спины.

— Вот тебе золотое яблоко! Вот еще! Еще!

Царь поднял голову и умоляюще поглядел на Оха:

— Сдаюсь! Скажи, каковы твои условия мира?

Ох ответил:

— Во-первых, ты должен отдать мне всех солдат!

— Возьми их. А во-вторых?

Во-вторых, почесал в затылке великан и вытащил из уха копьё, — ты всякий день будешь давать моему отцу, старому Дракону, по девушке. Он очень любит их кушать. Каждое утро обреченную должны приводить на площадь, к источнику. Подписывай договор!

Царь поднялся на ноги и пальцем поманил к себе барабанщика:

— Эй, парень, дай-ка свой барабан!

Барабанщик вышел вперед и поставил барабан на землю — получился стол. Ох вынул из кармана большой пергаментный свиток и положил его поверх барабана. Царь Гусак надел очки, подписал договор, выпрямился и спросил Оха:

А теперь я свободен?

Великан пренебрежительно махнул рукой:

Можешь идти на все четыре стороны.

Царь бросился к своей колеснице. А Ох огляделся и вдруг наткнулся глазами на высокое дерево. Оно было невдалеке. Ох подошел к нему, протянул руки, взялся за самую большую ветку, напрягся — так что жилы на шее вздулись, и вырвал дерево вместе с корнями. И стал размахивать им направо и налево. Погнал перед собой войско, как рассердившийся пастух сгоняет со склона горы свое стадо.

Солдаты бегом бросились к Драконову лесу и бежали до тех пор, пока не оказались перед открытыми железными воротами. И все до одного попали в подземные мастерские великана. Ох грозно встал на пороге подземелья и голос его, как гром, раскатился над головами пленников:

— Рабы! Отныне я — ваш господин и повелитель. Вы будете работать на меня до тех пор, пока не выпадут ваши зубы и не сотрутся ваши ногти. Я хочу, чтобы вы делали секиры и мечи, ножи и копья! Все делали! А получать за это вы будете корку сухого хлеба и кружку теплой воды.

Рабы опоясались кожаными фартуками, встали у наковален, раздули меха и принялись ковать оружие.

Ох закрыл ворота и запер их на засов.

О БАРАНЕ, УПАВШЕМ С НЕБА

Каким же он был, этот баран, упавший с неба? От света солнца его рога и копыта блестели, как позолоченные. На его спине сидел младший брат. Он обеими руками держался за рога барана и с тревогой поглядывал вниз.

Но вот баран ударился копытами о землю, ездок перелетел через его голову, пропахал носом по траве и начал отфыркиваться, как мышь в муке.

Вокруг простиралось безмолвное и пустое поле. Нигде не было видно ни одной живой души. Были видны лишь брошенные как попало стрелы, копья, барабаны — немые свидетели недавней битвы. Лежало среди поля и большое, вырванное с корнями дерево. Над полем, ища падаль, кружились вороны.

Вдалеке темнел густой лес. Время от времени над ним вспыхивали огненные языки, окрашивая края облаков в кроваво-красный цвет. Казалось, вот-вот небо загорится.

Направо виднелся город, окруженный зубчатой стеной. За стеной поднимались островерхие крыши, купола церквей, каменные колоннады.

Черный баран, как только освободился от седока, бросился бежать по бесконечному полю. Сначала он был величиной с шапку, потом с воробья, потом стал не больше ружейной пули и, наконец, совсем исчез.

Младший брат поднялся с земли, размял ноги и проговорил:

— Видать, это и есть нужная мне Нижняя земля. Пойду-ка я, посмотрю, что делается в этом городе.

И он зашагал к зубчатой стене. Городские ворота были широко распахнуты. Людей возле них не было. Гость с Верхней земли вошел в город и принялся осматриваться. Никого. Улицы были пусты. Окна в домах закрыты, занавески на них — опущены. Мастерские и лавки все заперты.

Младший брат остановился перед одним из домиков, что робко выглядывал из-за побеленной ограды. Его черепичная крыша заросла мхом. Младший брат рукояткой меча постучал в ворота. За оградой слышались тихие шаркающие шаги. Ворота заскрипели и приоткрылись.

Показалась старая женщина, седая и морщинистая, с черным платком на голове, с желтой пряжкой на поясе.

Старушка взглянула на чужеземца и спросила:

— Откуда ты, сынок?

— С Верхней земли, — ответил младший брат.

— С Верхней? — удивилась старушка. — Ну что ж, входи, гостем будешь.

Младший брат переступил порог, вошел в чисто прибранную бедную горницу. Под лавкой стояли пустые кувшины, порожние ведра. На лавке одна возле другой лежали шесть меховых шапок, над ними, на гвозде, висело небольшое ожерелье.

— Чьи это шапки? — спросил гость.

— Шапки-то? — старушка в задумчивости склонила голову. — Шапки эти носили мои сыновья, а ожерелье осталось от дочки Златушки.

Женщина тяжело вздохнула и опустила глаза.

— А где же сами сыновья? — снова поинтересовался гость.

— Рабы они теперь, а раньше мастерили для нашего города самые лучшие фонари. Но царь надел им на головы шлемы, дал им луки и копья и погнал их на бой с Драконом, который злобствует и на Верхней и на Нижней земле. Там, на поле сражения, сын Дракона и взял их в рабство... Пропали мои ребятушки... Есть хочешь, сынок?

Младший брат, у которого уже давным-давно и крошки во рту не было, сейчас же ответил:

— Очень хочу!

Старушка пододвинула к нему низенькую табуретку на трех ножках и сказала:

— Ты пока отдохни, а я тебе лепешку испеку.

А потом подошла к узорному ларю, открыла его, деревянным ковшиком загребла оттуда муки, высыпала ее в сито и начала просеивать над корытцем. Сито подрагивало в руках хозяйки, а та приговаривала:

Я тесто замешу,
я слезой его орошу!
Белая мучица
в лепешку превратится.
Только мне горевать,
жгучие слезы проливать!

Опустила старушка голову, и слезы градом покатались в корытце. Плечи ее затряслись.

Стала она замешивать тесто не водой, а слезами.

Гость очень удивился и спросил:

— Почему ты, бабушка, плачешь и почему поливаешь муку слезами, а не водой? Разве в вашем городе нет колодца или источника?

Старушка взглянула на него мокрыми от слез глазами:

— Был у нас большой источник, и из него текла прозрачная, студеная вода, но вот уже семь дней, как великан Ох заткнул его железной пробкой. Злодей вздумал уморить весь город. Чтоб его чума взяла, проклятого!

— Почему же он это сделал? — спросил младший брат.

— Потому что царь Гусак не хочет отдать свою дочь Дракону. Надо тебе сказать, что каждое утро к нам в город прибегает из Драконова леса олень во-от с такими рогами. Он запряжен в карету — всю из стекла — и каждое утро увозит по девушке. Такой уж договор заключил наш царь с Драконом: каждый день мы должны давать ему по девушке. Царь велел всем по очереди отдавать своих дочерей, и мы выполняли царский приказ, хотя сердца наши обливались кровью. Но когда пришел черед царевны Вейхайвей, его величество отказался дать ее: она, мол, не годится в пищу, в жилах у нее, мол, течет царская кровь. Стеклянная карета впервые вернулась в лес порожней. В тот же день великан Ох, кипя гневом, ворвался в город и заткнул источник. Семь дней никто капли воды не брал в рот. Со слезами умоляли царя отдать Вейхайвей, но он остался глух к мольбам. Тогда все решили покинуть город и оставить Гусака одного — пусть помирает с голода. Царь Гусак испугался и согласился отдать свою дочь. Сегодня придворные отвели царевну Вейхайвей в ее лучшем наряде к источнику.

С улицы послышался звон бубенчиков: приблизившись, он стал сильнее и затем отдалился.

— Стеклянная карета проехала. Слышишь бубенчики? — сказала старушка. — Ее прислали за Вейхайвей.

— А где твоя дочь? — спросил гость.

Семь дней тому назад моя Златушка уехала в этой же самой карете и больше не вернется, родимая! Взяла с собой и своего любимого котеночка. Осталось здесь только ее ожерелье.

Старушка тяжело вздохнула, взглянула на ожерелье и продолжала:

— Ох, доченька родимая, жива ли ты еще, или же проглотил тебя ненасытный Дракон?

В МРАЧНОМ ДВОРЦЕ ДРАКОНА

А вот что случилось в тот печальный день, когда старушка рассталась со своей дочерью.

Когда стеклянная карета остановилась и бубенчики, еще раз звякнув, умолкли, ее дверцы приоткрылись, из них высунулась длинная костлявая рука и, схватив девушку, втащила ее в карету.

Олень сделал круг и помчался назад — в лес, над которым вспыхивали огненные языки. Кучером был малюсенький человечек — ростом с вершок, борода с аршин. Девушка посмотрела через его плечо и увидела перед собой огромную стену, сложенную из закопченных каменных глыб. Она окружала башни Дракона.

Эти башни внушали ужас. Из покрытых копотью труб вырывались клубы дыма и огонь. Слышался гул подземных мастерских. Наковальни звенели, словно колокольцы возвращающихся под вечер стад.

Стену окружал глубокий ров, наполненный зеленоватой водой. Из

воды торчали головы ленивых крокодилов. Злобно шипели змеи на берегу.

Как только олень приблизился к стене — в ней отворились высокие ворота, словно язык гигантского гада, со скрипом выдвинулся железный мост и протянулся надо рвом.

Карета въехала в ворота. Мост тотчас же исчез, а ворота с шумом захлопнулись.

Высунув голову в окошко, Златушка увидела перед собой мрачный дворец и в страхе зажмурила глаза.

Перед ней возвышалась колоннада из черного блестящего мрамора с зелеными жилками. Между колоннами извивалась гранитная лестница. Ее охранял двуглавый пес на золотой цепи.

Вблизи раздавались крики сов. Летучие мыши сновали среди гигантской паутины. Мяукали дикие коты.

Великан Ох медленно спустился по лестнице и остановился на нижней площадке. Ростом он был не ниже мраморных колонн. На шее у него висел ключ.

Стеклянная карета остановилась у его ног. Человек-с-вершок открыл дверцу, и Златушка сошла на землю. Двуглавый пес яростно кинулся на нее, оскалив обе свои пасти, но великан с такой силой отпихнул его ногой, что золотая цепь порвалась, и разъяренное животное отлетело в сад.

Ох нагнулся, схватил за руку перепугавшуюся до смерти Златушку и потащил по лестнице. Приволок ее в просторную, наполненную чадом комнату с почерневшим от сажи потолком. Посредине комнаты висел на цепи котел, в котором что-то клокотало. Под ним горели, разбрасывая искры, стволы вековых деревьев.

В углу стояла лавка, покрытая шкурами бурых медведей. Кто-то оставил на ней домру с тремя струнами. Комнату освещали три сальные свечи, вставленные в железный подсвечник.

Великан повернулся к побледневшей девушке.

— Тебе повезло, — сказал он. — Отец мой вернулся домой с окровавленной пастью. Чья-то стрела пронзила ему язык. Поэтому он не сможет сейчас тебя съесть. Садись сюда! — подтолкнул он ее к лавке.

Златушка покорно уселась, с ужасом глядя на страшного великана. Ее ресницы трепетали, словно крылышки бабочки, вьющейся над огнем.

Ох открыл вделанный в стену шкаф, вынул оттуда круглый низенький столик и поставил его возле котла. Достал с полки две глиняных миски — одну огромную, точно корыто, другую, как для ребеночка, — и поставил их на стол. Достал и две ложки. Одну величиной с черпак, другую — с детскую ладошку. Маленькую ложку положил рядом с маленькой миской, а большую сунул в котел, достал оттуда целый крокодилиий окорок и выложил его в большую миску. А в мисочку положил кусочек мяса не больше цыплячьей печенки и грубо сунул Златушке:

— Ешь!

Златушка с отвращением замотала головой:

— Я не голодна.

Великан нахмурился и заскрежетал зубами:

— Или ты будешь есть, или я тебя живьем брошу в котел!

Уселся спиной к девушке и, поставив столик между ног, громко и жадно зачавкал.

Побледневшая Златушка не сводила с него глаз. Незаметно от великана она сунула руку за пазуху и вытащила оттуда котенка. Проголодавшийся котенок так и накинулся на мясо. Вытащил его и спрятался с ним под лавкою.

Тут Ох обернулся к Златушке. От жадности он хотел проглотить целиком крокодилий окорок, но подавился.

— По-по-по-хлопай меня по спине! — с трудом проговорил великан, выпучив глаза.

Златушка стала кулачками бить его по спине.

Наконец великан проглотил застрявший в горле кусок и сказал девушке:

— Будет! Уже все прошло. Моя спина — не барабан. Великоват кусочек попался, вот я и подавился. А тебе, как вижу, по вкусу пришлось крокодилье мясо. Завтра дам тебе медвежье ухо.

Он бросил ложку и потянулся за домрой. Взял ее, положил на колени и начал тренькать:

Тренди-брунди-заводило,
я на домре побренчу,
на весь мир я закричу:
ах, вкусны,
ах, жирны
щи из крокодила!

Затем повернулся к Златушке:

— Ты умеешь петь?

Златушка тихо ответила:

— Умею.

— Спой мне песенку! — велел ей великан. — Если убаюкаешь меня, завтра скажу отцу, чтобы он не ел тебя. Будешь жить здесь и поддерживать огонь, когда меня нет дома.

Златушка взяла домру и, чуть притронувшись к струнам, запела тихим голоском:

Враг все зубы точит,
Съесть меня он хочет.
Как от смерти мне спастись?
Улететь орлицей ввысь

не имею силы я...
Где вы, братья милые?
Поскорей сюда придите
и сестрицу уведите
из мрачной темницы...

Ох зевнул, растянулся на лавке и лениво проговорил:

— Поёшь — будто котенок мурлычет...

Подложил под голову руки и заснул. Захрапел вовсю.

Златушка же принялась разглядывать его косматые брови, похожие на кудель, страшные зубы — словно кабаньи клыки и увидела ключ на шее. Потянулась было к ключу, но в это время скрипнула дверь.

В комнату ввалился Дракон. От пламени, сверкавшем в его глазах, все вокруг осветилось.

Чудовище подозрительно взглянуло сперва на спящего великана, а затем на Златушку. Бедная девушка съежилась, как воробышек, на которого уставился кот, не в силах выдержать взгляда приближающегося к ней Дракона, с криком метнулась в угол комнаты и забилась под лавку.

Тут из-под лавки выскочил котенок. Шерсть на нем встала дыбом. Он поднялся на задние лапки и стал наступать на Дракона, выпустив коготки — вот-вот вцепится Дракону в язык.

Дракон остолбенел от неожиданности и попятился назад. Котенок гнался за ним до самых дверей.

Немного погодя Златушка выглянула из-под лавки и, увидев, что страшилище исчезло, вылезла оттуда.

„Я должна как можно скорее убежать, — прошептала она, — иначе Дракон съест меня! Уж не от ворот ли этот ключ, что Ох носит на шее?“

На цыпочках она подошла к великану, и, затаив дыхание, потихоньку сняла ключ с его шеи.

Ох что-то почувствовал сквозь сон, зашевелился, но глаз не открыл.

Златушка застыла на месте. Но вскоре великан перестал шевелиться и снова захрапел.

Тогда девушка шепнула котенку:

— Мурлычь, кисонька, мурлычь! Не давай ему проснуться!

Котенок уселся в головах у великана и принялся мурлыкать. Ох, верно, подумал, что это Златушка поет ему, и улыбнулся во сне.

А в это время девушка уже выскользнула из комнаты и шла по длинному коридору. Справа и слева к стенам были прислонены мельничные жернова — игрушки великана, которыми он играл, когда был маленьким. В конце коридора виднелась деревянная дверь, обитая огромными гвоздями.

Златушка подбежала к двери, сунула ключ в замочную скважину и с трудом повернула его. Дверь открылась. Девушка остановилась на по-

роге и видит — в комнате горами навалено различное оружие: мечи, палицы, секиры, копья, луки, стрелы, ятаганы...

В глубине чернела еще одна дверь. Златушка долго и боязливо перебиралась через груды оружия, пока наконец добралась до этой двери. Отперла ее — и что же видит:

монеты — серебряные и золотые,
драгоценные каменья,
жемчужные ожерелья,
брошки рубиновые,
кольца платиновые...

Златушка перебралась через груды сокровищ и отперла третью дверь. Но, открыв ее, тут же отшатнулась. Мороз пробежал по коже: вся комната была наполнена человеческими черепами.

— Ох, матушки! — воскликнула девушка и, закрыв глаза руками, побежала к четвертой двери.

Отперев ее, она увидела перед собой совсем пустую комнату. В ней не было ничего, кроме корзинки с золотыми яблоками.

Наконец, Златушка отперла пятую дверь. Оглушительный шум заставил ее заткнуть уши. Перед нею в два ряда тянулись мастерские, а в них:

кузнецы, положив раскаленное железо на
наковальни, били по
нему звонкими молотами,
сапожники прибивали гвоздями подошвы к солдатским сапогам,
плотники строгали деревянные балки,
ювелиры вставляли рубины в массивные
кольца,
бондари стягивали бочки железными
обручами,
гончары расписывали узорами миски и
кувшины...

Златушка крикнула звонким голосом:

— Кто вы такие?

Мастера ответили хором:

— Мы рабы великана Оха. Нашим трудом он наживает несметные богатства.

— А не знаете ли вы, — спросила Златушка, — моих шестерых братьев-фонарщиков?

— Знаем, — ответили рабы, — их мастерская в глубине подземелья.

Простирая вперед руки, Златушка побежала туда и закричала:

— Братья, милые братья, где вы?

Братья встретили ее с радостью и тревогой:

— Здесь мы, Златушка! Здесь мы, сестренка! — воскликнул старший брат, подхватил ее на руки и поцеловал в лоб. А остальные пятеро стали гладить ее по голове.

Златушка говорила им, задыхаясь от волнения:

— Если бы вы знали, в какую беду я попала! Спасите меня от Дракона! Ведь, правда, вы не отдадите меня страшному чудовищу с огненными глазами? Кабы не котенок — не видать бы вам больше меня!

Братья переглянулись. Старший ответил за всех:

— Спасем, спасем, родная! Будь спокойна. Росту ты небольшого и можешь спрятаться в этом фонаре. Сегодня Человек-с-вершок повезет фонарь на базар. Он вывезет тебя, не догадываясь, что ты там спрятана.

Златушка от радости захлопала в ладоши.

— Но и ты поможешь нам выбраться отсюда, — вставил младший брат. — Обещаешь?

— Обещаю, дорогие братцы, обещаю! — дала им слово Златушка и залезла в фонарь.

МОЛОДЕЦ БЬЕТСЯ С ДРАКОНОМ

В столице царя Гусака были сухи все колоды городского источника. По его единственному желобу вода не текла. — он был забит железной пробкой. К пробке была привешена сургучная печать с изображением головы крокодила.

Над источником шумело листвою столетнее дерево с побелевшими сучьями. Среди двух ветвей чернело орлиное гнездо. Из него высовывались головки маленьких, еще покрытых пухом орлят. Птенцы смотрели вниз. На что же они смотрели?

Под деревом остановилась стеклянная карета. Слуга Дракона, Человек-с-вершок, высунув из открытой дверцы свои цепкие руки, старался схватить царевну Вейхайвей, а она сопротивлялась и кричала:

— Не хочу! Не хочу!

За спиной Вейхайвей стоял царь и усердно подталкивал дочь к карете, приговаривал:

— Не бойся, мой цыпленочек! Дракон добрый! Он ничего тебе не

сделает, потому что ты дочь нашего величества!

В этот миг, откуда ни возьмись, появился младший брат и, подняв руку, крикнул:

— Стой, куда ты толкаешь свою дочь?

Царь отшатнулся, а Человек-с-вершок высунул бороду из кареты:

— Проваливай, чужеземец, не то пожалуюсь на тебя Дракону! Перед тем, как он тебя съест, я вырву твои глаза! — пригрозил человек, и борода его сердито затряслась.

Младший брат, ни слова не говоря, выступил вперед, схватил слугу Дракона за бороду, несколько раз крутанул его в воздухе и изо всех сил швырнул в сторону леса, над которым дымились трубы мастерских, где трудились рабы.

— Иди и жалуйся Дракону! — громогласно крикнул молодец, а затем обратился к царю, пораженному дерзостью пришельца:

— А ты отведи свою дочь во дворец! Немедленно!

Царь схватил Вейхайвей за руку, и они, не оборачиваясь, пустились бежать.

Младший брат обнажил меч и быстрыми шагами направился к источнику. Остановился возле камня, на который всадники ступают перед тем, как сесть на коня. Ударил по нему мечом. Из камня брызнули искры. Меч рассек его надвое.

Молодец осмотрел клинок — на нем не осталось ни зазубринки.

Тогда младший брат подошел к вековому дереву и снова взмахнул мечом, чтобы срубить его, но тут он услышал писк орлят в гнезде и вместо того, чтобы срубить дерево, ударил мечом по самому толстому суку.

Сук с треском свалился на землю.

В этот миг со стороны Драконова леса послышался гул и грохот — будто подходила грозовая туча.

Блеснули шесть лучей огненных — то глазами Дракон сверкнул.

Орлята в перепуге забились в гнездо и притихли.

Земля задрожала. Дома вокруг площади сорвались с места и кинулись бежать, словно живые. Только трубы тряслись.

Младший брат взглянул из-под ладони и промолвил:

— Дракон летит! Пробил мой час!

Через миг Дракон с громом и треском пролетел над деревом. Все ветви пригнулись к земле, как во время страшной бури. Крылатое чудовище описало над деревом три круга и опустилось среди площади.

Головы Дракона тряслись от ярости. Из ноздрей вырывался огонь. Хвост со свистом воздух рубил. Когти яростно землю царапали, выворачивали из нее камни тяжелые.

А молодец стоял твердо и неподвижно, будто столб, и бесстрашно

смотрел на Дракона. В руке он сжимал опущенный меч.

Вокруг не было ни души. Лишь один орленок высунул из гнезда головку и вытаращил глаза. Ему хотелось быть свидетелем великой битвы.

Трехглавый Дракон крикнул в три голоса:

— Это твоя стрела пронзила мне язык?

Молодец кивнул головой:

— Моя!

— Сейчас ты получишь по заслугам! — с ненавистью взглянул на него Дракон и с угрожающим видом стал медленно приближаться.

Его искривленные когти вздрагивали, готовясь разорвать врага. Покачивались развернутые крылья. И чем ближе подходил Дракон, тем шире раскрывались челюсти его средней головы, тем грознее торчали заостренные зубы.

Почувствовав палящее дыхание Дракона, молодец ловко отпрыгнул в сторону, поднял меч и со страшной силой опустил его на вытянутую шею чудовища.

Средняя из голов скатилась на землю, ударилась о каменные колоды источника, подскочила, словно детский мяч, и упала.

Змей, не помня себя от боли, так страшно заревел в два голоса, что земля вокруг затряслась.

Не мешкая ни минуты, он разинул другую пасть, грозно замахал крыльями и, не глядя, кинулся вперед, но молодец снова отскочил в сторону, и его меч еще раз блеснул, как молния.

Вторая отрубленная голова Дракона шлепнулась рядом с первой.

Тяжело раненое чудовище в бешенстве закружилось и заревело уже только в один голос:

— О-о-о-о!

Но не успел Дракон пошире раскрыть пасть своей третьей головы, как молодец налетел на него. Его меч сверкнул в третий раз.

И последняя голова Дракона полетела с шеи.

Победитель вытер ладонью лоб, подошел к источнику, сорвал сургучную печать, ухватился за железную пробку, распатал ее, поднатужился и вырвал.

Хлынула сильная струя воды. Зажурчала, стекая в колоды. Молодец подставил под струю свой меч, хорошенько вымыл его и сунул в ножны.

Тогда со всех концов города к источнику ринулись женщины с корытлами, с медными кувшинами, с железными ведрами. Они сломя голову бежали к источнику и кричали:

— Вода! Вода!

Подставляли ведра под струю, черпали воду из полных колод, освежали себе лица, и глаза их светились радостью.

Прибежали и ребяташки. Поднявшись на цыпочки, они хватались

ручками за ведра и, притянув их к себе, с жадностью пили воду. Матери с умилением смотрели на них.

Видя, какое веселье охватило весь город, молодец улыбнулся и отошел в тень орлиного дерева. Снял с себя верхнюю одежду, расстелил ее на земле и улегся отдохнуть после тяжелого боя. Подложил руки под голову и стал смотреть на листья, а они весело трепетали, словно хлопали ему в зеленые ладоши. Затем он зажмурился. Сон сомкнул ему ресницы.

Вдруг его разбудил испуганный писк орлят.

Победитель Дракона вскочил на ноги, поднял голову кверху и увидел, что к гнезду, разинув пасть, подползает длинная-предлинная змея.

Сколько же еще змей и драконов суждено мне встретить на Нижней земле? — сказал молодец, ухватился за нижний сук и стал проворно взбираться на дерево. До развилки он добрался как раз в то время, когда змея уже тянулась к птенцам. А те хлопали бессильными крылышками и жалобно попискивали.

Молодец бесшумно вытащил меч, не замахиываясь, легонько ударил им змею — и рассек ее надвое. Обе половинки ее туловища скатились вниз.

Вдруг над площадью словно нависла темная туча. Но то была не туча, а орлица с огромными, отливающими серебром, крыльями. Она издали увидела, как над ее гнездом склонился человек, и сейчас же прилетела, чтобы выклевывать ему глаза.

— Остановись, мама! — запищали орлята. — Этот человек избавил нас от змеи, а ты хочешь ослепить его!

Орлица повернула голову, взглянула одним глазом на землю и, увидев разрубленное надвое змеиное туловище, поняла все. Опустилась на землю, успокоилась, сложила крылья. Молодец слез с дерева. Тогда орлица сказала ему человеческим голосом:

— Ты спас от смерти моих орлят и этим сделал мне большое добро. С тех пор, как я начала высиживать яйца, ни разу я не вырастила птенцов: каждый год змея, улучив минуту, когда я улетаю на добычу, пожирала моих орлят, прежде чем у них вырастут крылья. Скажи, как мне отплатить тебе?

Молодец ответил:

— Никакой отплаты мне не надобно, если сможешь — отнеси меня на Верхнюю землю: тот баран, который привез меня сюда, убежал в поле и исчез.

— Я отнесу тебя, когда захочешь! — сказала орлица. — Для тебя я на все готова.

Она клювом вырвала у себя из хвоста перо и дала молодцу:

— Возьми это перо и носи его на шапке. Когда я тебе понадобится — подбрось его кверху и скажи: „Явись передо мной, орлица с серебряными крыльями!“ Перо полетит стрелой и найдет меня, где бы я ни была.

Победитель взял перо и воткнул себе в шапку.

В ТРОННОМ ЗАЛЕ

Его величество сидел на своем троне с полузакрытыми глазами. Вейхайвей, сдвинув ему корону набок с усердием искала в его голове.

— Ах, папа, — сказала она, — ты не мылся с тех пор, как проклятуший Ох заткнул источник, и твоя голова превратилась в заповедник для мисикомых.

— А что такое — мисикомые? — спросил его величество.

— Ты этого не знаешь? Ой, какой же ты невежественный. Мисикомые — это те маленькие ползунки, которые заводятся в волосах и заставляют тебя чесаться.

Вошел маршал двора его величества и, откашлявшись в ладонь, сообщил:

— Явился придворный художник Блюдолиз!

Царь кивнул головой:

— Пусть войдет.

— Слушаюсь, ваше величество!

Немного погодя он ввел художника Блюдолизу в тронный зал.

Художник притащил с собою большую картину в золоченой рамке.

С трудом донес ее до трона и поставил перед царем и царевной.

Увидя, что нарисовал придворный художник, царь и Вейхайвей разинули рты от изумления.

— А-а-а-а! — воскликнул царь.

— О-о-о-о! — поддержала его царевна.

На картине хитрый художник изобразил царя с обнаженным мечом в руке. Надменный и величественный, правой ногой он ступил на туловище Дракона, а три отрубленные головы чудовища служили доказательством того, на что способен царь Гусак.

Царь покачал головой и промолвил:

— Пожалуй, ты перехватил через край, друг мой. Не я победитель Дракона.

— Все равно, ваше величество, — лукаво усмехнулся Блюдолиз, — если бы другой не убил его, вы сами изрубили бы Дракона в куски. Всем известно, что царя, бесстрашнее вас, не рождалось еще на свете.

— Ты говоришь сущую правду! И поэтому достоин двойной награды: во-первых, за то, что ты придворный художник, и, во-вторых, за то, что любишь истину. Держи!

И его величество вынул из кармана кошель с деньгами и швырнул его художнику, как собаке кость.

Художник ловко подхватил кошель, поклонился в ноги царю, повесил картину на самое видное место и, пятясь, вышел из тронного зала.

Тогда Вейхайвей начала ластиться к царю:

— Папа-а-а! Ну же, папочка!

— Что, моя куколка?

— Я хочу замуж!

— Что? — подскочил царь. — За кого же?

— За того, кто убил Дракона! — топнула ногой царевна.

— Ну, — развел руками царь, — на тебя удержу нет! Позавчера: „хочу золотое яблоко“ — сегодня: „хочу замуж“! Ну, ладно, мы возьмем его во дворец, но к чему он нам, раз он не достоин тебя?

— Как так не достоин? — прервала его Вейхайвей. — Он очень красив!

— В его жилах нет ни капли царской крови! — высокомерно проговорил царь Гусак.

— А кто убил Дракона? Кто спас мне жизнь? — спросила Вейхайвей.

Царь указал пальцем на картину:

— Вон там изображен герой!

Вейхайвей подпрыгнула и чуть было не сказала отцу нечто весьма неприятное, да сдержалась и закрыла рот рукой. С ее губ сорвалось одно лишь:

— А-у-у-у!

Царь строго взглянул на нее:

— Чего это ты аукаешь?

— Ничего, — надула губы Вейхайвей. — Папа, просто я хочу сказать тебе, что если ты не приведешь его во дворец — я рассержусь и никогда больше не буду искать у тебя в голове!

Тут царь уступил, так как ни в чем не мог отказать своей ненаглядной дочери, да и голова очень чесалась. Трижды стукнул жезлом об пол. Поправил на голове корону.

Восемнадцать слуг вбежали и упали на колени перед его величеством. Ударились лбами об пол и воскликнули в один голос:

— Что прикажете, ваше величество?

— Приказываю вам, — вскричал царь Гусак, — привести мне молодца с орлиным пером на шапке. Немедленно! Покуда считаю до десяти — чтоб он был здесь!

Вейхайвей захлопала в ладоши, вынула из кармана платья круглое зеркальце и стала разглядывать себя, затем снова сунула руку в карман, вытащила щипчики и, высунув язык, принялась выщипывать себе брови, чтобы казаться красивее.

А в это время слуги сломя голову сбегали вниз: чуть ноги себе не переломали. Кое-кто для быстроты спустился по перилам.

Не успел царь досчитать до десяти (а он только до десяти и умел считать), как в тронный зал вошел младший брат.

На сдвинутой набекрень шапке красовалось орлиное перо, в руках он держал острый меч. Увидя его, Вейхайвей вздохнула, прикусила губу, спряталась за тронном и прошептала:

— Ах, какой красавец!

Царь важно произнес:

— Добро пожаловать в мой дворец!

— Благодарю за честь, ваше величество! — поклонился победитель Дракона.

— Ты не знаешь, зачем я тебя позвал?

— Вот вы мне и скажете это, ваше величество!

— Надумал я женить тебя.

— На ком? — изумился младший брат.

— На своей дочери! — промолвил царь.

„Попался, как кур во щи“, — подумал грустно молодец. А потом спросил:

— Где же она?

— Здесь, за моей спиной! — ткнул пальцем царь себе за спину.

Вейхайвей поднялась:

— Вот я!

Пораженный ее уродством, младший брат растерялся и отступил на три шага назад.

Повернувшись к дочери, царь шепнул:

— Видишь, как обрадовался? Дай ему свой перстень!

Вейхайвей выбежала вперед, схватила гостя за правую руку и, не спрашивая — хочет ли он того или нет, надела ему на палец золотой перстень.

— Я... я... того... — стал выдергивать руку младший брат.

— Что? — прервал его царь. — Ты хочешь, сказать, что ты не достоин? Пусть это тебя не тревожит, раз ты приглянулся моей дочери. Но ты должен знать, что даром я тебе ее не отдам. Чтобы заслужить ее, ты сперва должен убить великана Оха, который осрамил меня перед всем войском. Ну, поздравляю!

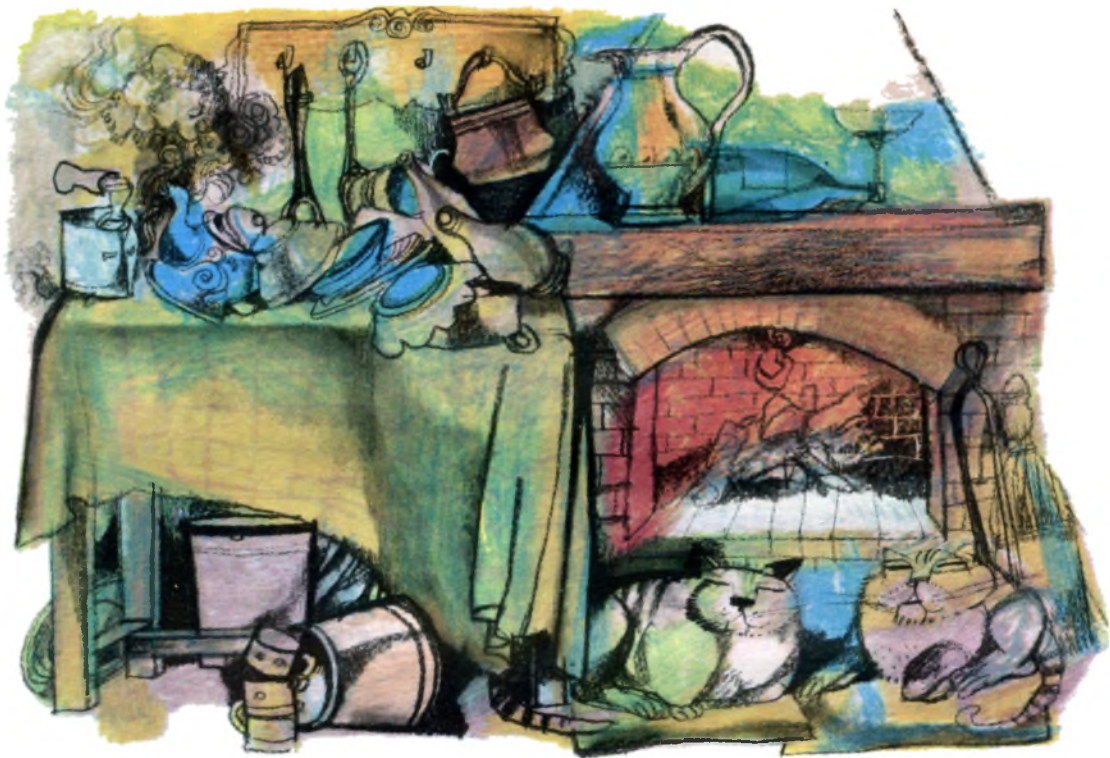
Молодец что-то пробормотал про себя, но слов разобрать нельзя было.

— Где ты остановился? — спросил царь.

— На краю города живет одинокая старушка. У нее я и остановился.

— Не быть тому! Не позволяю! — разгневался его величество. — Ты будешь моим гостем. Отведите его в поварню! Гости любят больше всего, когда их устраивают в поварне. Приготовьте ему, — обратился он к столпившимся в дверях слугам, — лучшего коня! Пусть проедется по городу, поглядит, каким народом я повелеваю!

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ДВОРЦОВОЙ ПОВАРНЕ

Гостя отвели в дворцовую поварню. Заглянув в нее, молодец поморщился: большего беспорядка он нигде не видывал. Сковородки, котлы и ухваты, веники, немытая посуда, ложки, жаровни — все валялось как попало. Возле очага стояла лавка, на ней спали два жирных кота. На столе кто-то забыл горячий утюг, и скатерть уже дымилась. Свет в поварню проникал лишь через небольшое оконце.

— Эта поварня ни на что не похожа! — обернулся гость к царским слугам. — Кто здесь забыл утюг? потушите скатерть, иначе сгорит весь дворец царя Гусака!

— Недавно, — сказала старшая повариха, — сюда приходила царица, она-то все разбросала и утюг позабыла.

— Приберите тут, — велел младший брат, — а я проеду по городу, поищу светильник — уж больно здесь темно.

И, вскочив на лучшего коня из царской конюшни, младший брат выехал за ворота. За ним потянулась целая толпа придворных.

Жители столицы встречали его с большим почетом. Старики ука-

звали на него пальцем и говорили ребятишкам:

— Кушайте хлебушек и пейте водицу, чтобы вырасти и сделаться такими, как этот богатырь!

Молодец свернул в ближайшую улочку и остановился у одной открытой лавки. В ней были выставлены чудесные подсвечники из кованого железа, а у двери стоял тот самый фонарь, в котором шестеро братьев спрятали свою сестрицу Златушку.

Молодец натянул поводья, остановил коня, оглядел фонарь и крикнул:

— Эй, кто здесь хозяин?

Из лавки показалась бородатая голова слуги Дракона — Человека-с-вершок. Увидя, кто перед ним, Человек-с-вершок пожелтел от страха, как воск.

— Ах, так это ты здесь торгуешь! — грозно глянул на него молодец и строго спросил: — Сколько стоит этот фонарь?

Человек-с-вершок проговорил, заикаясь:

— Ффонарь сстоит ттысячу... золотых!

— Сколько?! — крикнул молодец так громко, что продавец подскочил и скрылся в лавке. — Я тебе всю бороду выдеру за то, что ты меня обманываешь! Где это видано, где это слыхано, чтобы фонарь стоил тысячу золотых! Выходи!

Человек-с-вершок высунул голову:

— Он сстоит... ссто золотых, но я отдам его тебе за один золотой. Бери!

Молодец повернулся к придворным:

— Дайте ему золотой и отнесите фонарь в поварню!

Объехав весь город и вернувшись вечером в поварню, младший брат увидел, что там все прибрано. Кошек не было, вместо сожженной скатерти постлана новая — чистая, белоснежная. В очаге горели большие пни, но в поварне царил полумрак.

Фонарь стоял за дверью.

Молодец сел на лавку и трижды хлопнул в ладоши. Дверь отворилась, и в поварню вошли двенадцать поварих в белых передниках, с красными бусами на шее и в надетых набекрень колпаках. У каждой за ухо было заткнуто по цветку, а у старшей поварихи — целых два.

Поварихи выстроились полукругом и поклонились.

Старшая повариха сказала:

— Приказывай, добрый молодец!

— Зажгите фонарь! — велел гость.

— Сию минутку, — сорвалась с места старшая повариха, кинулась к очагу и наклонилась, чтобы взять головню, но не успела она повернуться, как фонарь сам собой зажегся, озарив ослепительным светом всю поварню.

Поварихи разохались при виде такого чуда. Загалдели:

— Фонарь сам зажегся! Фонарь сам зажегся!

— Тише! — прикрикнула на них старшая повариха. — Еще что прикажешь, добрый молодец?

— Я хочу есть, есть! — ответил младший брат и открыл рот, чтобы все видели, как он проголодался.

Поварихи засустились. Поставили на стол тридцать две миски, выложили белый каравай величиной с жернов, принесли чугушки, из которых так и валил пар, и принялись наполнять миски разными яствами. Когда все было готово, старшая повариха обратилась к гостю:

— Кушай на здоровье, добрый молодец!

Затем кивнула остальным поварихам, и все тотчас ушли.

Молодец сел за стол, придвинул к себе каравай, но покамест разломил — с него семь потов сошло. Откусил большой кусок.

Принялся за кушанье и после первой же ложки сказал:

— Вот вкусно-то! Давненько я не ел горяченького!

В ту же минуту дверца фонаря со скрипом приоткрылась и в ней показалась Златушка.

— Я тоже голодна! — тихонько сказала девушка.

Молодец повернулся к ней и ложку уронил.

— Кто ты, девушка? Откуда взялась? Что ты делаешь в этом фонаре?

— Я была рабыней великана Оха, — принялась рассказывать Златушка, — потом братья спрятали меня в фонарь, потом Человек-с-вершок отвез меня в стеклянной карете в лавку на продажу, потом ты явился на коне и заплатил за меня золотой.

— Уж не дочка ли ты той старушки, что живет на краю города и у которой шестеро сыновей — искусных мастеров-фонарщиков? — спросил молодец.

— Я и есть! — ответила Златушка.

— Коли так, вылезай из фонаря, обедать будем!

Златушка приготовилась было выпрыгнуть из фонаря, но молодец опередил ее, подхватил на руки и опустил на землю.

— Гоп! — весело воскликнула девушка и уселась за стол напротив младшего брата.

Взяла ложку. Попробовала кушанье. Она правильно держала ложку и старалась не капать на платье.

А молодец глаз с нее не сводил.

Златушка спросила его:

— Почему ты так на меня смотришь?

— Потому что ты самая красивая девушка на свете.

— Не пристало тебе такие вещи говорить! — лукаво погрозила ему пальчиком девушка, — у тебя на руке кольцо.

Молодец взглянул на перстень царевны Вейхайвей, поморщился, снял его с пальца и опустил в висевшую над очагом выдолбленную тыкву, в которой держали соль.

— Это кольцо, — сказал он, — не про меня, да я и не хотел его. Мне насильно его надело одно огородное пугало. Видишь, у меня уже нет кольца! Хочешь отправиться со мной на Верхнюю землю?

Златушка опустила голову. Ее ресницы стыдливо сомкнулись. Они были похожи на золотые метелочки, а глаза напоминали кюстендильские черешни.

— Хочу, — ответила она, — но прежде надо освободить моих братьев из темницы великана Оха.

Тогда молодец ударил себя по лбу:

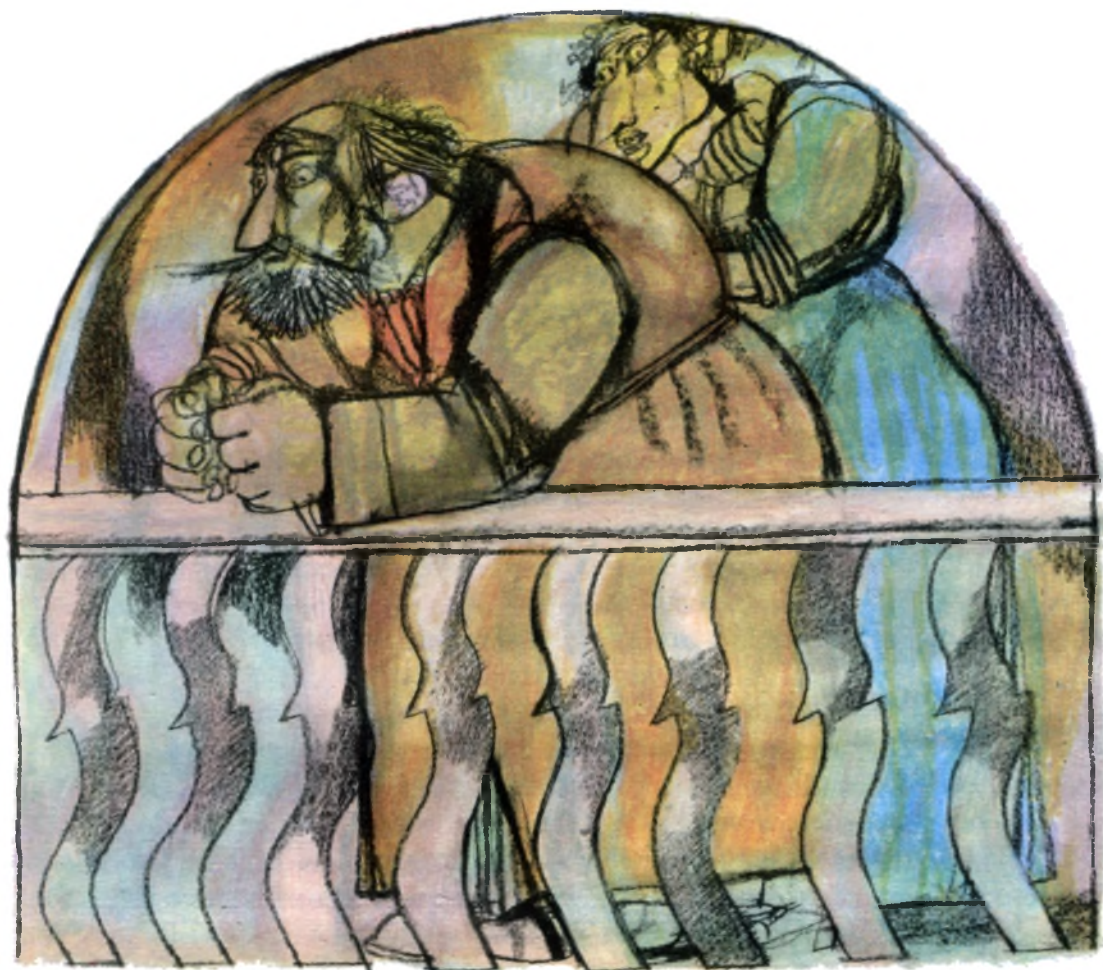
— Ах, я совсем позабыл про этого проклятого великана, но ничего, завтра расправлюсь и с ним!

После ужина девушка уселась на лавку, обхватила колени руками и запела:

Когда Златушка у матушки жила,
у родимой, алой ягодкой росла.
У Дракона полонянкою была,
на задворках сорной травкою росла.
А как Златушка с дружочком заживет,
так лазоревым цветочком расцветет.

Младший брат обрадовался от всего сердца и погладил ее по голове. Златушка поднялась, встала на один из табуретов, дотянулась до фонаря и захлопнула его дверцу. Фонарь погас.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕДИНОК

На другое утро, еще до восхода солнца, царские привратники отворили железные ворота дворца.

На балконе, облокотясь на перила, стоял его величество, в ночной рубашке и туфлях на босу ногу, а внизу, под балконом, на лихом скакуне гарцевал молодец. Конь был покрыт чепраком, расшитым золотом, а из-под его нетерпеливых копыт, подкованных серебряными подковами, летели искры...

Царь давал младшему брату такой наказ:

— Возьми с собой горящую головню! Как подъедешь к Драконову лесу — подожги его! Если деревья загорятся, то огонь охватит дворец, и Ох там сгорит. Тогда у нас не будет врагов, и мы будем царствовать тысячу лет. Не так ли, Вейхайвей?

Вейхайвей, выглядывая из-за плеча отца, шмыгала носом. Ей хотелось, чтобы все видели, как она горюет, разлучаясь со своим женихом.

— Пусть все превратится в пепел! — воскликнула она.

Но младший брат покачал головой.

— Нет, об этом и речи быть не может, — сказал он, — лес я не сожгу. Чем виноваты деревья, чтобы жечь их? Да знаете ли вы, сколько целебных трав растет под ними, сколько птенцов выведено в гнездах на их ветвях? Лес поджигать я не стану!

— А как же ты справишься с Охом? — спросил царь.

Молодец похлопал по рукояти меча:

— Вот этим мечом! Он разрубает дерево, камень и железо.

— Что ж, убей великана, коли это тебе под силу! — громко крикнул царь Гусак, а под нос себе пробормотал: „Я не пророню ни слезинки, если он разделается с тобой. Очень ты мне нужен во дворце...“

И стал торопить всадника:

— Поезжай! Поезжай! Чего ждешь?

Вейхайвей встала на цыпочки и принялась махать младшему брату из-за плеча царя...

И не успело еще эхо от стука копыт стихнуть над пробуждающимся городом, а всадник уже летел широким полем к стенам мрачного драконова жилища.

Долго скакал конь, весь покрылся пеной, наконец, остановился у закопченной стены, поднялся на дыбы и заржал.

Лес глухо шумел. Чуть шевелились верхушки деревьев. Из труб мастерских вырывались языки пламени, лизали облака и словно пытались дотянуться до тонкого рога молодого месяца. Из подземелий доносились приглушенные голоса множества людей.

Молодец привстал на стременах, сложил руки трубой и крикнул во весь голос:

— Ох! Ох! Ох! Выходи, поганец!

Ему никто не ответил, лишь зеленые крокодилы во рву, окружавшем дворец, с бульканьем опустились на дно.

— Буду ждать, — снова раздался голос молодца, — пока не досчитаю до пятнадцати! Если ты не явишься, мой конь перескочит стену, и я выволоку тебя, заковав в железные цепи. Посажу в клетку и буду показывать ребятишкам на ярмарках! Раз! Два! Три!.. — начал считать всадник, но не успел он дойти до десяти, как ворота с шумом распахнулись.

Подъемный мост высунулся, подобно черному языку, и лег надо рвом. В воротах показался великан Ох. Он смерил взглядом пришельца, вразвалку перешел закачавшийся под ним мост и остановился — хмурый, грозный, весь обросший щетиной, с всклокоченными волосами, с наливыми кровью глазами.

— Ты, убивший моего отца, чего ты хочешь от меня? — спросил великан сиплым голосом.

— Я хочу, чтобы ты открыл свои подземелья и выпустил на свободу всех рабов, которые заперты в мастерских! — сказал младший брат, бесстрашно глядя на великана.

— А еще чего? — прищурился Ох.

— Хочу получить золотые яблоки, которые Дракон сорвал с дерева моего отца!

Великан засмеялся таким зловещим смехом, что стены задрожали, и с издевкой спросил:

— А не хочешь ли ты, чтобы я сварил тебя в моем котле?

Молодец вспыхнул от обиды. Выхватил из ножен меч, прищипил коня и помчался на Оха, однако тот притворился смертельно напуганным и кинулся бежать вдоль глубокого рва к лесу. Ему хотелось поиграть с человеком с Верхней земли, как кот играет с мышью перед тем, как съесть ее.

— Стой! Стой! — кричал ему вслед младший брат, размахивая мечом и гонясь за великаном.

Вдруг, на одной полянке Ох остановился, как вкопанный. Повернулся к младшему брату и скрестил руки на груди. Конь, кося глазом, тоже остановился — он был не в силах смотреть на страшилище.

— Если ты не выполнишь моих приказаний, я сниму с тебя голову! — воскликнул молодец.

— Ну что ж, попробуй! — ответил Ох с притворным покорством и склонил голову — руби, мол.

Молодец взмахнул мечом.

Клинок сверкнул, словно молния, и со страшной силой опустился на шею великана, но, ударившись о кожу чудовища, разлетелся на куски, и в руке младшего брата осталась лишь рукоять.

Великан свирепо оскалил зубы и принялся смеяться зловещим и торжествующим смехом. Подбежал к младшему брату и взревел страшным голосом:

— Слезай с коня!

Конь попятился, а молодец беспомощно оглянулся — он понял, что настал его последний час.

— Неужто никто на помощь мне не придет? — крикнул он в отчаянии.

И вдруг весь лес зашевелился. Закачались сучья, зашумела листва, птицы разлетелись.

— Мы! Мы поможем тебе! Подожди! — ответили деревья.

И случилось чудо: все деревья пошли на великана.

Их стволы угрожающе раскачивались из стороны в сторону. Вот деревья окружили великана и начали молотить по нему. Толкали его, в

ребра пинали, по лицу ветками хлестали.

Закрыв глаза руками Ох, зашатался, попытался было вырваться из-под ударов деревьев, но лесная поросль заступила ему дорогу, встав перед ним плотной стеной. В разгаре битвы с поля прибежал, запыхавшись, трехсотлетний дуб — сухой и черный. Растолкав толпу деревьев, этот древний старик мрачно закричал:

— Оставьте его мне! У меня с ним свои счета: в тот день, когда царь Гусак подписал договор о мире, он с корнями вырвал меня. Размахивая мною, он загнал целый миллион солдат в свои подземные мастерские. Взгляните на мои ветви. На них не осталось ни одного листочка. И корни мои высохли!

Услышав его слова, все деревья посторонились.

Старый дуб сделал гигантский прыжок, крикнул и всем стволом ударил великана по голове.

Ох навзничь повалился на землю.

Громкий, долго не стихавший победный клич огласил окрестности.

Каждое дерево вернулось на свое место.

Улетевшие было птицы снова уселись на ветки и громко защebetали.

— Спасибо вам, деревья! — крикнул молодец и поклонился на все четыре стороны. — Никогда не забуду, что вы спасли меня!

Тут из мастерских Оха высыпали рабы. Слово поток, хлынули они из железных ворот дворца Дракона. Перебегали мост, перепрыгивали через труп великана и с радостными криками подбрасывали в воздух шапки.

Последним выскочил олень, запряженный в стеклянную карету, и подлетел к всаднику. Дверца кареты распахнулась, из нее показалась голова прислужника Дракона — Человека-с-вершок.

— Куда прикажете отвезти корзину с золотыми яблоками? — с раболепной улыбкой спросил он.

Молодец презрительно глянул на него, укоризненно покачал головой и ответил:

— В самый крайний домик, где живет матушка Златушки!

МЛАДШИЙ БРАТ И ЗЛАТУШКА УБЕГАЮТ ИЗ ДВОРЦА

Возвращаясь с поля битвы, младший брат долго думал, почему деревья сорвались со своих мест и пришли к нему на помощь в тот страшный миг, когда меч его разлетелся на куски. Но так ни до чего и не додумался. А дело было вот в чем: утром, когда царь наказал ему захватить с собою головню и поджечь лес, молодец отказался предать огню вековые деревья и целебные травы, не захотел погубить птенцов в гнездах. Птички в царском саду, услышав наказ царя Гусака и ответ молодца, сейчас же полетели к логову Дракона, чтобы рассказать об этом деревьям, и лес узнал, кто его заступник.

Давно не поенный конь незаметно донес молодца к источнику и, вытянув шею, стал жадно пить воду из первой колоды. Орлята увидели своего спасителя и радостно захлопали крылышками.

- Куда девался Дракон? — спросил их молодец.
- Орлята дружно пропищали:
- Стая волков ночью растащила его по кускам.

Тогда младший брат подумал:

„Дракон убит, его сын тоже больше никогда не встанет на ноги, корзинка с золотыми яблоками в моих руках — все свои дела на Нижней земле я сделал. Пора возвращаться домой“.

Сняв шапку с головы, он взглянул на перо и крикнул:

— Явись передо мною, орлица с серебряными крыльями!

Перо полетело стрелой, и не успел конь напиться студеной воды, как площадь накрыла темная туча.

Орлица пала камнем вниз и опустилась на верхнюю плиту источника.

— Что тебе надобно, молодец? — спросила она.

— Отнеси меня на Верхнюю землю, здесь мне нечего делать.

— Ладно, отнесу. Но в дорогу мне нужно девять печей ржаного хлеба, девять жареных коров и девять бочонков воды. Все это ты уложишь в сундук со стальным кольцом на крышке. Путь нам предстоит дальний и трудный, мне понадобится много еды. Когда я крикну „га!“ — будешь давать мне ломоть хлеба и кусок говядины, а когда крикну „пиу!“ — водой будешь поить. Чтобы к утру все было готово!

— Будет! — ответил молодец.

И погнал коня к царскому дворцу. Стража у высоких ворот расступилась. Он соскочил с коня и взбежал по лестнице. Вошел в поварню.

Там его ждала Златушка.

— Я все уже разузнала, — защebetала она, — мои братья вернулись домой, к матушке. Она не помнит себя от радости. А я, покуда дожидалась тебя, вышила шелковую рубашку.

И девушка положила ему на плечо красиво расшитую рубашку.

— Это тебе! Носи на здоровье!

— Руки у тебя, как имя — золотые! — похвалил ее молодец.

Златушка покраснела, как маков цвет, и принялась накрывать на стол. Покуда она ставила миски и клала ложки — один каравай сам собой скатился с полки, покотился по столу и остановился перед Златушкой. Но не успела девушка хлеб разломить, как кто-то с силой толкнул дверь, и на пороге показалась Вейхайвей, злющая, как встревоженная оса. Она метнула взгляд на молодца и Златушку, сидевших друг против друга за столом, схватилась за сердце, повалилась на пол и начала дрыгать ногами:

— Ах! Ах! Ах! Он ужинает с другой! Перстень! Немедленно верни мне перстень!

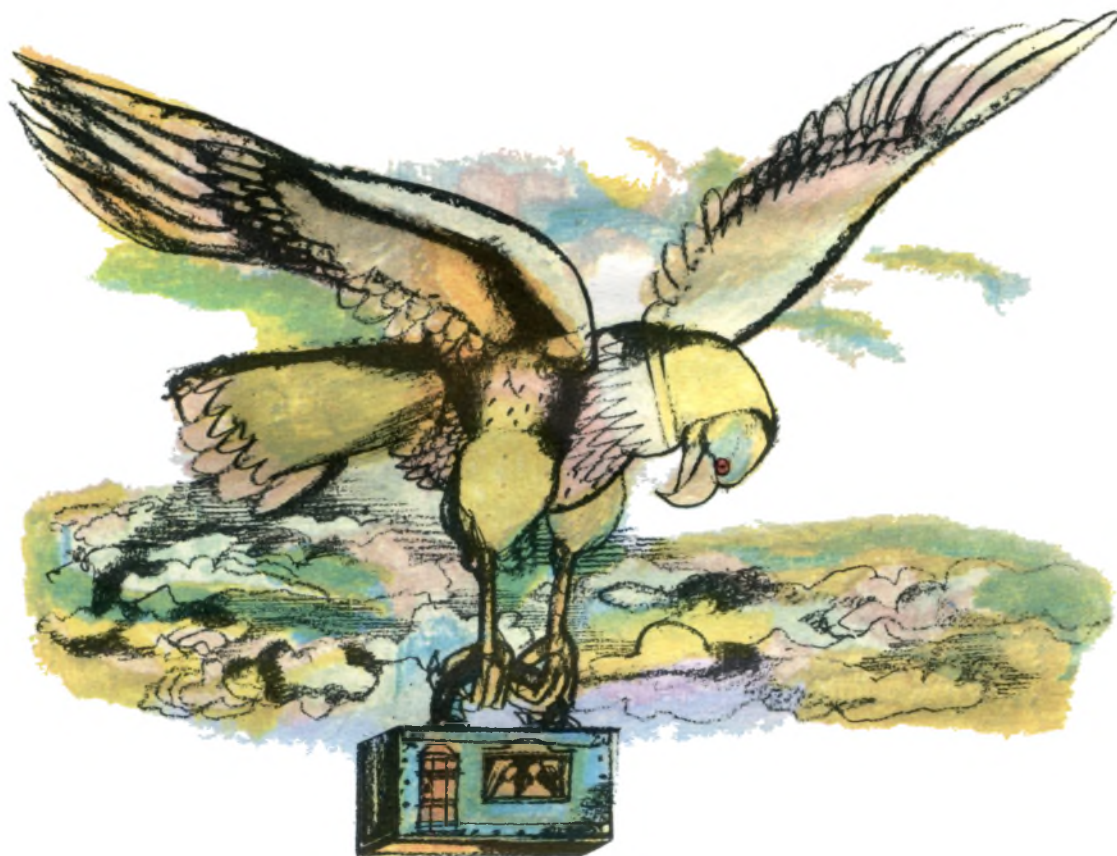
Молодец вытащил перстень из солонки и протянул его Вейхайвей:

— Вот твой перстень! Перестань реветь!

Затем повернулся к Златушке:

— Пойдем-ка отсюда, моя птичка! Этот дворец не про нас. Здесь мы, того и гляди, задохнемся.

Взял ее за руку, и они убежали из дворца.

НА ВЕРХНЮЮ ЗЕМЛЮ

Настал последний день. Благодарные кузнецы за одну ночь смастерили железный сундук, а их жены заботливо разместили в нем хлеб, мясо, бочонки с водой. Сверху, на караваях, стояла корзинка с золотыми яблоками.

Мать Златушки дрожащими руками обняла на прощанье свою дочь, а та запела:

Взгляни на дочку,
милая матушка,
сожми ей руки!
Нынче мы вместе,
милая матушка,
завтра — в разлуке.
Как отведают,
милая матушка,
с зерен солому —

так отрывают,
милая матушка,
дочку от дому!

Старушка еще раз обняла Златушку — она была не в силах оторваться от нее.

Сколько народа собралось провожать молодца, избавившего Нижнюю землю от двух страшных чудовищ!

Братья Златушки один за другим стали прощаться с молодцем. Орлица, усевшись на плиту источника, терпеливо дожидалась.

Наконец прощанье кончилось. Молодец и Златушка залезли в сундук. Уселись на трехногих табуретках, посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись. Крышка закрылась. Тогда орлица взмахнула крыльями и поднялась в воздух.

Описала над деревом два-три круга и стала спускаться к сундуку.

Вцепилась когтями в стальное кольцо.

Поднялась с железным сундуком до облаков.

И чем выше она взлетала, тем меньше становился сундук.

А снизу, с земли, мужчины махали вслед шапками, что-то кричали женщины, орали ребяташки. Орлята попискивали. Взмахивали крылышками, словно посылая прощальный привет.

Но вот птица поравнялась с грозовой тучей и исчезла за ней. Слышался только вой ветра, который гнал облака. Златушка робко прижалась к груди своего спутника.

Вдруг блеснули лучи ослепительного солнца.

Златушка выглянула в окошечко, проделанное в сундуке, и стала искать глазами родной город, но Нижней земли уже не было видно. Она навсегда осталась под тучами.

По щекам девушки покатались слезы.

— Пиу! — крикнула орлица.

Молодец отворил окошко и поднес к клюву орлицы ведро воды.

— Га! — немного погодя крикнула птица.

Молодец подал ей каравай и кусок говядины.

„ПОСЛЕДНИЙ ГРОШ“

Что это за корчма стоит на том самом месте, где раньше был источник с двумя желобами и четырьмя колодами? Над дверью прибита вывеска:

Питейный дом
и заезжий двор
братьев Вербановых

Усталый путник с палочкой через плечо и с котомкой на палке остановился у двери, прочитал вывеску и три раза постучался.

Никто ему не ответил. Тогда он открыл дверь, тихо вошел в корчму и остановился на пороге. Котомку и палку оставил в углу.

За стойкой старший брат, засучив рукава, нанизывал на прут колбасы для копчения.

Средний брат, насвистывая, считал в шапке золотые монеты.

Увидев путника, старший брат кивнул головой среднему, чтобы тот

унес деньги. Средний ушел в соседнюю комнату. Там, между двумя лавками, стояла бочка, доверху наполненная золотыми. Монеты светились, словно раскаленные угли. Средний брат высыпал деньги в бочку и вышел, заперев за собой дверь на ключ.

— Что тебе, дед? — обратился он к путнику.

— Мне-то? Да вот, иду я издалека и захотелось испить водицы. Помню, здесь был источник, из которого...

— Был, — перебил его средний брат, — да сплыл.

— Сделай милость, — подошел к стойке путник, — дай мне чашу воды.

— Мы воду не продаем! — вмешался в разговор старший брат.

— А что же вы продаете?

— Вино.

— А могу я вас спросить — по какой цене?

— По золотому стакан любому!

— Ай-ай-ай, у меня ломаного гроша нет за душой! — вздохнул путник.

— Коли нет у тебя денег — не будет тебе и вина! — сердито крикнул старший, а средний подошел к путнику, сунул ему котомку и палочку и вытолкал за дверь:

— Проваливай-ка отсюда!

— Куда же я пойду? — спросил путник. — Ведь на дворе уже темно!

— Ступай в лес. Там воды — пей не хочуй!

— А волки? Они съедят меня!

— Ну и пусть. На тебе свет не клином сошелся. Одним нищим меньше будет!

Выгнанный путник (а это был тот самый странник, что превратил воду в вино) печально покачал головой, повернулся, поднял руку и медленно произнес:

— Из источника пусть снова вода потечет, а все золотые в бочке пусть в черепки превратятся!

И он быстро удалился в лес.

Немного погодя над верхушками деревьев показалась орлица с железным сундуком в когтях. Она очень устала и с трудом взмахивала крыльями. Приблизившись к корчме, птица опустилась на поляну. Сундук очутился на мягкой траве. Крышка открылась, из сундука вылез младший брат. Следом за ним выпрыгнула Златушка с корзинкой в руках.

Молодец остановился перед орлицей, отвесил ей глубокий поклон и сказал:

— Сердечное тебе спасибо, крылатая птица! Отсюда я сам найду дорогу к отчему дому!

А Златушка сняла с себя ожерелье из янтаря и повесила его на шею орлице.

— На память обо мне! — воскликнула она.
— Желаю вам быть счастливыми до конца жизни! — благословила их орлица.

— Как же ты вернешься на Нижнюю землю, когда и вода, и хлеб, и мясо кончились? — спросил ее младший брат.

— А мне уже ничего не надобно, — ответила птица, — ни воды, ни хлеба, ни мяса! Вниз лететь не трудно. Еще до первой звезды я буду у своих орлят. Прощайте!

И она полетела той же дорогой обратно.

Молодец вошел в корчму.

Увидя его, братья остолбенели.

— Откуда ты? — спросил старший.

— Только что с Нижней земли.

— Что ты там делал?

— Убил Дракона, а вы?

— Мы... мы... дожидаемся тебя, — ответил средний.

На пороге показалась Златушка. Ее лицо светилось улыбкой.

— А эта девушка откуда? — взглянул старший брат на Златушку.

— И она с Нижней земли. Моя невеста! — усмехнулся младший и сказал девушке: — Входи, Златушка, познакомься с моими старшими братьями.

Златушка нерешительно сделала два-три шага, а старший подтолкнул среднего:

— Нацеди вина гостям!

Средний схватил кувшин и спустился по лестнице в погреб. Вскоре оттуда раздался его крик:

— Братец! Из источника течет вода-аа! — орал он, словно его укусила бешеная собака.

— Вода? — раскричался старший. — А ты попробуй, вода ли?

— Я уж пробовал, два раза пробовал! — снова раздался голос из погреба.

— Что же мы теперь будем делать? — ударил себя по лбу старший.

— Не беда, — сказал младший, — вернемся домой, обрадуем старика.

В ту же ночь, как только показавшийся месяц посеребрил черепичную крышу корчмы, злые братья, крадучись, выбрались во двор. Старший нес на спине мешок. В мешке что-то шевелилось.

Средний брат запер дверь корчмы „Последний грош“ и сунул ключ в карман. Но карман был порван, и ключ, незаметно проскользнув в дырку, упал у порога.

Братья молча зашагали среди деревьев.

Не успели они в чашу зайти, как откуда ни возьмись, у корчмы по-

явился странник. Он оставил палочку и котомку у порога, поднял потерянный средним братом ключ, отпер им дверь и вошел в корчму.

Из погреба послышался приглушенный крик Златушки:

— На помощь!

Странник отвалил большой камень, которым была завалена крышка погреба, и поднял ее. Из темноты показалась голова Златушки. Странник спросил девушку:

— Где же твой жених?

— Братья связали его, положили в мешок, заткнули ему рот платком, чтобы не кричал, и куда-то унесли, а меня в погребе заперли.

Странник подал ей руку, вытащил из погреба и сказал:

— Ступай следом за мной! И не бойся! Все устроится как надо.

В это время старшие братья шагали по освещенной луной лесной тропинке. Деревья словно притаились. Не шевелился ни один листок. Дойдя до опаленного молнией дуплистого дерева, средний брат шепнул:

— Здесь волчья тропа. Бросай мешок! Как только месяц скроется за тучей, из своих логовищ выбегут голодные волки и найдут его.

Старший брат опустил мешок и развязал.

Из мешка с трудом вылез младший брат. Его руки были крепко связаны за спиной, ноги опутаны толстой веревкой, рот завязан платком.

Старший брат прорычал:

— Наконец-то мы избавимся от тебя! Сейчас тебя разорвут волки!

А средний, нагнувшись и вынув у него изо рта платок, добавил:

— Дыши, не хочу я, чтобы ты задохся до того, как прибегут волки!

И оба злодея пустились наутек.

— Что я вам сделал худого, братья, зачем вы бросаете меня на съеденье волкам? — крикнул им вдогонку младший.

Ему никто не ответил.

Месяц, потрясенный увиденным, спрятался за тучу. Вблизи завывала стая волков. Между деревьями замелькали огоньки алчно светящихся глаз.

— Пришел мне конец! — простонал младший брат и начал отчаянно биться, пытаясь освободиться от пут, но веревки были крепко-накрепко завязаны.

Волки подбирались все ближе и ближе.

Но в ту самую минуту, когда один громадный волк уже был готов прыгнуть на связанного молодца, из-за деревьев вдруг показался странник. Замахнувшись своей палкой, он ударил зверя по голове и грозно крикнул:

— Прочь!

Волк заскулил, словно собака, и, боязливо поджав хвост, побежал обратно в лес. Следом за ним затрусил вся стая.

Златушка нагнулась над женихом и проворно развязала ему руки и

ночи. Едва опомнившись, младший брат с сердечной благодарностью взглянул на странника и спросил его:

— За что братья оставили меня на съеденье зверям?

— Твои братья — дурные люди. Они хотели похитить корзинку с золотыми яблоками и твою невесту. Думали, вернувшись домой, сказать отцу, что это они убили Дракона, и получить наследство. Но кто роет другому яму — тот сам в нее попадет.

— Эх, где-то мой ослик сейчас?! — воскликнул младший брат.

— Ничего худого с ним не случилось. Чтобы не тратить на него овес, корчмари прогнали его в лес — авось, мол, волки его зарежут. Но он не дался волкам — так брыкался, что подковами чуть все зубы им не выбил. И вот, вместо того, чтобы ослу убежать от зверей, — они удирают, чуть завидят его в лесу. А он расхаживает по лесу. Утром малину ест, а вечером чернику. Вспомнит про тебя — и начинает так реветь, что на весь лес слышно.

Младший брат подпер голову руками и глубоко задумался: у ви-слоухого осла сердце оказалось куда добрее, чем у его братьев.

Странник скинул с себя ветхий плащ и постелил его на траву:

— Ложитесь-ка да поспите, — сказал он, — уж больно вы устали. Я вижу, у Златушки глаза сами собой закрываются.

Младший брат и Златушка легли на твердую постель и тут же заснули крепким сном.

Тогда странник вынул из котомки крылья, прикрепил их к плечам, обхватил молодца правой рукой, Златушку левой и полетел:

над верхушками леса, позолоченными лунным сиянием,
над реками, притихшими в ночи,
над озерами и морями,
над высокими горными хребтами —
прямо к родному селу младшего брата.

После полуночи крылатый старик вернулся, отыскал осла, уснувшего у самых волчьих логовищ, схватил его за уши и поднялся с ним чуть ли не к самому месяцу. Перенес и его.

ДОМА

Золотая голова солнышка окунулась
в каменные колоды источника.

Наступило светлое, радостное утро.

Молодец и Златушка все еще спали на одежке странника. А осел топтался возле, обнюхивал их и приговаривал:

— Это вот младший брат, а это, видать, Златушка!

Первой открыла глаза девушка. Шевельнулась, села и принялась прихорашиваться. Пробудился и младший брат, сладко зевнул, вскочил на ноги и спросил странника, который в это время умывался у источника:

— Где мы?

Странник приподнял голову:

— На том самом месте. где мы ночевали с твоими братьями в ту далекую ночь, когда тронулись по следам Дракона.

Младший брат подошел к страннику, заглянул ему в глаза и задал ему такой вопрос:

— Кто же ты, спасший меня от волков, и почему идешь вслед за мною?

Странник загадочно улыбнулся:

- Я твоя добрая воля.
- А что случилось с моими братьями?
- Они тоже тронулись в путь, но никогда им не добраться до отчего дома.
- Почему?
- Потому что от того места, где мы расстались с ними, до вашего дома сто лет пути.

Произнеся эти слова, странник вдруг исчез, словно никогда его и не бывало.

Младший брат и Златушка уселись на спину осла. Тот наострил уши, заревел и вихрем помчался в родное село.

Вот и отцовский дом! Тяжелые дубовые ворота распахнулись со скрипом, но осел не вошел в них, а по старой привычке перемахнул через забор.

Дед Вербан вышел на порог и приставил ладонь ко лбу — взглянуть, что за гости к нему приехали. Увидя младшего сына и незнакомую девушку на осле, старик-отец протянул к ним руки и прошептал:

- Добро пожаловать! Выпало мне счастье дожждаться вас!

Младший брат нагнулся и поцеловал отца руку, а Златушка поклонилась ему до земли.

В ветвях тенистого ореха защелкали соловьи. Златушка оглядела свой новый дом и ахнула:

- Как здесь хорошо!
- Я, батюшка, — сказал младший брат, — разделался с Драконом и привез тебе все яблоки, которые он похитил.

И протянул отцу корзинку.

Старик взял ее и молвил:

- Спасибо тебе, сынок! Мы вдвоем с тобой вырастим эти чудесные плоды! От каждого семечка будет по деревцу. Недалеко то время, когда по всей земле зашумят яблоневые сады и каждому ребенку достанутся сочные золотые яблоки. И наши потомки будут говорить: „Ах, и вкусны же яблоки деда Вербана!“

Тут петух захлопал крыльями, громко закукарекал — и сказке пришел конец.

СОДЕРЖАНИЕ

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ	5
МАРКО-КОРОЛЕВИЧ	9
МОЛОДЕЦ СО ЗВЕЗДОЙ ВО ЛБУ И ЕГО РОГАТЫЙ КОНЬ	12
БРАТЕЦ И СЕСТРИЦА	20
ЗОЛОТАЯ ДЕВОЧКА	27
ПАРЕНЕК-С-ВЕРШОК	32
ПРАВДОЛЮБ И КРИВДОЛЮБ	36
МАРА ПЕПЕЛЯШКА	41
МАЛЕНЬКИЙ ПАХАРЬ	44
СОРОК БРАТЬЕВ И ИХ СЕСТРИЧКА	49
ДЕТИ ВОЕВОДЫ	52
БЕЛОЛИЦАЯ ДЕВУШКА	56
ПОДАРОК ОТ ДУШИ	63
СЫН ДЕДУШКИ ТОДОРАНА	66
ПРО МАЛЬЧИКА, СОБАЧКУ, КОТЕНКА И ЛЯГУШОНКА	72
ВОЛШЕБНАЯ ПТИЧКА	79
ПРО МАЛЬЧИКА, КОТОРЫЙ ОБО ВСЕМ ХОТЕЛ ЗНАТЬ	83
СТАРИК, СТАРУХА И ЛУНА	89
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК	95
У ЛЖИ НОГИ КОРОТКИ	100
БЕДНЯЦКАЯ ПРАВДА	105
КУЗНЕЦ-ЗОЛОТЫЕ РУКИ	112
БЕСЦЕННЫЙ КАМУШЕК	116
ВОЛШЕБНИК И ЕГО ПТИЦЫ	120
ТРИ БРАТА И ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО	121
ОТЕЦ РАССКАЗЫВАЕТ ПРО ЯЩЕРЕНКА	123
В БОЛЬШОЙ ПЕЩЕРЕ	127
КАК СТАРШИЙ БРАТ ВСТРЕТИЛСЯ С ДРАКОНОМ	130
СРЕДНИЙ БРАТ ОТПРАВЛЯЕТСЯ СТЕРЕЧЬ ЯБЛОКО	133
МЛАДШИЙ БРАТ БЕРЕТ ЛУК	136
ПО СЛЕДАМ ДРАКОНА	139
В ДОРОГЕ	141
СУХОЙ КОЛОДЕЦ	145

МЛАДШИЙ БРАТ УЕЗЖАЕТ ВЕРХОМ НА ЧЕРНОМ БАРАНЕ	148
ВЕЙХАЙВЕЙ И ЕЕ ОТЕЦ	151
НА ПОЛЕ БИТВЫ	155
О БАРАНЕ, УПАВШЕМ С НЕБА	159
В МРАЧНОМ ДВОРЦЕ ДРАКОНА	163
МОЛОДЕЦ БЬЕТСЯ С ДРАКОНОМ	170
В ТРОННОМ ЗАЛЕ	174
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ДВОРЦОВОЙ ПОВАРНЕ	178
ПОСЛЕДНИЙ ПОЕДИНОК	182
МЛАДШИЙ БРАТ И ЗЛАТУШКА УБЕГАЮТ ИЗ ДВОРЦА	186
НА ВЕРХНЮЮ ЗЕМЛЮ	188
„ПОСЛЕДНИЙ ГРОШ“	190
ДОМА	195

Ангел Каралийчев
БОЛГАРСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ
Том второй

Издание второе
Редактор Майя Качаунова
Художник Румен Скорчев
Художественный редактор Жеко Алексиев
Технический редактор Магардич Моралиян
Корректоры Изабелла Томова, Нелли Василева
Цена комплекта 5 р. 80 к.
Формат 60 × 90 × 8 Печ.л 25 Уч.-изд.л. 25 Тираж 100150
13/95372-35274/6008 —42—85
Государственное издательство „Свят“, София
Государственная типография имени Благоева, София
Издано в Болгарии